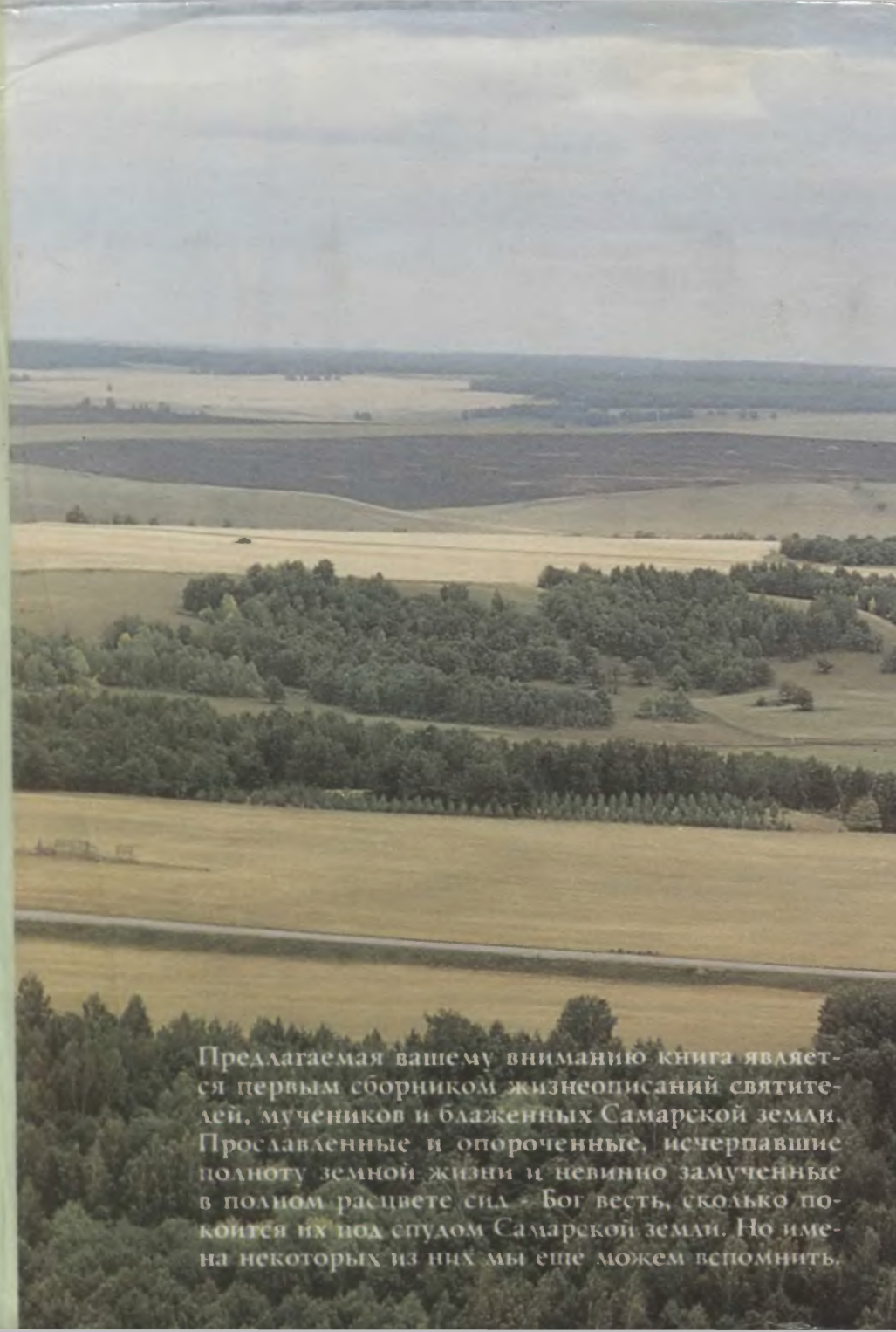


Предлагаемая вашему вниманию книга является первым сборником жизнеописаний святителей, мучеников и блаженных Самарской земли. Прославленные и опороченные, исчерпавшие полноту земной жизни и невинно замученные в полном расцвете сил - Бог весть, сколько покоится их под спудом Самарской земли. Но имена некоторых из них мы еще можем вспомнить.

86.37(2Р-4Сам)
П 44

ПОДВИЖНИКИ САМАРСКОЙ ЗЕМЛИ

ПОДВИЖНИКИ САМАРСКОЙ ЗЕМЛИ

ПОДВИЖНИКИ САМАРСКОЙ ЗЕМЛИ

86.37(2Р-4Сам)
П44
Краеведческая

ПОДВИЖНИКИ САМАРСКОЙ ЗЕМЛИ

Духовный Собеседник

1995

а/2403425
Куйбышевская областная библиотека им. В. И. Ленина

ББК 84Р1
Б94

Печатается по благословению
епископа Самарского и Сызранского Сергия

ISBN 5-86611-006-7

© Авторы-составители: Игорь Макаров, Антон Жоголев
© Оформление Игорь Гречаный
© Издательство "Кредо"

Книга подготовлена к печати редакцией православного журнала "Духовный собеседник". Самара, 1995 г.

Предисловие

У Бога все живы. Все мы по трубе Архангела восстанем к вечности в один час. И как велико будет наше удивление, когда предстанут перед нами десятки земляков, облекшиеся в белые одежды праведности. Прославленные и опороченные, исчерпавшие полноту земной жизни и невинно замученные в полном расцвете сил - Бог весть, сколько покоится их под спудом Самарской земли. Но имена некоторых из них мы еще можем вспомнить.

В древних русских синодиках писали, что если бы не было обычая поминовения усопших, то не было бы и благодати в самой Церкви. Но пока мы имеем молитвенную память о тех, кто предстоит у Престола Всевышнего - милость Господа Бога нашего будет с нами.

Предлагаемая вашему вниманию книга, составленная по материалам православной газеты "Благовест" и журнала "Духовный собеседник", является первым сборником жизнеописаний святителей, мучеников, исповедников и блаженных Самарской земли.

Содержание

Митрополит Мануил (Лемешевский) 6

Святитель Владимир (Богоявленский) 24

Старец Александр Чагринский 36

Иконописец Григорий Журавлев 56

Воин-мученик Фома Данилов 66

Старец Пантелеимон 68

Христа ради юродивый Василий Иванов 72

Блаженная Анна Бузулукская 100

Блаженный Степан Никифоров 110

Блаженная Паша Бугульминская 118

Старец Андрей Злобин 120

Игумен Иларий (Овинов) 128

Старец Василий Троицкий 138

Протоиерей Валериан Лаврский 146

Иеромонах Никита (Сапожников)..... 154

Протоиерей Стефан Акашев 168

Монахиня Серафима (Денисова) 182

Епископ Гурий (Буртасовский)..... 194

Архиепископ Андрей (Комаров) 200

Священник Александр Щербаков..... 214

Странница Иоанна (Коновницына) 222

Люди Божии (Из старых тетрадей)..... 226

Вера-молитвенница 226

Убогая Катенька 233

Старец Иван Павлович 234

Слепой Георгий 235

Монахиня Сусанна 236

Самарский мартиролог 238

Митрополит Мануил (Лемешевский)

Публикуемые нами воспоминания разных лиц о митрополите Мануиле (Лемешевском) очень скупы и отрывисты. Мы сознательно ограничились лишь малоизвестными, в основном связанными с Самарской землей фактами из жизни легендарного митрополита. Полное жизнеописание святителя вряд ли вместила бы и вся наша книга. А всем тем, кто хочет более подробно узнать о жизни и деятельности местночтимого подвижника Самарской земли владыки Мануила, мы предлагаем прочитать биографический очерк митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна "Митрополит Мануил (Лемешевский)", СПб., 1993.

* * *

Из воспоминаний протоиерея Иоанна Зубарева

В Оренбург (тогда Чкалов) я пришел 8 января 1947 г. В городе - ни одного знакомого, в кармане - всего 5 рублей. Зашел я в храм и обратился к монахине, стоявшей за свечным ящиком. Она посоветовала мне поговорить с настоятелем. Он-то и направил меня домой к владыке Мануилу (Лемешевскому). К сожалению, с владыкой я разошелся. В доме его меня накормили, и стал я ждать в кухне его возвращения. Когда владыка вернулся из храма, то прошел прямо на кухню, чего раньше никогда не делал. После обстоятельной беседы владыка Мануил оставил меня у себя на ночь. Прожив в Чкалове 3 недели, я отправился за документами, а по возвращении архипастырь помог мне

устроиться с жильем и принял меня к себе на послушание.

Творя дела милосердия, владыка и меня учил этому. Я обслуживал двух престарелых женщин, выполнял их поручения, ходил в железнодорожную кассу, покупал билеты для выезда эвакуированных. Было и такое послушание, данное мне владыкой, - раздача милостыни неимущим. Для этого давал он мне мешочек с монетами в 10 и 20 копеек. Однажды владыка, увидев, что неимущих было слишком много, велел мне раздавать только по 10 копеек. А когда вечером я показал ему, что деньги остались, по дороге домой он обратился к просящим: "Простите меня, мое маловерие, что раздал по 10 копеек. Я думал, не хватит денег, 10 копеек за мной". В следующий раз подал я на 10 копеек больше, чем обыкновенно.

В архиерейском доме в то время ежедневно кормились 25-30 человек. Самое удивительное было то, что среди них были русские, мордва, татары, башкиры, украинцы - верующие и неверующие. Владыка никогда не делил людей на "касты".

В 1947 г. он выхлопотал как у светских, так и у духовных властей разрешение на крестный ход с Табынской иконой Пресвятой Богородицы на Святые Ключи, что в Башкирии. Путь от Чкалова до источника - 380 километров. В день Святого Духа владыка причастил всех богомольцев, отслужил молебен в путь ходящих и осенил собравшихся Святым Крестом. В дорожную кибитку запрягли бычка. Моими обязанностями было - сохранять содержимое повозки, следить за ее исправностью, кормить и поить бычка.

В поездке мы пробыли около месяца. Когда вернулись с источника в Чкалов, владыка спросил свечницу, как я вел себя в дороге, был ли послушен. Она сказала, что я все сохранил, обязанности свои выполнял исправно. Владыка

обнял меня за плечи и пообещал, что направит меня учиться в семинарию. По его рекомендации я и был принят на учебу.

В январе 1948 г. я приехал на каникулы к владыке. Увидев мою прохудившуюся обувь, он подарил мне подшитые валенки. А на следующий день одна прихожанка принесла ему новые валенки. Тогда владыка заметил: "Я тебе дал подшитые, а мне дали новенькие". Этими словами дал мне разуметь: дающий получает больше, чем дал. А "скупо сеющий, скупо пожнет".

Свой день Ангела в 1947 г. владыка отмечал в Платовке, верующие дарили ему очень много полевых цветов, он принимал их с благодарностью. Не желая оскорбить дарящих, владыка увез с собой в Чкалов несколько мешков с цветами. По приезду, когда занесли мешки во двор и посторонние люди ушли, владыка попросил меня срочно освободить мешки, чтобы они не испортились.

Бывало, сердобольная тетя Феклуша, желая поддержать силы владыки, поджарит рыбки и принесет ему в келью, а он, не нарушая постного подвига, кормил ею кота.

Когда я находился у владыки, часто мне приходилось видеть: сидит он, пишет и вдруг встает, творит молитву, а затем осеняет крестным знамением ту сторону, откуда шла духовная просьба, посылая благословение.

В свое время, будучи епископом Серпуховским, владыка Мануил предсказал служившему с ним диакону Петру, что родятся у него двое сыновей, одному из них будет он восприемником от купели и впоследствии станет этот сын священником. Так все и произошло. Рассказал мне об этом сам отец Петр.

У жительницы Москвы Н. В. муж страдал пьянством. Она обратилась к владыке с просьбой помолиться, чтобы тот бросил пить. Владыка развел руками и сказал: "Что я могу сделать?" По дороге домой Н. В. рассудила так: "Если

уж владыка не может ничего изменить, значит, нужно мне переносить все с терпением".

Позже, когда она еще раз встретила владыку, он дал ей 5 рублей со словами: "Это тебе за твое терпение и рассуждения". А в скором времени муж ее оставил пагубное увлечение вином.

Однажды мы с владыкой встретились в Москве у Н. В. Была пятница. Наступило время обеда, и она начала предлагать ему различные блюда. А я сказал: "Владыка по пятницам принимает пищу - стакан холодной воды и ломоть ржаного хлеба - лишь в 5 часов вечера." Он замахал руками: "Не верь ему, не верь ему!"

Во время своей учебы в семинарии в 1948 г. мыться я ходил в баню. Однажды после отмывания скамьи у меня заболели руки: ладони покраснели, появился зуд. По приезде в Чкалов я обратился в больницу, и болезнь прекратилась. Чуть позже меня с диаконом М. благословили мыть стены собора. От жидкого мыла руки мои снова разболелись. Тогда я сказал владыке, что мне нельзя заниматься этим делом. Владыка спросил: "Почему нельзя?" Я показал ему больные ладони. Он перекрестил мои руки и произнес: "Иди, можешь мыть". И до сего дня руки у меня не болят.

Во время учебы в Сергиевом Посаде (тогда Загорске) я прислуживал архимандриту Маврикию. В марте 1953 г. он скончался. Было у него два креста. Один взяла монастырская братия, а другой - я, дав мысленный обет, что, когда владыка Мануил вернется из ссылки, я отдам ему крест на помин отца Маврикия. В конце 1955 г. владыка возвратился из ссылки и при первой же встрече спросил: "Крест привез?" И я передал ему крест.

Девица Л. шла на операцию и скорбела, что не успела попросить владыку помолиться и благословить ее. Она утешала себя лишь тем, что он духовно провидел ее скорбь. И

вдруг она увидела владыку Мануила, идущего ей навстречу. "Ради тебя я сделал такой крюк, я по этой улице не хожу", - сказал старец.

Л. Ф., жительница Загорска, вознамерилась посетить владыку Мануила. Но в душе сомневалась, как можно ехать, не имея на это его благословения. И снится ей сон: выходит владыка из кельи, поправляет скуфью. А она его раньше никогда не видела. Приняла она это сновидение за благословение и поехала. Когда переступила порог архиерейского дома, владыка вышел из кельи, улыбаясь и поправляя скуфью. "Ну как, похож?" - спросил он ее. Присутствовавшие при этой встрече решили, что владыка не в своем разуме. Незнакомой женщине задает такой непонятный вопрос.

В Рождественский пост 1961 г. приехал я на встречу с владыкой. Когда садились за трапезу, он мне сказал: "А у нас молока нет". Этим он прикровенно обличил меня, что по болезни желудка, нарушая пост, я вкушал молоко. И как бы невзначай обронил: "А я в заключении поста не нарушал".

На праздник святых апостолов Петра и Павла владыка поехал в Бузулук. Когда он служил литургию, ему стало плохо, и по окончании херувимской его отвели в дом настоятеля. Владыку тут же причастили и вызвали врача. Закончив осмотр больного, врач задал ему такой вопрос: "Через день престольный праздник, как Вы поступите?" Владыка ответил: "Пойду служить". Врач возразил: "Вам нужно лежать не менее недели". Но на престольный праздник владыка уже служил.

В заключение скажу, что для меня владыка Мануил - постник, молитвенник, чудотворец, жизнелюбец - был образцом веры, смирения, терпения и любви. И хочется еще раз повторить слова Патриарха Алексия I, сказанные в день погребения митрополита Мануила: "Я верю, что зажглась новая звезда на церковном небосклоне, явился новый молитвенник за Русскую Церковь".

* * *

Из воспоминаний митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева)

Под благовест 1960 года в кафедральный собор г. Куйбышева вступил убеленный сединами архиепископ - это был владыка Мануил. Перевод его состоялся по ходатайству, направленному из Куйбышева в Москву, и по согласию самого архиепископа. Слух о нем давно проник из соседней Чкаловской епархии, многие уже имели о нем представление, как о человеке высокой жизни, и встречали его с радостью.

Когда владыка благословлял, можно было получить духовное удовольствие и пользу даже издали, наблюдая, как он это делает. Он имел обыкновение положить на мгновение левую руку на голову стоящего перед ним человека и в это время истово, не торопясь, благословлять его. Несмотря на то, что это движение повторялось владыкой тысячи раз, в нем не было ничего шаблонного, стандартного, бездумного.

Всякий раз он видел перед собой не часть толпы, не каплю в море, а отдельного человека, в которого нужно влить частицу своей святительской благодати, чтобы она жила и действовала в нем. Это был настоящий духовный труд, при виде которого понятнее становилось евангельское повествование о том, что Христос почувствовал, как от него являлась сила после прикосновения к его одежде кровоточивой женщины. Иногда подходящий к владыке просил благословения для кого-нибудь отсутствующего. Например, одна прихожанка просит помолиться о мальчике-сиротке, которому предстоит сдача экзаменов для поступления в техникум. Владыка спрашивает, в какой стороне Куйбышева он живет, и, слегка повернувшись в ту сторону, по воздуху посылает заочное бла-

гословение неизвестному для него юноше. Экзамены проходят благополучно и легко. Юноша, конечно, не понимает, откуда пришла помощь, а просившая ясно видит и запоминает это надолго. Девушка-чувашка, которой было трудно овладеть некоторыми предметами, особенно русским языком, получившая благословение святителя, так описывает свои ощущения на экзамене: "Я как будто не сама сдавала".

Одна женщина попросила благословения поехать в отпуск. Благословляя, владыка дал ей три конфетки и сказал, чтобы одну из них она сейчас съела, вторую - когда ей плохо будет, а третью привезла бы ему обратно. "Должно быть, что-нибудь плохо будет", - подумала уезжающая. И действительно, на пароходе она заболела дизентерией. Тут она и вспомнила о владыкиной конфеточке и, разломив ее, съела, и все прошло. По-видимому, третью конфетку владыка желал возвратить для того, чтобы при этом услышать из уст самой отпускницы, что с ней было и как кончилось. Нередко объяснял он, что не предсказывает будущее, не знает, что произойдет, но временами сердце подсказывает ему, и тогда он подчиняется этому голосу. "Иногда мне хочется сказать им сделать иначе, а послушаешь то, что говорит сердце, и получается правильно. Если сердце молчит, ничего не подсказывает, и я молчу", - объясняет он. - А прежде, чем дать совет, я углубляюсь в себя". Видимо, он молитвенно спрашивал Господа.

Одной студентке вменили в обязанность участвовать в организации вечера под Пасху и самой выступать на нем. Она и вся ее семья были смущены и расстроены. Услышав о таком затруднении, огорчился и владыка. Грустно опустил он свою седую голову, как бы под тяжестью груза, но вдруг лицо его озарилось светлой радостью, он быстро поднял глаза, а руку положил на склонившуюся перед ним голову. "Все будет хорошо! - уверенно воскликнул он. - Я не знаю, как именно все получится, но все будет хорошо. По-человечески

трудно будет некоторое время, но потом все устроится". Девушка совсем не пошла на вечер, она и домашние поволновались, но никаких неприятностей не последовало. Мать той девушки сетовала на то, что у дочери нет подходящих подруг. Студентки, учившиеся на одном курсе, - очень легкомысленные девушки, думают только о бутылке. Об этой скорби было тоже рассказано владыке. Он спросил имена девушки и матери, записал их и с ласковой улыбкой, как настоящий дедушка, добавил: "Мы ее с вами будем называть "девушка без бутылки". Шутка осталась шуткой, он ее скоро забыл, а в жизни этой девушки произошли важные перемены. Всех слушателей ее курса перегруппировали по-новому, и она оказалась среди наиболее скромных, трудолюбивых девушек.

Цветущая хорошенькая девушка уехала в Киев и вышла замуж. Владыка благословил ее на брак, но предупредил, чтобы она там никаких знакомств и дружбы не заводила. Через родителей и подруг он посылал наставления и благословения, постоянно молился о ней, особенно тогда, когда пришло ей время рожать. Роды прошли благополучно, но через какое-то время святитель неожиданно для родственников молодой матери сказал: "Немедленно шлите телеграмму, чтобы она ехала домой. Если промедлите два дня, будет гроб". Оказалось, что молодая женщина в Киеве познакомилась с какой-то странницей, которая устанавливала свои особенные правила жизни и довела доверчивую женщину до полного телесного и душевного изнеможения, до уныния и мысли о самоубийстве. Она приехала по телеграмме, изменившаяся до неузнаваемости: худая, почерневшая, страшная. Владыка ласково говорил с ней, гладил ей руку, голову, давал ей яблоки, конфеты, потом уже стал молиться над ней, клал ей на голову евангелие и отчитывал. Пришлось отчитывать и ребенка, его трудно было причащать, так он бился. Очень скоро молодая женщина почувствовала себя здоровой.

Высокопреосвященный Мануил имел дар утешения. Скорбящего человека он сажал рядом, гладил его руку, голову, ничего особенного не говорил, а просто давал ему с благоговением какой-нибудь гостинец. Людям с большой болезнью или скорбью приказывал приходить часто. Все бесноватые, которые время от времени появлялись в храме, по молитвам владыки исцелялись.

Пришла к владыке девушка, у которой болела мать. Девушка училась, вела домашнее хозяйство, а по ночам дежурила около матери. Очень уставала. Владыка спросил ее: "Ты плачешь о маме?" Она ответила: "Нет". Действительно, это было так, она как бы окаменела и плакать не могла. Тогда он сказал: "А я много плакал о ней там", - указал рукой на свою келию и заплакал. Когда мать поправилась и пришла к владыке, он спросил ее: "А ты знаешь, что должна была умереть?" - "Знаю". Тогда владыка сказал: "Матерь Божия пожалела тебя ради твоих детей".

Одной посетительнице, которая очень нуждалась, но не хотела брать денег от владыки, он сказал: "Ты не думай, что берешь у меня, тебе дает Божия Матерь. Понимаешь, Она не может тебе дать сама, а дает черёз меня, я у Нее работаю". Зная крайнюю нужду ее семьи, он давал ей некоторые суммы постоянно. Если она отказывалась, не брала, он отворачивался и умолкал, сидел так до тех пор, пока она не скажет: "Отче, я возьму". Тогда он оживлялся и снова становился разговорчивым.

Одна девушка сказала владыке: "Отец, надоело мне в церковь ходить". А он ответил: "Разрешаю тебе пропустить две службы: всенощную и литургию". Она так обрадовалась, дома весело принялась за работу, уборку. Хотела мыть пол, посмотрела на часы: "Отче сейчас в церкви, он всех благословляет, а я дома". Собралась скорее и помчалась в церковь. В другой раз сказал ей же: "Тебе будет отрадой видеть купол церкви, не говоря уже о службе".

"Маленького роста, худенький владыка Мануил видом своим производил такое впечатление, как будто ожили давно иссохшие мощи одного из подвижников. Сам он был очень недоволен своим ростом, считая, что маленький рост мешает благолепию богослужения. И все-таки в богослужении он словно украшал храм собою, внося в него особый благодатный огонь.

Все в нем было смиренно и просто, ничем он внешне не отличался, но ни в ком другом не видела я такого духовного величия, такого глубокого благоговения к каждому священному слову, к каждому действию", - пишет одна жительница нашего города.

Кто не чувствовал теплоты его благословения, чье сердце не преклонялось, когда он, с лицом вдохновенным и кротким, медленно поднимал руки, благословляя народ!..

Никто не может собрать и рассказать полностью все то, что запечатлелось в сердцах разных людей, получивших от митрополита Мануила какую-нибудь помощь. Рассказы эти бесконечны. Было бы очень хорошо и полезно записывать их, постоянно накапливая и обобщая в особый сборник. Это большая тема и нужное дело.

9 августа 1968 года владыка потерял сознание. Три дня пролежал он в постели, а 12 августа в 6 часов вечера мирно скончался в присутствии епископа Иоанна, читавшего в это время канон по исходу души. Врачи победить болезнь не смогли, потому что настало время, когда душа Святителя-труженика должна была отлететь на свое вечное место.

13 августа гроб с телом почившего был перенесен на руках из архиерейского дома в собор. Многие успели поклониться телу святителя еще в архиерейскои доме, а настоящее прощание началось с того часа, как его принесли в собор. Гроб был установлен на почетном месте, на особом возвышении впереди кафедры.

Двумя слаженными потоками, с небольшими перерывами глубокой ночью и на время панихид, подходили с обеих сторон желающие проститься.

На похороны приехали люди из Оренбурга, Чебоксар, Москвы. Епископ Чебоксарский и Чувашский Николай вместе с епископом Иоанном совершали литургию 15 августа, в день погребения. Чин погребения возглавлял митрополит Пимен как первенствующий член Синода.

Духовенство и народ в волнении отдавали последний долг своему святителю. Истерических рыданий не было, но сдержанных слез было так много, что они заставляли дрогнуть и сердца чужих, равнодушных людей, случайно заглянувших в собор или привлеченных туда простым любопытством.

С точки зрения таких людей, смерть больного старика не событие. Но, постояв среди толпы, взволнованной однородными чувствами, даже и они убеждались, что смерть этого человека - настоящее событие, и притом событие огромной важности.

Митрополит Пимен в немногих словах дал яркое определение того глубокого значения, которое имеет эта смерть: "Когда я уезжал сюда, Святейший Патриарх Алексий сказал мне: "На церковном небосклоне зажглась новая звезда праведника". Теперь я вам говорю от себя: - нет ни одного церковного деятеля, которому не было бы известно имя митрополита МАНУИЛА как борца за православие, как архиерея-труженика и как человека, отличавшегося высоким личным благочестием".

Тело почившего было погребено в притворе кафедрального собора, освященного во имя Покрова Божией Матери. Великая Старица взяла нашего старца под Свой небесный покров.

Пречистая Матерь Емануилова! Моли Сына Твоего, да упокоит душу его с праведными.

* * *

Из воспоминаний протоиерея Иоанна Державина

Мне владыка Мануил рассказывал, что, когда сидел он в Мордовии, в Потьминских лагерях, к нему иногда обращались за советами заключенные. Один молодой человек спросил его:

- Дедушка, вот ты, говорят, много знаешь. Я ни за что сижу. Скажи, отчего это?

- Ладно, - отвечал владыка. - Я помолюсь, и если Бог откроет, то завтра тебе скажу.

Утром он говорит тому молодому человеку:

- Ты, действительно, сидишь ни за что. Та статья, по которой тебя посадили, тебе не соответствует. Но Бог тебе дал это вот за что. Ты хулиган был. Залез к соседям. А у них было шесть человек детей. Ты расколол кочаны капусты, открыл засов и выпустил корову. Корова потерялась. Вот за это тебя Бог наказал. Хотя судили тебя за другое, но наказание несешь за этот случай.

При этом разговоре присутствовали уголовники. Один из них обратился к владыке Мануилу:

- Дедушка, скажи мне, а почему я из тюрьмы вообще не выхожу? Только выйду - и меня опять сажают.

- Ладно, - говорит владыка. - Завтра отвечу, если Господь откроет.

Утром следующего дня он сказал тому уголовнику:

- Зачался ты в Великую Пятницу. Всю жизнь проведешь в тюрьмах и умрешь в тюрьме.

* * *

СВЯТАЯ МОГИЛКА

Однажды кто-то сказал, что величайшей победой дьявола было внушить людям, что его нет. Пусть думают, что все творящееся в мире происходит по воле человека, стоит только захотеть, все изменится. Но бывают в жизни такие моменты, когда человек не может справиться сам с собой.

Случай, происшедший в наши дни в одном из самарских храмов, настолько потряс всех, что верующих укрепил в вере, неверующих же заставил содрогнуться и задуматься.

Пришла в храм миловидная молодая женщина и рассказала, что последнее время ее характер сильно изменился. Она стала нервной, неуравновешенной; часто кричит на детей, хотя раньше боялась даже голос на них повысить. Стала употреблять слова, которых прежде не могла слышать от других. Ей стало казаться, что внутри нее кто-то сидит и управляет ею, не давая нормально жить. Изменения, происшедшие в ней, заметили и на работе.

Дети тоже стали другими: часто плачут, дерутся. Раньше в доме был мир и покой - сейчас не хочется идти домой, все в этой семье устали друг от друга.

"Обычная, нормальная" в наше время домашняя обстановка, но священник заметил сильное волнение женщины и решил ей помочь. Он знал, что есть разрешительная молитва от злых духов, но раньше ему не приходилось прибегать к ней.

Служба в церкви закончилась, прихожане почти все разошлись, священник взял молитвенник и начал читать. С первых же слов молитвы чуть заметный холодок пробежал по спине священника, затем он явно ощутил какое-то волнение. Вдруг священник услышал за спиной крик, напоминающий звериный, который все усиливался. Он оглянулся и увидел перекошенное гримасой лицо той самой женщины и стоящую рядом монашенку. Монашенка вся белая, как полотно, едва произнесла: "Читайте, батюшка, нельзя останавливаться, читайте". (Понимая суть происходящего, она не потеряла самообладания). Этот ужасный крик, напоминающий волчий, продолжался все время, пока звучала молитва. Когда священник кончил читать - крик затих. Подойдя к женщине, священник привел ее в чувство, дотронувшись до нее рукой. Она очнулась как от страшного сна, лицо ее было бледно,

руки дрожали. Несчастная стала плакать и просить священника простить ее за все, что она здесь творила. Ей было очень стыдно, она все слышала, понимала, но ничего не могла с собой поделать. Вскоре подошел настоятель храма. Он тоже попытался утешить женщину. Желая ей помочь, он предложил окропить женщину святой водой. Только он взял кропило и со словами "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа" брызнул на женщину водой, как она сильно изменилась в лице, казалось, вот-вот набросится на него. Волосы на ее голове поднялись, и она стала кричать не своим голосом, браниться на священника, называя его по имени, хотя видела его впервые. Брань смешивалась с угрозами и проклятиями в его адрес. Так продолжалось несколько минут. Затем успокоилась и обессиленная и рыдающая опустилась на пол.

Из храма все ушли молча - увиденное было сильнее всяких слов.

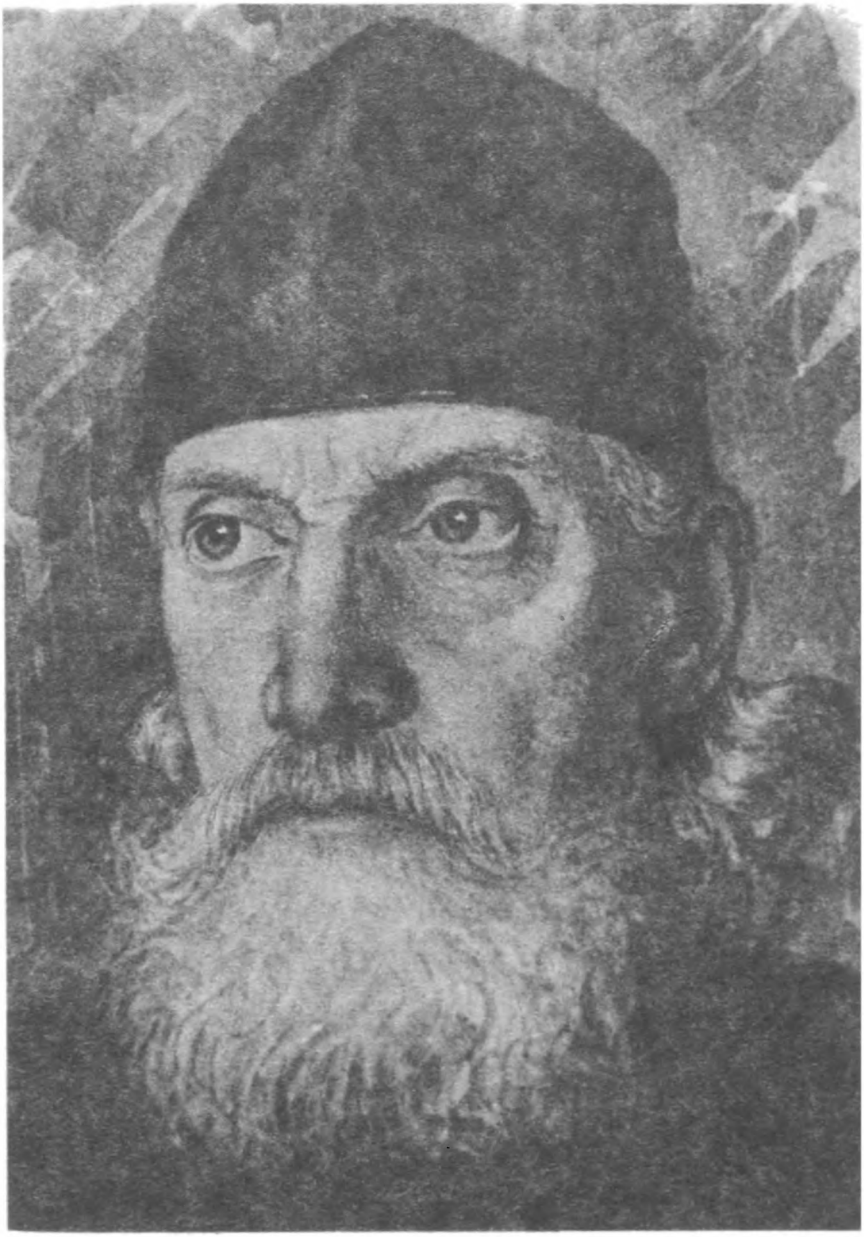
Вновь в церкви женщина появилась спустя два дня. Она искала священника, что в прошлый раз читал над ней разрешительную молитву. Того священника в церкви не было, но был другой. Он все знал о женщине, и ее появление обрадовало его. Женщина рассказала, что состояние ее стало вроде бы получше, но в целом беспокойство не исчезло. Священник держал в руках Евангелие и решил благословить им женщину. Тут с ней повторилось то же, что и в прошлый раз. Она стала неистово кричать и браниться. Как только Евангелие унесли в алтарь - беснование прекратилось. В то же время в церкви была одна очень благочестивая прихожанка. Происходящее у нее на глазах не смогло оставить ее безучастной, и она вызвалась помочь несчастной. Она предложила ей посетить Покровский собор и приложиться к могилке митрополита Мануила Лемешевского. Все верующие Самары знают это чудное место. Никто из прихожан не уйдет из собора, не приложившись к святыне. Много людей получили исцеление и утешение от нее. Некоторые до сих пор не знают причин

своего выздоровления, и только старые прихожане уверены, что исцеление дает митрополит Мануил.

Живые цветы в любое время года на надгробном камне могилки - доказательство величайшего уважения и веры самарцев в святость своего митрополита. А кто был в Покровском соборе 12 августа, в день памяти митрополита Мануила, знает, сколько людей приходит почтить его память, что люди помнят и любят своего молитвенника.

Женщина согласилась пойти в собор. Подойдя к могилке, она нагнулась над ней. Но едва успела коснуться губами святого места - упала на пол, стала кататься по нему и страшно кричать. Женщина, что привела ее в собор, сильно испугавшись, пыталась утешить ее. Но, к счастью, все продлилось недолго: минуту или две. Затем она затихла. Ей помогли подняться. Она была очень бледна, по щекам текли слезы. Затем она вновь подошла к могилке и теперь уже, приложившись к ней, долго не могла отойти - так ей стало хорошо и спокойно, как не было уже очень давно. Она почувствовала себя исцеленной.

Ирина Шестун.



Митрополит Мануил (Лемешевский)

Митрополит Мануил (Лемешевский)

Митрополит Мануил в окружении самарских прихожан

Митрополит Мануил со своим духовным сыном, епископом Иоанном (впоследствии метрополит Санкт-Петербургский и Ладожский)

Могила митрополита Мануила (Лемешевского)
в Самарском Покровском кафедральном соборе

Святитель Владимир (Богоявленский)

Митрополит Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский) родился 1 января 1848 года в селе Малые Морошки Тамбовской губернии, в семье священника. В 1874 году он окончил Киевскую Духовную Академию и в течение семи лет преподавал в Тамбовской семинарии. В 1882 году будущий митрополит принимает священнический сан. Свое пастырское служение отец Василий начал в городе Козлове. Через четыре года Господь ниспослал ему первое тяжелое испытание: умерла его жена, а вскоре и единственный ребенок.

Отец Василий удалился в монастырь и принял монашество с именем Владимир, став настоятелем Козловского Троицкого монастыря в сане архимандрита. В том же году архимандрит Владимир был перемещен в Новгород настоятелем монастыря Святого Антония Римлянина. Дальнейшее служение Церкви быстро вело его по иерархической лестнице. В 1888 году он был посвящен во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. А через три года получил назначение в Самарскую епархию.

...Ранним февральским утром 1891 года колокола всех самарских церквей возвестили о приезде в город нового архиерея - Преосвященного Владимира. Казалось, вся Самара вышла в этот день встретить владыку. Уже на железнодорожном вокзале прибывшему скорым поездом епископу представители духовенства епархии, губернского дворянства и служащих духовно-учебных заведений поднесли хлеб-соль, а Иверский женский монастырь к тому же и икону Богоматери - искусный труд своих рукодельниц.

Еще до прибытия Преосвященного распространялись в городе слухи о необычайной простоте и необыкновенном усердии нового владыки, но действительность превзошла все ожидания самарцев.

Не было храма в городе, где бы архиерей ни служил в храмовые праздники. Введя в Самарских церквях внебогослужебные собеседования, епископ Владимир обыкновенно сам приезжал к вечерне, сам совершал молебствие после нее, читал акафист, сам же вступительной речью открывал собеседование, которое продолжал приходской священник. Но иногда Преосвященный появлялся на собеседование и там, где его совершенно не ожидали. Чтобы поднять нравственный уровень своей паствы, епископ Владимир положил начало духовно-нравственным чтениям в зале Городской Думы. На них публики всегда бывало столько, что и Думский зал, и хоры, и прилегающие к залу комнаты обыкновенно бывали полны.

Сознавая всю важность миссионерского служения, владыка возобновил прекратившиеся было противораскольнические и противосектантские собеседования в самарских приходских храмах. В 15 часов каждого воскресного дня раздавались призывные удары колокола, и архиерей спешил на очередное собеседование ободрять начинающих миссионеров и верующих самарцев своим присутствием.

В Самаре Преосвященный Владимир проявил себя и энергичным борцом со страшным народным бедствием - пьянством. Еще в конце 70-х годов духовенство Самарской епархии признало необходимость учреждения церковных обществ трезвости, но они стали открываться только с приездом нового епископа, в 1891 году. Постепенно их число выросло до нескольких десятков.

За время своего попечения о самарской пастве владыка Владимир открыл более 150 церковно-приходских школ. Однако он не искал увеличения числа этих учебных заведений во что бы то ни стало, а желал преимущественно качественного их усовершенствования. Много потрудился Преосвящен-

ный над делом церковного строительства: в бытность его в Самаре было выстроено 10 церквей.

Часто епископа Владимира можно было увидеть в Самарской Духовной семинарии. Там владыка нередко сам экзаменовал учащихся, отличал особо усердных, проявлял заботу о быте семинаристов. Потому совсем неудивительно, что наша епархия давала много абитуриентов в высшие духовно-учебные заведения. Так, в духовные академии России поступало в год до 10 самарцев.

Особенно энергичную и самоотверженную деятельность проявил Преосвященный Владимир во время народных бедствий.

Во время голода в Самаре он учредил епархиальный комитет для сбора и раздачи пожертвований пострадавшим, сделал предписание об отчислении процентов из церковных наличных сумм, при всех монастырях и церквах приказал устроить столовые и чайные. В бездождье 1891 года архиерей учредил крестные ходы, причем трудился сам больше всех, а когда начались дожди, он призвал свою паству обратиться к Господу с благодарственной молитвой.

Самарский владыка не жалел сил и средств, чтобы спасти умирающих от голода. И в это же время в Самаре молодой помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов всеми силами "разлагал" созданные комитеты помощи голодающим. Они были рядом в те годы. Епископ и революционер. Один спасал и кормил, другой "имел мужество открыто заявить, что последствия голода, этого могильщика буржуазного строя, - явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога и со временем толкнет крестьянина на путь революции и облегчит победу революции". И этого факта достаточно, чтобы понять, что "кровавую баню" народу нашему этот "безусый" тогда еще "вождь" готовил сознательно... Но в той, первой схватке владыка Владимир все-таки победил: "Все как один человек, по свойству русской души,

откликнулись на нужды пострадавших от неурожая. Пожертвования посыпались с разных сторон ".Только в Самаре было собрано 26 тысяч пудов продовольствия.

Потом их пути разминулись. Но, видимо, "вождь пролетариата" не забыл своего самарского противника: зверское убийство митрополита Владимира, по замыслу "интернационалистов", стало "сигнальной ракетой", началом физического уничтожения цвета Русской Православной Церкви... Все это можно было предвидеть еще тогда, в голодный 1891 год. Ведь еще в Самаре будущий "вождь" спокойно сказал, что с комитетом помощи голодающим "есть только один способ разговора: рукой за горло и коленкой в грудь". Так все и случилось.

За одним бедствием Самару ждало другое - на опустошенную неурожаем губернию надвигалась с юга холерная эпидемия.

Епископ Владимир на холерном кладбище сам служил панихиды, на видных местах и площадях города устраивал молебны об избавлении от беды. Владыка своим пастырским словом убеждал население города не падать духом и пользоваться врачебной помощью. Нередко, несмотря на опасность, он посещал безнадежно больных в городских госпиталях.

Преосвященный Владимир способствовал учреждению в Самаре православного епархиального Братства, избравшего святителя Алексия своим небесным покровителем. В день открытия Братства, 12 февраля 1892 года, епископ Владимир так определил его главную цель: нравственное совершенствование и воспитание в людях сострадания и взаимной любви.

Несмотря на короткий срок пребывания на Самарской кафедре, Преосвященный несколько раз проехал Самарскую губернию из конца в конец. Странствуя по самым отдаленным и глухим деревням, он основывал новые приходы, противостоял раскольникам, сектантам и заезжим проповедникам неправославных вероучений.

Неожиданно прозвучал для самарцев императорский указ о переводе епископа Владимира на освободившуюся кафедру экзарха Грузии. Народ, отказываясь поверить в неожи-

данное сообщение, немедленно заполнил архиерейские покои, двор и близлежащие улицы, чтобы узнать из первых уст о случившемся. В последующие дни те церкви, где проводил свои последние богослужения владыка, до отказа заполнялись верующими. На улице люди, нарушая движение экипажей, повсюду сопровождали карету епископа, чтобы получить последнее благословение.

Самарская полиция для безопасности жителей города приняла некоторые меры: были выставлены усиленные наряды у церквей, у архиерейского дома и на тех улицах, по которым проезжал Преосвященный.

На вокзал, откуда поезд должен был увезти владыку в далекую Грузию, Преосвященный Владимир был вынужден отправиться холодной ночью 3 ноября 1892 года, так как днем для него не было никакой возможности покинуть город - самарские верующие решили никуда не отпускать архиерея. Только поздним вечером самарцы расходились от архиерейского дома, убедившись, что Преосвященный на месте, в своих покоях.

Но и на вокзале, несмотря на ночь, епископа ожидала густая толпа народа, над городом плыл колокольный звон. Многие не могли сдержать рыдания, да и сам владыка несколько раз доставал платок. Входя в вагон поезда и в последний раз благословляя свою любимую паству, владыка Владимир тихо произнес: "Се час отшествия моего от вас настал! Иду с готовностью на новое дело!"

"Поезд тихо двинулся и унес из глаз наших владыку, сопровождаемого воплями и слезами. С удалявшимся поездом затихали и звуки колокольного звона над Самарою. Среди наставшей тишины еще сильнее стало ощущение какой-то пустоты в сердце...", - писали "Самарские епархиальные ведомости".

Пять лет управлял святитель Грузинским Экзархатом в сане архиепископа Карталинского и Кахетинского. В 1898 году Высокопреосвященный Владимир был назначен митрополитом Московским и Коломенским, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры священно-архимандритом.

Вспоминая о его архипастырском служении в Москве, один иерарх писал: "Кроткий и смиренный, ничего для себя лично никогда не искавший, правдолюбивый и честный, владыка Владимир постепенно и тихо восходил на высоту иерархической лестницы и сразу высоко поднялся своим авторитетом. Он привлек сердца церковной и патриотической России в дни всеобщего шатания и измены (1904-1905 гг.), когда немногие оставались верными долгу и присяге, твердыми в защите Православной Церкви..."

В силу врожденной скромности и даже некоторой застенчивости святитель Владимир старался быть незаметным. Так же незаметно для посторонних глаз оделял он нищих, вдов и сирот. Он всегда стремился быть ближе к пастве. Часто приезжал на московские фабрики и заводы. После молитвы вел долгие беседы с рабочими, предупреждал их об опасности увлечения социалистическими идеями - как бы пророчески предсказывая, к какому несчастью приведет Россию это противохристианское учение.

В 1912 году, когда скончался первоиерарх Православной Российской Церкви, митрополит Петербургский и Ладожский Антоний, на его место был назначен митрополит Владимир. Три года управлял он Петербургской епархией. Это было трудное время для церковно-общественного служения - в столице усиливалось влияние "распутиновщины". Святитель Владимир вступил в борьбу с темными силами со свойственной его характеру решительностью.

Борьба эта была особенно трагична в силу того тягостного недоразумения, которое возникло между лучшими кругами русского общества, к каковым примыкал митрополит Владимир, с одной стороны, и государыней императрицей Александрой Федоровной, с другой.

Государыня более всего в жизни любила своего сына, цесаревича Алексея, и более всего трепетала за его судьбу. А произошло так, что она уверовала, будто судьба царевича тесно связана с судьбой "старца" Григория Распутина. На этом убеждении царицы и было построено его громадное, почти

неограниченное влияние. Когда это влияние распространилось и на церковную жизнь, митрополит Владимир счел для себя невозможным дальнейшее молчание и попросил аудиенции у государя. Обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Саблер предупреждал его о том, что тема разговора очень болезненная, но святитель смело шел на исполнение того, что считал своим долгом.

Выслушав владыку, государь заметил, что, может быть, он и прав во многих отношениях, но что царица никогда с этим не согласится.

Так оно и получилось. Узнав о разговоре государя с митрополитом, она была страшно возмущена. В ответ на обвинения против Распутина царица говорила, что старец Григорий неоднократно спасал жизнь наследника и никогда не допустит она грязной мысли о старце.

В 1915 году святитель Владимир был удален из Петрограда на кафедру митрополита Киевского.

Осенью 1917 года, когда образовалась Украинская держава, в Киеве появилось и временное правительство для всей Украинской Церкви, во главе которого встал бывший на покое архиепископ Алексий (Дородницын), в прошлом Владимирский архиерей, изгнанный своей паствой за дружеские отношения с Распутиным.

Самочинное церковное правительство начало переустройство всего уклада церковной жизни в украинских епархиях. Во все духовные консистории были посланы "украинские комиссары". Воспрещалось поминовение за богослужением Всероссийского Патриарха Тихона, а вместо него приказывалось поминать "Всеукраинскую церковную Раду", возглавляемую архиепископом Алексием. В адрес митрополита Владимира посыпались оскорбления и угрозы.

Деяния Рады встревожили все православное население Киева. Многолюдное собрание приходских советов постановило всеми силами выступить против антиканоничной попытки создать автокефальную Украинскую Церковь. Однако раскольники не унимались.

Пытаясь сместить митрополита Владимира, архиепископ Алексий поселился в Киево-Печерской Лавре и стал возбуждать против него монахов-украинцев. Дело дошло до того, что владыка чувствовал себя в митрополичьих покоях, как в осажденной крепости, но оставался непреклонен.

В начале 1918 года в Киеве началась гражданская война. Обители и храмы подверглись обстрелу. 23 января большевики овладели Лаврой. С папиросками в зубах, в шапках врывались они в храмы. С криками и площадной бранью производили обыски даже во время богослужений; ругались и кощунствовали над святынями. Монахов раздевали, секли нагайками и издевались над ними. Во время обысков происходили повальные грабежи.

В то время, когда обстреливали Лавру, святитель Владимир молился в храме или у себя в покоях. Последнюю Литургию он совершил 21 января, в воскресенье; 24 января служил акафист Успению Божией Матери.

25 января вечером в Лавру явились вооруженные люди во главе с комиссаром-матросом.

- Где живет митрополит? - спросил комиссар.

Некоторые из братии, возбужденные агитацией Алексия Дородницына, стали жаловаться на владыку и показали, где находятся его покои.

- А почему у вас нет комитетов? - неожиданно закричал матрос. - Везде есть, а у вас нет.

- У нас не должно быть комитетов - мы монахи.

- Вы только миллионы собираете. Скажите, что у вас там в пещерах? Мы все оттуда вынем и рассмотрим. Если там ничего не окажется или окажется воск - всех вас перережем. А митрополита больше вы не увидите...

Убийцы направились к митрополичьему дому. По свидетельству келейника, они повели владыку в спальню. Заперев двери, глумились над ним, душили цепочкой от креста, требовали денег. Минут через двадцать вывели его во двор.

Брошенный братией, окруженный палачами, кроткий старец шел на казнь, осеняя себя крестным знамением. Шел спокойно, словно на служение Литургии.

К месту расстрела его привезли на автомобиле. Перед смертью святитель попросил разрешения помолиться. Молился он вслух: "Господи, прости мои согрешения, вольные и невольные, и прими дух мой с миром!" Затем благословил своих убийц и сказал: "Господь вас да простит".

Среди гробовой тишины послышались выстрелы. "Это, наверное, владыку расстреливают," - робко сказал кто-то из иноков.

В ту ночь покой обители больше не нарушался. Братия спала крепким сном, и только на рассвете узнали от женщин, пришедших в Лавру на богомолье, что за оградой, среди крепостных валов лежит мертвый владыка.

Он лежал на спине в луже крови. На нем не оказалось панагии, клобучного креста, сапог и золотых часов. Тело было изувечено множеством колотых и огнестрельных ран.

- Вы еще хоронить его будете - в ров его бросить! - кричали монахам оказавшиеся неподалеку солдаты. - Мощи из него сделать хотите.

После краткой литии останки убиенного святителя положили на носилки и перенесли в Михайловскую лаврскую церковь. Здесь он проводил в молитве дни своей земной жизни, своего подвижнического служения, за которое удостоился получить от Господа великую награду - мученический венец.

Митрополит Владимир (Богоявленский) был первым в сонме замученных и убиенных русских православных архиереев. В то время, когда его убили, в Москве проходил Поместный Собор Всероссийской Православной Церкви. Весть о мученической кончине старейшего иерарха потрясла всех членов Собора.

Собор постановил творить ежегодное молитвенное поминовение всех усопших во время гонений исповедников и мучеников в день кончины святителя - 25 января. В 1992 году решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви митрополит Владимир был причислен к лику святых.

Святителю отче Владимире, моли Бога о нас!

Икона священномученика Владимира (Богоявленского).

Старец Александр Чагринский

"В век апостольский для христиан первенствующей церкви Христовой были особые, чрезвычайные дарования Святого Духа. Может быть, и в нынешние времена для возбуждения спящей совести у людей маловерных или ищущих Господа также необходимы личности с особыми духовными дарованиями, с духом и ревностью Илиною, как отец Иоанн Кронштадтский, как подвизавшийся в затворе ученый, епископ Феофан, старец Амвросий Оптинский. К числу таковых, без сомнения, принадлежит и наш отец Александр Юнгеров!" - писали в 1896 г. " Самарские епархиальные ведомости".

Родился отец Александр в 1821 г. в селе Аблязово Пензенской губернии, в семье причетника Стефана Игнатьева. Отец его вскорости получил священство и до конца дней своих служил в селе Юнгеровке (отсюда и фамилия, закрепившаяся по традиции тех лет за его семейством - Юнгеровы). Весьма примечателен один случай, который произошел с отцом Стефаном на последнем году его земной жизни. Случай этот, как необычное знамение милости Божией, во многом и предопределил судьбу 11-летнего отрока Александра. Однажды на свадебном пиру, куда по приглашению родитель его считал нужным явиться для того, чтобы придать свойственную христианскому празднику чинность и благообразие, он выпил какую-то отраву и сильно занемог. А через несколько дней болезнь сразила его насмерть. Покойника одели и приготовили к погребению. Но через сутки он вдруг очнулся, приподнял голову с одра и произнес, что хоронить его еще рано. А на вопрос, что же с ним было, отве-

тил: "Обмирал, был в загробном мире, видел места райского блаженства и загробных мучений. Показаны были уготованные там разным ведомым мне лицам заслуженные воздаяния; но не велено о всем том рассказывать. Если все рассказывать, то поведут к Царю!" Также отцу Стефану сообщено было, что на землю он возвратился на шесть недель, в течение коих должен несколько раз чистосердечно исповедоваться (помянуты были даже грехи, о которых он не сказал на последней исповеди), причаститься, пособороваться, а к концу созвать все родных и проститься с ними. А в ответ на его просьбу пожить еще хотя бы годок, так как остается пять малолетних детей, было сказано, что "о детях позаботится Сам Господь лучше, чем живой родитель". Предсказание сие в точности и исполнилось.

В сентябре этого же года Александр поступил в Саратовское Духовное училище и, окончив его через пять лет, перешел в семинарию того же города. Он не отличался особыми способностями и к тому же был робок. Выручало его лишь необычное прилежание: он не только весь день и вечер учил уроки, а и на ночь клал под подушку книги и, как только просыпался, начинал вновь и вновь повторять уроки... И Господь помог ему окончить в 1842 г. полный курс семинарии. Женившись в октябре этого же года на бедной сироте, Александр был рукоположен во священника Преосвященным Иаковом, епископом Саратовским.

Первым местом службы его стало село Третьяки Сердобского уезда. Потом он долгое время служил в селе Неверкино, а с июля 1843 г. был перемещен в село Балаково. И при тамошней Троицкой церкви священствовал отец Александр почти 40 лет. Нередко прихожане этого села заставали своего доброго пастыря спящим от переутомления за развернутой для чтения книгой или на коленях с канонником в руках. "С Господом беседует!" - шепотом говорили они в таких случаях... Навзрыд плакал весь добрый люд села Балаково, когда пришло известие об

удалении с места батюшки Александра по собственной просьбе - ввиду болезни и немощи. Епархиальное управление было завалено многочисленными ходатайствами об оставлении его в селе Балаково до тех пор, пока "не сложит здесь свои кости".

Но, много раз в детстве студившийся, служивший 18 лет в холодном храме, крайне переутомленный, отец Александр, вместо увольнения за штат, определяется в Чагринский женский монастырь. Место же при Троицком храме, согласно желанию отца Александра, предоставляется его сыну - священнику Василию Юнгерову. (Отец Василий скончался 8 февраля 1900 г. на 10 месяцев ранее своего отца).

Служба в Чагринском монастыре была несравненно легче. Церковные службы тогда еще проводились не ежедневно, треб по домам не было, ведение документов принадлежало опытной и образованной игуменье Серафиме. Поэтому отец Александр по большей части занимался в школе с обычною любовью к этому "душеполезному" делу. И кроме этого, "пользуясь досугом", начал он привлекать к обители соседних крестья постоянными поучениями и беседами на дому. Тогда и прокатились по Николаевскому уезду первые слухи о "сердцевидном и чудотворном батюшке" из Чагринской обители. И постепенно народ, который до того времени, живя на расстоянии 15-20 верст от пастыря, едва знал о существовании обители, стал постоянно посещать ее. Число насельниц обители стало также быстро увеличиваться. А в связи с этим росло и число монастырских зданий.

Но 1 апреля 1892 г. (в первый день Пасхи) отца Александра постигло несчастье - отошла ко Господу его жена, отличавшаяся удивительно добрым нравом и усердием в молитве. Именно тогда, в дни скорби и многочасовых молитв за упокой души своей возлюбленной подруги, батюшка дал наказ духовным дочерям. Он просил, чтобы в последний день его жизни, сразу вослед отходной молитве, был пропет над

ним пасхальный тропарь - "для укрепления души", а если будет такая возможность, то петь его над могилой хоть иногда.

После смерти жены состояние пастыря заметно ухудшилось, он часто испытывал жар, бессонницу, слабость, и 20 апреля 1893 г. отец Александр был уволен по состоянию здоровья.

Казалось бы, на этом и должно было прекратиться все его общественное служение. Но Господу угодно было другое. Готовивший Своего избранника еще с детства, подкреплявший его многократно в последующем пастырском служении, Господь прославил его по всей России даром чудотворений. Сонмы народа разноплеменного: чуваши, грузины, мордва, татары и даже болгары, немцы и англичане - съезжались в Чагринскую обитель лишь для того, чтобы получить благословение, услышать голос или хотя бы увидеть чудотворца - батюшку отца Александра. Наплыв посетителей в некоторые дни доходил до тысячи и более человек. Он, как "град, на верху горы стоящий", виден был издалека. А сотни и тысячи чудесных событий, совершающихся здесь, невольно переносили мысль к отдаленным временам христианского аскетизма - Симеона Столпника, Антония Великого и русского старчества.

Ему уже доходил восьмой десяток - высший предел псаломских лет (Пс. 89,10), когда слава о нем, распространившись по всей России, достигла и"тысячелетнего монашеского царства" - Святой Горы. Для иноков русского Пантелеимоновского монастыря имя заштатного чагринского протоиерея было к тому времени уже небезызвестно. Многочисленные чудеса, совершаемые Господом по его молитвам, часто вдохновенно описывались в посланиях духовных чад из России. А впоследствии полное жизнеописание отца Александра Чагринского займет свое место в книгохранилищах Афонского монастыря рядом с Житиями великих русских святых и мес-

тночтимых подвижников, в чьей святости афонские молитвенники не сомневались.

Так что же происходило чуть менее века назад в 120 верстах от Самары в скромной степной Чагринской обители?

БУДНИ СТАРЦА

Каждый день после совершения в Покровском храме Чагринского монастыря Божественной Литургии многочисленные богомольцы, собравшиеся сюда из различных уголков России с волнением ожидали появления батюшки Александра. Местные инокини, быстро наполнив ключевой водой установленную в центре храма большую металлическую кадь, предназначенную для водоосвящения (позже, когда на место изгнанных в 1927 г. монахинь придут первые чагринские коммунары, кадь эту будут использовать для приготовления помоев в свинарнике), и водрузив на стоящий рядом столик Святой Крест и Евангелие, принимались вполголоса распевать молитвы Святому Духу. И через некоторое время появлялся на амвоне отец Александр. Это был худой, сутуловатый старец маленького роста, с лицом, довольно строгим и волевым. Но все внимание привлекали его глаза, ласковые, улыбающиеся добрым прищуром. Медленно спустившись на солею, он низко кланялся всем собравшимся и, беззвучно шевеля губами, накладывал на себя крестные знамения . Водосвятный молебен старец часто совершал сам, но, и когда служил монастырский священник, то он неизменно являлся в храм, чтобы лично присутствовать на раздаче святой воды. Очень любил старец Александр разливать в протягиваемые со всех сторон кружки и баночки только что освященную воду. При этом он невероятным образом умудрялся благословлять, нашептывать некоторым богомольцам что-то на ухо и громко произносить коротенькие советы: "С верою потребляйте... С гре-

хом пополам - лишь усугубите... Слезкой запьете и полегчает..." Простые до сентиментальности пастырские слова. Но какое поразительное действие производили они в народе! Люди и плакали, и в неудержимой радости лобызались, и тут же, падая на колени, благодарили Бога "за все"...

А после водосвятного молебна взволнованные богомольцы спешили в странноприимный дом. Там, в просторном зале на втором этаже, ежедневно проводил старец Александр общую исповедь. Перед исповедью старец всегда заходил в маленькую комнатку, где проводил 5-10 минут в полном одиночестве. А появившись перед народом, он опять низко кланялся и приглашал всех присутствующих совершить молитву Господу Богу. Начиналась общая молитва вслух. Но какая это была молитва! Обычные церковные молитвословия постепенно переходили в полнейшую импровизацию, в которой предстоящие очевиднейшим образом показывались последними грешниками, недостойными приступать к святости и правде Божией. Это было до такой степени поразительно, что даже самые черствые и доныне неприступные для Слова Божьего сердца неожиданно для самих себя изливались в чувствах слезного умиления и неприязни к своим грехам. Возбуждался общий покаянный плач... Затем старец брал с находящегося здесь аналоя Святой Крест Господен и, высоко подняв его над головой, громко произносил свои простые, проникновенные слова: "Братие христиане! Вы признаете себя грешными? Не затем ли вы и пришли сюда, чтобы принести Господу Богу искренние покаяния во грехах своих?!. Кайтесь же перед Ним!" И все присутствующие, как один, с грохотом падали на колени. Далее в речах старца следовало картинное изображение греховной жизни и снова звучал строгий призыв к покаянию: "Кайтесь же перед Ним!" Постепенно робкие возгласы, всхлипы и причитания переходили в общий, заглушающий голос проповедника вопль. И тогда старец, по-прежнему держа над своей головой Святой Крест, стоял молча. А через некоторое время в зале снова зву-

чала батюшкина молитва, и, угомонившись, весь народ дружно вторил ему, преклонив колени.

Многие из молившихся вместе со старцем Александром признавались потом, что впервые испытывали невыразимое ощущение действительного предстояния Богу. "Это не исповедь - это Страшный Суд!" - говорили они. Каждое молитвенное слово было до такой степени обличительным, что вызывало сердечный трепет, но тут же неопровержимо свидетельствовало: "Бог рядом!.. Он простит!"

В заключение батюшка громко прочитывал разрешительную молитву и допускал всех к целованию Святого Креста Господня. При этом он давал внушительные советы, а некоторым из подходивших к нему, слегка ударив Крестом по лбу, говорил: "Сходи в храм на личную исповедь к священнику..." или "После вечерни милости прошу ко мне в гости". Так чувствовал праведный пастырь нераскаянные грехи в душах.

Заканчивалась общая исповедь. И старец просил подводить и подносить к нему всех одержимых различными недугами. Аккуратно вписав в свою книжицу имена всех больных, он отворачивался к иконам и читал вслух молитву из последования таинства елеосвящения. Когда же каноническая молитва заканчивалась, старец, преклонив колени, попрежнему продолжал призывать милость Божию, изливая молитву свою уже из собственного горячо любящего сердца. Всех, за кого была принесена молитва, он помазывал Священным елеем, взятым от лампады особо чтимой в монастыре Табынской иконы Божьей Матери, и каждому говорил: "Веруй в целительную силу благодати Божией и будешь здоров!"

Но и на этом "процедура" исцеления не заканчивалась. То, что происходило здесь, часто порождало потом скептические настроения не только в "глубоко образованном, а Бога потерявшем" обществе, но и среди иерархов Церкви. Очень уж "подозрительными" и похожими на колдовство казались неко-

торые действия и рекомендации старца. Так, отец Александр мог для изгнания из сознания человека греховного помысла неожиданно дунуть ему из своих уст в ухо; женщине, у которой от неизвестной болезни падал скот, порекомендовать, громко прочитывая вслух молитву Честному Кресту, пройти три круга против часовой стрелки вокруг скотного двора; или "прописать" душевнобольному пить три раза в день на голодный желудок святую воду.

"ЗА ЛЮДЕЙ МОЛИТЬСЯ - КРОВЬ ПРОЛИВАТЬ!"

А поздним вечером на территории Чагринского монастыря, возле небольшого деревянного домика, стоящего на отшибе, тайком собиралась группа монахинь. Прячась в кустах сирени от вездесущего глаза строгой игуменьи Серафимы, тихим шепотом вторили они доносящимся из распахнутого окна молитвам. "Помяни, Господи, и во аде сущия и мучающиеся, за щедроты твои и милости..." - певуче произносил стоящий у икон старец Александр, а за окном беззвучным хором подхватывали его слова сестринские голоса. И хотя знал старец о своих незванных сомолитвенницах, но виду никогда не показывал и даже в прохладное время открывал окно настежь. "Все на благо, коль от души", - успокаивал он прознавшую об этих похождениях матушку игуменью. Большинство из ночных паломниц были духовными дочерями старца Александра, и, может быть, потому не считал он себя вправе отказывать их желанию пребывать в молитвенном общении со своим духовным наставником даже во время его келейной молитвы.

Сотворив таким образом вечернее молитвенное правило, старец закрывал окно и, немного отдохнув на кровати, снова подходил к иконам в переднем углу. И кто знает, какими милостями удостаивал Господь Своего избранника в те молитвенные часы?

На столе у отца Александра всегда лежала груда писем. Люди, не имеющие возможности побывать у него лично, часто в посланиях своих просили о помощи. И каждому отвечал старец слезною молитвою перед Господом. Случаи же, свидетельствующие об исполнении по воле Божией ходатайств усердного богомольца, передавались тогда христианами из уст в уста. Их было множество.

"За людей молиться - кровь проливать!" - говорил святой Силуан Афонский. И как часто говорил старец Александр о "жалости" своей к людям и о том, что "грехи чужие болезненнее и тяжелее личных". Он молился великою молитвою "за мир!" И через молитву эту "далече сущая, яко близ происходящая" провидел.

"АНТИХРИСТА ДОЖДЕМСЯ"

Известный православный писатель С. Нилус в своей книге "На берегу Божьей реки" писал:

" Отец Памва - один из простецов Оптинских; старик, годам к семидесяти; уроженец Самарских степей. Много он мне рассказывал про ихняго Самарского отца Александра (Юнгерова), протоиерея, кончившего земную жизнь свою в Чагринском женском монастыре. По рассказам отца Памвы, да и по другим, в разное время доходившим до меня, истинно великий был это пастырь словесных овец Христовых. Это он направил отца Памву в Оптину.

"По грехам твоим, - говорил он отцу Памве, - давно бы тебе надо было гореть в геенне, да сердцем-то ты прост, и за то милует тебя Господь. Только бросай, брат, свои скверные дела, рассчитайся с миром и иди в Калужскую губернию, в Оптину пустынь; там поработай Господу и обители, сколько сил хватит, и, Бог милостив, спасешься. Прост ты и неграмотен. Этим ты не огорчайся. Таким Господь тайны Свои

открывает, а от премудрых и разумных скрывает. Увидишь ты и благодатное царство жизни будущего века, и муку вечную - много такого даст тебе Господь видеть, о чем грамотные и в уме не содержат..."

- И все это, - обращаясь ко мне, сказал отец Памва, - я видел, да и теперь, братец ты мой, вижу.

- Что же ты, Памва, видишь?

- Бесов вижу, все козни бесовские вижу... Мне и о них отец Александр сказывал, что я их буду видеть: вот и вижу... Я, бывает, их и вижу, да и не рад, что и вижу. И силу же они забрали над миром! Не сдобровать миру!

- А крест-то на что?

- Крест?! Крест, братец ты мой, сила неодолимая, там, где кресту веруют, по кресту и живут. А в миру, братец ты мой, как живут-то теперь?.. Прежде хороший крестьянин что бы ни делал, все: "Господи Иисусе Христе да Господи Иисусе Христе!" Потому-то он и был "христианин"... А теперь он стал мужик, да не простой мужик, а вражий, а все потому, что к каждому слову или "врага" поминает, или мать позорит... Мне покойный отец Александр еще годов двадцать тому назад сказывал, что антихрист в миру одной ногой уже стоит, а другую заносит: скоро, значит, придет время ему и на царство поступать; не миновать - дождемся!

- Если не покаемся...

- Ну, это-то вряд ли!"

ПАСХАЛЬНЫЙ ТРОПАРЬ НАД ЧАГРИНСКОЙ МОГИЛОЙ

На Пасху в 1901 г. старец Александр тяжело захворал; а потом, хотя несколько и оправился, но почти все лето был очень слаб и страдал головными болями. Лишь осенью ему стало легче, но в декабре он слег совсем и более уже не

поднимался... Был несколько раз приобщен Святых Таин, а 22 декабря над ним была прочитана отходная и, согласно его желанию, пропет пасхальный тропарь.

Умирал старец тихо. В минуту кончины все присутствующие видели на его лице светлую, умиротворенную улыбку, которая сохранилась и по смерти до третьего дня, когда душа его, по учению Церкви, предстала Небесному Престолу.

Погребение совершалось на пятый день соседними священнослужителями. Стечение народа было огромное, но вовсе не слышалось ни скорбного причитания, ни плача. Это было торжественно-праздничное молитвенное собрание уповающих и не скорбящих (1 Сол. 4, 13), истинно верующих христиан, полностью разделяющих мысли и чувства почившего Пастыря: "Мне еже жити Христос: и еже умрети приобретение есть" (Фил. 1, 21).

Пройдет чуть менее века, исчезнет с лица земли Чагринская обитель, репейником и бурьяном зарастут вытоптанные туда паломниками дороги и, незаслуженной милостью Божией, окажется автор этих строк у безымянного креста над Чагринской могилой. Здесь упокоилось до последней трубы Архангела тело великого русского подвижника отца Александра Юнгерова.

О многом поведует мне жительница расположенного рядом поселка Красноармейского Любовь Алексеевна Гребешкова. Большую радость испытываешь от общения с такими людьми. И веришь, что именно им - пожилым женщинам и старушкам, веру свою закалившим в горниле преследований и гонений, - доверил Господь хранить в нынешний век Россию. И пусть молитвы их, как правило, не переходят границ лично близкого и родного, но ими отвоевывают они у "мира" свои маленькие островки. И в каждом из них - вся Россия!

До 1927 г. над могилой старца Александра еще стояла деревянная часовня. В ней символом беспрерывного молит-

венного пребывания на земле почившего пастыря теплилась неугасимая лампада. По распоряжению советских властей часовню эту разрушили, а через некоторое время стали поговаривать о каких-то несметных богатствах, сокрытых в могиле чагринского батюшки. И в начале 30-ых годов мощи отца Александра были вскрыты. Производили вскрытие колдыбанские большевики.

Свидетельства об этом событии весьма противоречивы. Некоторые рассказывают, что при вскрытии мощи старца оказались нетленными. И, опасаясь всплеска "религиозного фанатизма", не обнаружив никаких ценностей, кроме нагрудного креста и нескольких маленьких икон Божией Матери, большевики забросили труп старца обратно в яму, не уложив его даже в гроб, и сразу закопали. Другие же говорят о том, что могила старца Александра оставалась открытой несколько дней. Вокруг нее была выставлена милицейская охрана, и приехавшая из Самары комиссия что-то там долго исследовала... Несмотря на такую разноголосицу, ясно одно - вскрытие это большевиков явно не обрадовало. В подтверждение тому заметим, что ни одна из местных газет того времени не обнародовала столь полюбившийся богоборцам протокол вскрытия. А при "благоприятном" исходе подобного "мероприятия" вряд ли была бы упущена возможность еще раз заклеймить "обманом" Православие.

Прошли годы, и в 1952 г. в п. Чагринском произошло "сверхестественное событие". В ночь на Пасху местные жители отчетливо слышали громкое пение, доносящееся со стороны разоренной могилы старца Александра. А утром встревоженные сельчане обнаружили могилу батюшки обновленной. На ней "чудесным образом" возникла новая оградка и православный крест... Лишь через несколько дней все объяснилось естественно... Их было четверо: Михаил Иванович Редько, жена его Елена Поликарповна, бывшая чагринская инокиня Надежда Левушкина и ее духовная дочь Надежда Хар-

лампьевна Бубцова. Не побоявшись преследований за религиозные убеждения (начало 50-х - послевоенные гонения на христиан), водрузив над могилой чагринского старца православный крест, громко пели они в ту праздничную ночь гимн вечности - пасхальный тропарь. И это, действительно, было чудо... По сей день стоит этот крест над могилой отца Александра.

Вера в целительную благодать, исходящую от мощей праведного пастыря, приводит сюда много людей. Помолясь, руками роют они под крестом многочисленные ямки и уносят с собой горсточки благословенной земли. И вера их не напрасна.

По великой милости и любви наделяет Господь благодатью Святого Духа мощи Своих избранников. О случаях чудесных исцелений, происходящих от мощей старца Александра, говорят много. Утверждают, что даже взятая с его могилы земля обладает чудодейственной силой: она исцеляет, изгоняет бесов, от нее увеличивается урожай... Вот что рассказала мне Ефросиния Кузьминична Турапина, жившая когда-то на территории Чагринского монастыря, недалеко от могилы старца. "Было это летом 1972 г. В тот день я работала на огороде и видела, как к могиле батюшки - исцелителя подъехал легковой автомобиль. Из него вышли двое мужчин и женщина. Женщина вела себя очень странно: постоянно озиралась по сторонам, пожимала плечами, нервно вздрагивала... Я видела, как один из мужчин, одетый в офицерскую форму, попытался подвести ее к могиле батюшки, но женщина, вырвавшись, отскочила и стала сильно стучать ладонями о капот машины. На это было страшно смотреть. Ее долго успокаивали, а она все что-то кричала, плакала, размахивала руками... Потом другой мужчина, взяв горсточку земли с батюшкиной могилы, бросил ее в стакан с какой-то жидкостью и попытался напоить этим раствором бесноватую. Женщина долго сопротивлялась, но ее, по-видимому, все же напоили, так как она сразу успокоилась

и обмякла. Некоторое время ее держали под руку, а затем усадили в машину... Через несколько дней они приезжали снова. Женщина вела себя вполне нормально. Подойдя к могиле, она даже перекрестилась и долго стояла возле нее. От соседей, у которых эта компания останавливалась, впоследствии я узнала следующее. Оказывается, женщина эта долгое время считалась душевнобольной, а ее муж - офицер и человек глубоко верующий, специально привозил ее на могилу нашего батюшки для исцеления, и дано ему было по вере".

Вопрос о святости старца Александра Чагринского вставал перед православными христианами еще в начале нынешнего века. Вот что писал священник Г. Р-ский (полная фамилия неизвестна) в "Самарских епархиальных ведомостях" за 1901 г.: "Что сказать на вопросы, предлагаемые по поводу воспоминания об отце Александре, подобные сему: "А что, как вы думаете, - он святой?.." Един Свят, Един Господь Иисус Христос (Апок. 15, 4). А так как все мы призваны к святости (1Петр. 1, 15-16) и все мы освящены благодатью Святого Духа, то святы те, кого освятит и прославит Сам в совершенстве Святый, Святейший Святых - Господь Бог. Пишущий сие близко знал покойного (отца Александра Чагринского), несколько лет был его духовным отцом и некоторое время жил вместе с ним, а потому, сопоставляя жизнь его с учением св. Евангелия, может дерзновенно говорить: смиренно сознающего свое недостоинство перед Богом и плачущего о грехах своих - а таковым и был покойный - Господь Иисус Христос назвал блаженным и обещал ему небесное утешение в Царстве Божием (Матф. 5, 5-6)... Подобно св. апостолу Павлу, мог и покойный пастырь при кончине жизни сказать: "подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, Праведный Судия, в день оный" (2 Тим. 4, 78).

Игорь Макаров.

ЧУДЕСА СТАРЦА АЛЕКСАНДРА ЧАГРИНСКОГО

Ставропольского уезда села Новая Бинарадка крестьянская девица Марфа Дмитриевна Кочкарова рассказывала: "Племянник мой, Матвей Кочкаров, 16 лет от роду, в последнюю неделю зимнего мясоеда 1896 г. был на свадьбе у своего брата. И на другой день после бракосочетания мы стали замечать, что с Матвеем делается что-то неладное: никогда прежде не плясавший, он теперь беспрестанно что-то выплясывал с низко наклоненной головой. Когда его унимали, он отвечал: "Я стал теперь здоровый и сильный..." С тех пор он день ото дня все больше и больше безумствовал и дошел до того, что рвал на себе одежду, волосы, царапал лицо. В таком положении больной пробыл около месяца. Но так как мы и раньше слышали, что в Чагринском монастыре многие получают исцеление, то и решили свозить туда Матвея... Еще далеко не доехав до монастыря, наш больной затих. А прежде всю дорогу пел песни и кричал, подражая голосам различных животных и птиц. В монастыре Матвей был уже тихий, хотя и постоянно озирался по сторонам. Когда же вместе с другими и мы пришли к отцу Александру, батюшка подозвал Матвея и велел ему смотреть на себя пристально, прямо в глаза. После того три раза благословил и три раза дунул на него со своих уст. Помазав освященным елеем и дав святую воду, велел пить ее каждый день по ложке. Больной тут же пришел в полный разум, и мы с веселым духом возвращались с ним домой, славя Бога и с верою исполняя батюшкино приказание".

В 1896 г. крестьянка деревни Верхняя Козловка Богородской волости Бугурусланского уезда Татьяна Трофимовна Давыдова рассказала следующее. Ее сын Иван,

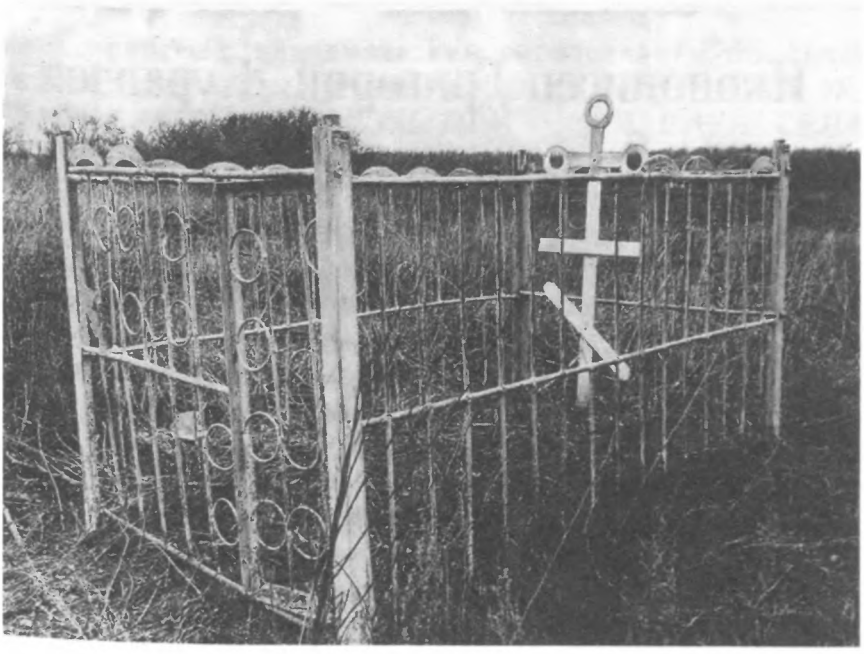
15 лет, на протяжении семи месяцев страдал от горячки, в которой он в бессознательном состоянии пробыл шесть недель. Беспрерывно вертясь в постели, он протер всю кожу на спине, а также шею и нижнюю часть черепа до костей. А когда он, наконец, пришел в сознание, то все члены тела его подверглись совершенному расслаблению. Не владея ни руками, ни ногами, Иван лежал, как пласт. Тогда-то нам принесли святую воду и освященный елей от отца Александра. Мы стали употреблять их, и Иван сразу почувствовал облегчение. Раны его быстро, просто на глазах, заживали. Вскорости он был уже совершенно здоров.

Села Большой Толкай Бугурусланского уезда крестьянин Григорий Степанович Нуянзин поведал вот что: Его брат Федор, 25 лет, ночевал как-то в поле. Ночью он был разбужен страшным видением, ему представилось, что на него со страшным шумом несся огромный табун лошадей, гремевших железнымы путами, которыми были окованы их ноги. Лошади наскакивали прямо на Федора, готовые раздавить его. Страшно перепуганный Федор лишился чувств, и наутро его в бессознательном состоянии привезли домой родные. По совету земского врача, родственники отвезли Федора в Самару, где он был помещен в дом для душевнобольных. Но все время пребывания в этом доме Федора по-прежнему мучили страшные видения. Из дома для душевнобольных он был взят в том же болезненном состоянии. И вот, по совету добрых людей, в начале июля 1885 г. Федора привезли в Чагринский монастырь к отцу Александру. Помолясь общей со всеми молитвой, отец Александр помазал больного Федора освященным елеем и велел пить святую воду, взятую из обители. Уже дорогой Федор почувствовал облегчение, а домой он приехал в приподнятом настроении и в полном здравии.

В 1896 г. крестьянин Флор Терентьевич Петаев, из мордвов, житель села Нуштайкино Бугурусланского уезда поведал следующее: "Лет 12 тому назад увидел я на улице ночную драку и от испуга сделался без памяти. А потом напала на меня страшная тоска и отчаянные мысли, которые внушали мне, что не будет мне прощения грехов от Бога. По временам мне становилось легче, но общее болезненное состояние усиливалось. Доходило до того, что я испытывал острую сердечную боль, темнело в глазах и часто представлялись мне бесы. Они постоянно нашептывали: "Удавись! Что тебе так мучиться? Все равно, ты не замолишь у Бога грехи свои и не будет тебе прощения". И тогда я испытывал такую муку, что и выразить не могу. Мне трудно было дышать, хочу молиться, а не могу; только лишь скажу: "Господи..." - и тут же впадаю в беспамятство. Я уже не решался идти в храм Божий, а если и принужу себя, то, как начну читать или петь, чувствую невыносимую боль в горле, словно у меня там какое яйцо или камень засел. А в 1885 г. такой приступ душевной тоски напал, что, казалось, вместе с дыханием исходит из меня дым. Стал я бояться людей, прятаться... И наконец, по совету одной знакомой бугурусланской монахини, решился я побывать в Чагринском монастыре, попросить батюшку Александра помолиться за меня, грешного. Не доезжая верст 30 до монастыря, я почувствовал в сердце своем такое умиление, которое привело меня в слезы, и я с легкостью запел покаянные молитвы и умилительные песнопения. Потом получил я от отца Александра благословение и вразумительное наставление... Вскорости я стал чувствовать себя лучше и прежняя тоска, молитвами отца Александра, больше не повторялась".

Старец Александр Чагринский.

Дорога в Чагринскую обитель.



Могила старца Александра.

Иконописец Григорий Журавлев

Встречаются люди, чьи судьбы с первых шагов выходят за грань пресловутого "здравого смысла". Ведь знаем из "жития" преподобного Сергия, как он, едва появившись на свет, в среду и в пятницу отказывался от материнской груди... Предузнанным Свыше еще до рождения, им, Божьим избранникам, щедрой рукой отпущен великий дар Веры. Жизнь скатертью расстилается перед ними, не нужно ни пробовать, ни искать. А только идти, не сворачивая. И славить за этот путь Того, Кто его проложил.

В старинном селе Утевка Нефтегорского района Самарской области еще сохранились места, связанные с жизнью этого удивительного человека - Григория Николаевича Журавлева. Паломнику есть на что посмотреть: здесь каждый встречный покажет и сохранившийся пятистенный дом на Самарской улице, 10, где прошла жизнь художника, и крест за церковной оградой на месте, где он похоронен. А рядом, в храме - словно бы сотканные им из нездешних лучей - образа.

...Проводя учет памятников культуры Сербской Православной Церкви, югославский искусствовед-реставратор Здравко Кайманович в 1963 г. в сербском селении Пурачиц, близ Тулузы, обнаружил икону, которую написал наш земляк - утевский художник Григорий Журавлев. "Икона средних размеров, - писал исследователь, - исполнена масляными красками на доске и изображает свв. равноапостольных первоучителей словенских Кирилла и Мефодия стоящими со свитками в руках. Работа такая тщательная и тонкая, что я в первый момент подумал, что выполнил

ее иконописец с академическим образованием. Но текст на иконе гласил следующее: "СИЮ ИКОНУ ПИСАЛ ЗУБАМИ КРЕСТЬЯНИН ГРИГОРИЙ ЖУРАВЛЕВ, СЕЛА УТЕВКА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ, БЕЗРУКИЙ И БЕЗНОГИЙ. ГОДА 1885, 2 ИЮЛЯ". Через комитет по охране памятников истории и культуры республики Босния и Герцеговина З. Кайманович обратился с запросом в СССР и вскоре получил из Государственного архива ответ, подтверждающий авторство нашего земляка. Так узнали в России о позабытом Божьем избраннике, на котором исполнились слова св. Евангелия: "Человекам это невозможно, Богу же все возможно" (Мф. 19, 25).

Родился Григорий Николаевич Журавлев в 1858 г. безруким и безногим. Но, несмотря на это, очень рано пристрастился к рисованию. Выползая на культях во двор, он брал в зубы прутик и чертил им на земле фигурки животных, а потом и людей. За этим занятием его однажды застал утевский земский учитель Троицкий и поразился тому, как точно Гриша изображает увиденное. Он первым заметил в мальчике необычайный талант и стал учить его грамоте. Почерк у Григория Журавлева был великолепный - ему даже поручали переписывать протоколы экзаменов, что считалось особым знаком отличия. Да и позднее он писал за все село прошения и письма.

Будущий иконописец много читал - у него в доме со временем скопилась самая крупная в селе библиотека. В 22 года он закончил Самарскую мужскую гимназию, возвратился в Утевку и, самостоятельно изучив черчение, анатомию человека и другие необходимые художнику дисциплины, стал писать на заказ иконы. "Сработанные" им образа расходились по крестьянским домам. Заказов было много: без его икон не обходились ни одна свадьба, ни один праздник. А в 1885 г. в Утевке началось строительство большого Троицкого храма, и Григорий Журавлев не-

сколько лет подвизался на росписи стен. Целые дни проводил он в церкви на специально созданных для него "подмостках". Работал без устали и на всю губернию прославил своими фресками утевский храм. Вскоре слух о необычном мастере дошел и до Царствующего Дома. Император Николай Александрович пригласил его во дворец и заказал ему групповой портрет Царской Семьи. Как рассказывают, Государь остался доволен работой безрукого и безногого мастера. Через год Г. Н. Журавлев отбыл на родину с назначенной Царем пожизненной пенсией в размере 25 рублей золотом ежемесячно. А самарскому губернатору было приказано выдать иконописцу "иноходца с зимним и летним выездом", на котором впоследствии земляки возили калеку-художника на рыбалку...

Авторитет утевского иконописца настолько возрос, что к нему начали обращаться с заказами даже из Самары. Так, в изданной в Самаре в 1894 г. книге "Во имя Христа Спасителя", рассказывающей об истории строительства самого крупного в Поволжье Самарского кафедрального собора, написано: "Иконы в иконостасе написаны на цинке в мастерской Сидорского, в Петербурге, а одна, именно икона Св. Алексия, Митрополита Московского, написана по поручению в то время бывшего самарского губернатора А. Свербеева (ныне сенатор) крестьянином села Утевка Бузулукского уезда Григорием Журавлевым, лишенным от рождения рук и ног, пишущим иконы, держа кисть в зубах".

Умер иконописец в 1916 г. По благословению епископа Самарского Михаила, Г. Н. Журавлев был похоронен возле расписанной им утевской Троицкой церкви.

"Нет пророка в своем отечестве", - сколько раз убеждались все мы в истинности этих евангельских слов! Как-то не повелось на Руси беречь и ценить таланты. Может быть, оттого, что уж очень щедра на них наша земля? Вот и имя замечательного иконописца Г. Н. Журавлева долгие годы

было под спудом. Мало что знали о нем даже в его родной Утевке. Нет до сих пор на его чудом сохранившемся доме даже мемориальной таблички, не то что музея... И только в последние годы, когда верующие возродили закрытую в 1934 г. Троицкую церковь, вспомнили в селе об утевском подвижнике. Недавно был водружен крест на его могиле. В церковь несут отовсюду сельчане старинные образа, многие из которых писаны кистью этого замечательного мастера. В церкви уже сейчас собрана довольно большая коллекция его работ. Так, очень ценную икону Христа Спасителя, писанную Журавлевым, передала в храм пенсионерка Мария Постеменина, несколько десятилетий хранившая в своем доме святыню...

В храме проведена реставрация, заново побелены и расписаны стены. Но в тех местах, где это было возможно, бережно сохранены фрески Г. Н. Журавлева. Многое сделали для сохранения и пропаганды наследия Г. Н. Журавлева новокуйбышевский краевед А. С. Малиновский и настоятель утевской Троицкой церкви отец Анатолий Копач. В Самарском краеведческом музее хранятся фотографии в полный рост Г. Н. Журавлева вместе с его братом Афанасием, а также две богородичные иконы, одна из которых, "Млекопитательница", имеет несомненную художественную ценность. На обороте ее написано, что сработана она Г. Н. Журавлевым зубами в 1910 г.

Одна из икон утевского мастера уже много лет висит наряду с известными всему миру иконами в Центральном Академическом Кабинете Московской Духовной Академии, что в Троице-Сергиевой лавре. А в Самарской Петро-Павловской церкви на иконостасе во всем своем великолепии предстала перед потомками икона св. благоверного князя Александра Невского, писанная замечательной кистью Григория Николаевича Журавлева.

Антон Жоголев.

Из газеты "Самарские губернские ведомости" N 1 от 5 января 1885 года

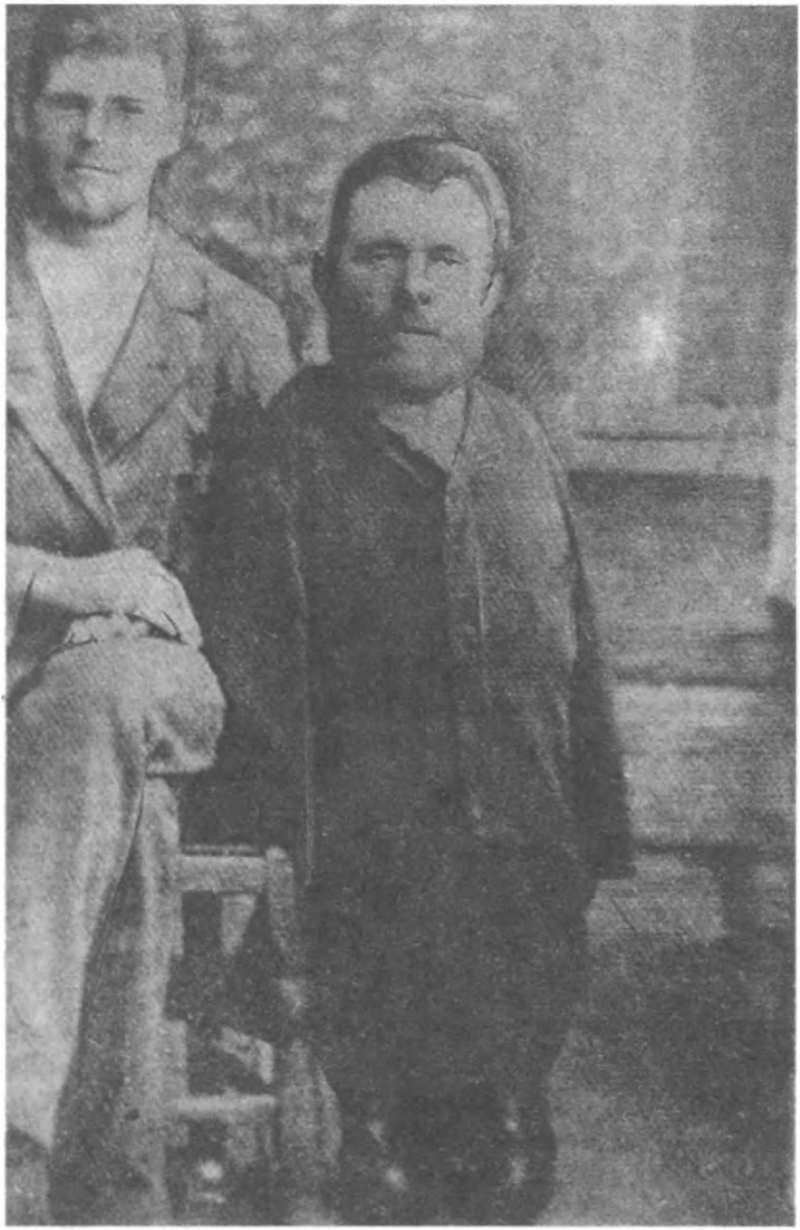
В последние два-три года в городе Самаре начали появляться в частных домах особого рода иконы, замечательные не столь по изяществу, сколько по способу их исполнения и личности живописца. Иконы эти по справедливости названы НЕРУКОТВОРНЫМИ, так как писаны не руками, а особым способом, о коем будет сказано ниже.

Крестьянин с. Утевка Бугурусланского уезда Григорий Николаевич Журавлев, имеющий в настоящее время около 25 лет от роду, в самом раннем детстве лишился употребления рук и ног (руки до плеч и ноги по колена атрофированы и он может передвигаться только на коленках) и грозил быть бременем для своего бедного семейства. Но Провидение Божье наградило его блестящими способностями, которые и дали возможность сему калеке избежать нищенской сумы. Лет 8-ми от роду Журавлев стал посещать сельскую школу и в два года выучился читать, а затем познакомившись с употреблением карандаша, принялся учиться письму и рисованию, вставляя для сего карандаш между зубами. После долгих и неимоверных усилий, ему удалось наконец преодолеть все трудности учения, и лет через пять Журавлев уже бойко и довольно красиво писал карандашом и пером и рисовал на бумаге картинки исключительно религиозного содержания, копируя священные изображения местной церкви.

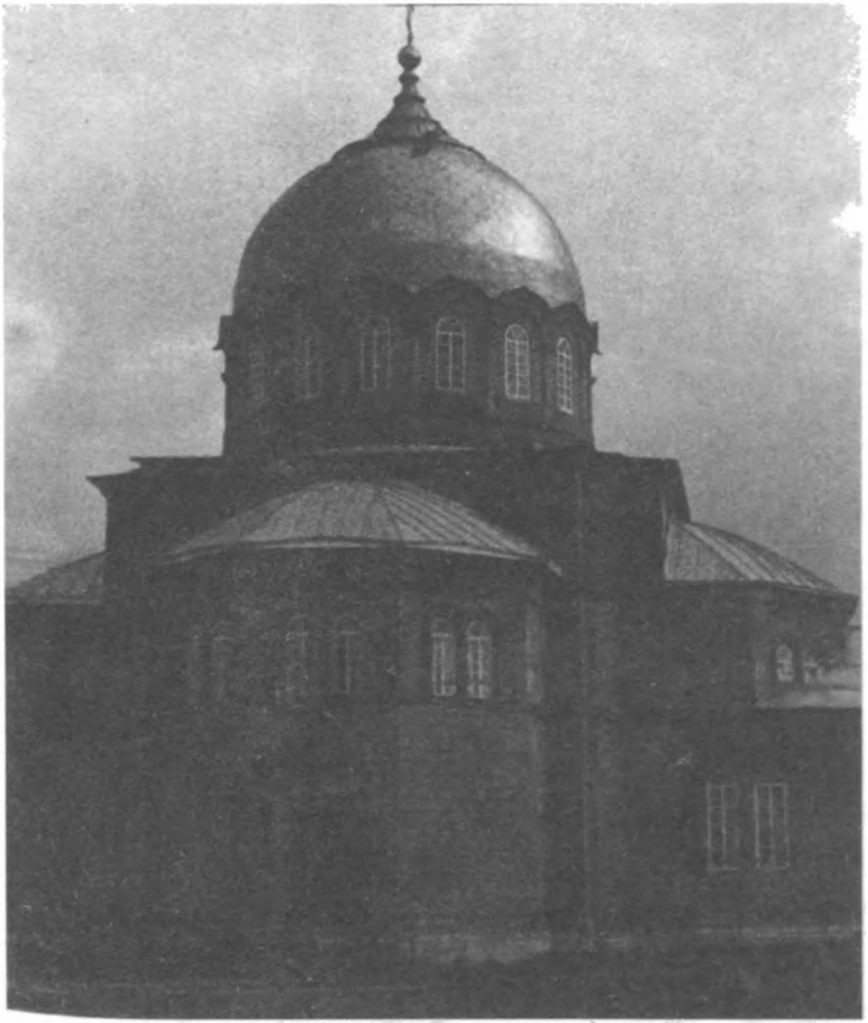
Но этого Журавлеву было мало: он задумал, во что бы то ни стало, выучиться писать масляными красками "настоящие образа". И вот 15-летний поклонник искусства, никуда доселе не выезжавший из родного села, появляется в губернском городе и обращается к проживающему здесь живописцу Травкину с просьбой показать ему, как пишутся "образа". Тот ласково принял такого необыкновенного ученика,

оставил его на несколько дней в своей квартире и познакомил с первыми приемами живописи. Этого для Журавлева было достаточно. Закупив в Самаре красок, кистей и прочего, он вернулся в родную Утевку, и, заказав стол с особыми приспособлениями, принялся учиться живописи. Верным и постоянным спутником в этом деле явилась у него старуха-бабушка, которая стала чистить кисти, приготовлять краски, усаживать внучка за работу и так далее. Первые опыты, как и следовало ожидать, были неудачны, но эти неудачи еще более укрепили в Журавлеве желание превозмочь все трудности. Через пять лет беспрерывного труда этот живописец-самоучка стал писать "образа" настолько удовлетворительно, что решился несколько экземпляров икон своей работы подарить высокопоставленным лицам города Самары. С этого времени Журавлев начал получать заказы на работу, улучшившие до некоторой степени его материальное положение, а вскоре Губернское Земское собрание, приняв во внимание бедственное положение семейства Журавлева и его личные труды по части самоусовершенствования в искусстве живописи, назначило ему ежегодную пенсию, в размере 60 руб. В конце прошлого года (1884) Журавлев, изготовив икону Св. Николая Чудотворца, обратился к Самарскому губернатору, всегда принимавшему участие в положении калеки-живописца, с просьбою представить икону Его Императорскому Высочеству, Государю Наследнику Цесаревичу.

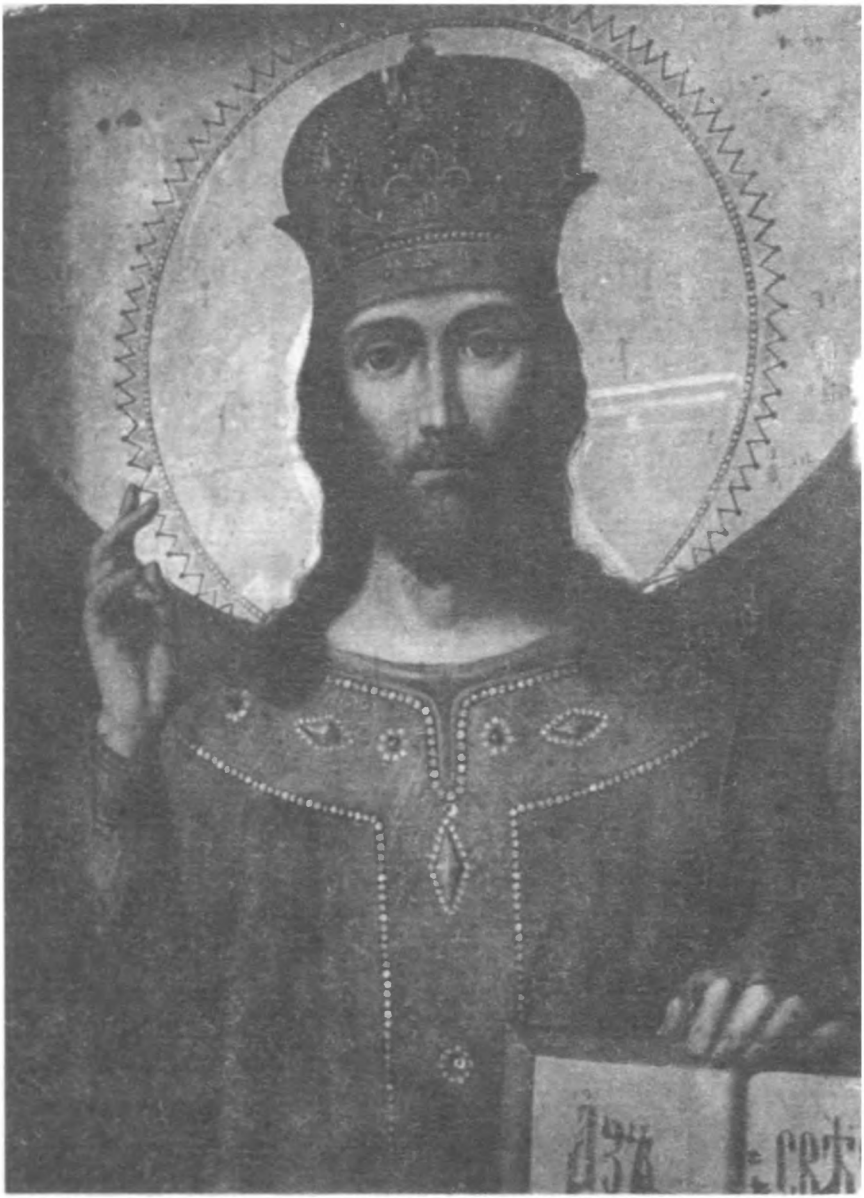
Желание его было исполнено, и в конце декабря Управляющий собственные Его Величества дворцом и Конторою Августейших Детей Их Императорских Величеств уведомил тайного советника Свербеева, что Государь Наследник Цесаревич милостиво принял икону, писанную крестьянином Журавлевым, соизволил пожаловать ему единовременное пособие сто рублей из собственной Его Императорского Величества суммы.



Иконописец Григорий Журавлев (справа)
со своим братом Афанасием.



Троицкая церковь с. Утевка,
которую расписывал Григорий Журавлев.



Икона Спасителя из утевской Троицкой церкви, писанная Г. Н. Журавлевым.

Икона Пресвятой Богородицы "Млекопитательница",
писанная Григорием Журавлевым
(из коллекции Самарского краеведческого музея).

Воин-мученик Фома Данилов

В г. Ташкенте, в квартировавшем там 2-м туркестантском стрелковом батальоне, был каптенармусом унтерофицер Фома Данилов, происходивший из крестьян села Кирсановка Бузулукского уезда Самарской губернии.

Трезвый, честный, усердный и распорядительный по своей должности служака, Фома Данилов был и вполне благочестивый человек, - любил посещать храм Божий и соблюдал, насколько возможно военному человеку, уставы св. Церкви. На родине осталась у него молодая жена и 6 летняя дочь. Сам он был также не старше 30 лет от роду. За свои добрые качества Данилов пользовался вниманием своих начальников и уважением товарищей и подчиненных.

Началась война с ханством Кокандским (1874-1875 г.г.). Русские войска, а в числе их и батальон, в котором служил Данилов, перешли через неприятельскую границу. При следовании отряда в Наманган каптенармус Фома Данилов, желая перегрузить имущество батальона со сломавшейся в дороге арбы (двухколесная туземная телега) на другую, отстал от прикрытия и был захвачен в плен шайкой кипчаков. Пленника доставили в кокандскую крепость Маргелан и вывели на площадь перед дворцом, занимаемым одним из военачальников кокандских, Пулат-ханом. По приказанию последнего, к русскому пленнику вышел беглый ташкенец Абдул-Мумын (впоследствии пойманный и казненный русскими) и дважды предлагал ему перейти в мусульманство, обещая богатство и хорошие должности, а в случае отказа, угрожая расстрелять. Данилов с негодованием отверг эти предложения, причем говорил Мумыну: "Я родился христианином, христианином и умру, а своему Царю дал клятву не изменять и буду ему верен."

Тогда несчастного подвергли разным истязаниям, на которые очень изобретательны дикие азиаты. Но Данилов только тихо молился. По приказанию Пулат-хана, Мумын в третий раз пробовал прельстить Данилова, причем снова угрожал в случае отказа расстрелом. Тут Данилов громко сказал: "Напрасно вы надрываетесь, - не изменю я Богу и Царю, а хотите убить, так убейте!" Тогда, по приказанию Мумына, бросились на Данилова сипаи и, связав руки, привязали его к доске, прикрепленной к арбе.

Сипаи хотели снять с Данилова крест, но он не позволил, сказав: "Погодите немного, - когда умру, тогда возьмете". Креста с него не сняли.

Когда против Данилова встали 25 человек сипаев с ружьями, перекрестился русский воин, насколько позволяли ему связанные руки, и молитвенно поднял глаза к небу. Был сделан неправильный залп: опустился Данилов, но в страшных мучениях жил еще около часу, тихо шепча слова молитвы.

Так мученически скончался воин-христианин, до смерти оставшийся верным Богу и государю. По собранным по завоевании русскими Кокандского ханства сведениям, смерть унтерофицера Данилова произвела глубокое впечатление на присутствовавших при его казни; народ, расходясь, говорил, что "русский солдат умер, как бутыр (т. е. герой)". Да, поистине это был герой-мученик, который, без сомнения, блаженствует теперь в светлом сонме святых христианских страстотерпцев.

Жена и дочь воина-мученика были вскоре обеспечены в средствах к существованию: Царь Александр Николаевич всемилостивейше назначил вдове Даниловой пожизненную пенсию по 120 руб. в год, а земство Самарской губернии собрало в пользу вдовы и дочери своего земляка и молитвенника 1320 руб.

Составил протоиерей Михаил Путинцев.

Сказания о некоторых сибирских подвижниках благочестия. Изд-е Афонского русского Пантелеимонова монастыря, М., 1889, с. 36-38.

Старец Пантелеймон (Прохоров)

В миру его звали Петром Савельевичем Прохоровым, был он безграмотным костычевским крестьянином. В семнадцать лет его против воли женили. Духа он был монашеского и под рубашкой всегда носил железный пояс.

Через десять лет семейной жизни Петр ушел на Афон. На следующий день после его ухода сгорел дом и обгорела жена. А через неделю умерли двое детей. Но он узнал об этом через много лет. Три года прожил Петр на Афонском подворье в Одессе, там и был пострижен в рясофор с именем Пахомий. А в мантию с именем Пантелеимон его постригли уже на Афоне, где в суровых подвигах он провел восемь лет, прежде чем ему разрешили присоединиться к отшельникам. Но на Афоне ему не суждено было остаться: монахи сказали, что в России он нужнее.

Вернувшись домой, стал он и жену убеждать пойти в монастырь. Говорят, для того, чтобы упокоить ее старость, он и создал позже Смоленскую женскую обитель. Жена отправилась в Киево-Печерскую Лавру за советом, а Пантелеимон - во Святую Землю, ко Гробу Господню. Там он купил частицу Животворящего Креста Господня, и хранилась она до лихих революционных времен в Вознесенском приходском храме села Костычи, а куда делась после разорения храма - неизвестно. На обратном пути старец побывал на Синае и в Александрии, посетил Соловецкие острова. Через три года вернулся домой и поселился в безмолвном уединении близ кладбища в убогой келье.

Постели он не имел, а ночь проводил в молитве, стоя на гранитном камне. И был при этом неоднократно искушаем: вдруг раздавался шум, выстрелы, келья казалась объятой пламенем.

После двадцати лет отшельничества он открыл двери своей кельи для всех нуждающихся в утешении и исцелении. Их пожертвования отправлял на Афон и в Иерусалим. Но жертвовали так много, что появилась у него мысль устроить в Костычах монастырь. За благословением он отправился на Афон и затем девять месяцев днем и ночью молился у Гроба Господня. Тогда же и был он пострижен в схиму с именем Пантелеимон. А вернувшись, начал хлопотать об устройстве обители. Первоначально он построил кладбищенскую церковь на своем наделе. И только через пятнадцать лет получил разрешение на выделение надела в две десятины под устройство общины близ сельского кладбища и шесть десятин пахотной земли за селом. Для этого семь раз пришлось ему ездить в Петербург, где схимонах Пантелеимон был даже представлен Государю Императору. Побывал он в Саровской пустыни, там ознакомился с устройством Дивеевской женской общины, по образцу которой и решил сделать Костычевскую обитель. Открыта она была 15 декабря 1883 года, за несколько дней до кончины старца. Умер он 3 января 1884 года в возрасте 74 лет. За две недели до смерти обошел кельи всех сестер общины, со всеми попрощался и сказал, что скоро уйдет.

А дело, начатое им, продолжалось. На средства сына обер-церемонимейстера Двора Его Величества Николая Петровича Дурасова, с которым был близко знаком старец, возвели по проекту известного архитектора Александра Щербачева двухэтажный каменный храм с усыпальницей семейства Дурасовых в первом этаже.

Освятили храм во имя Смоленской иконы Божией Матери, с которой старец никогда не расставался, - она досталась ему от родителей. Смоленская церковь была летней, а рядом поставили деревянный храм. При общине был кирпичный завод, построенный тоже на средства Дурасова. И имел еще монастырь 200 десятин земли в Николаевском уезде, приобретенных еще старцем.

В 1904 году община получила монастырский статус. И жило в нем тогда 150 насельниц.

В Костычах старец Пантелеимой не забыт. Над могилой его, на месте, где когда-то был монастырь, поставлен большой крест. Верующие пересказывают эпизоды жизни костычевского старца, ссылаясь на изданную до революции книжечку, которая, к сожалению, ни у кого не сохранилась. Старший научный сотрудник Самарского художественного музея Ольга Радченко обнаружила жизнеописание старца в Самарской областной библиотеке. На его основе и составлен данный рассказ.

Старец Пантелеймон (Прохоров)

Христа ради юродивый Василий Иванов

Блаженный Василий умер в Самаре в 1991 г. Желая составить правдивый портрет человека, чья жизнь - пример высочайшего подвига веры, вот-вот оборвалась и памятна многим, невольно ставишь себе задачу - не исказить, добавить "похожести". Но верно ли это? Сколько дерзких художников писали светлые лики подвижников еще при их жизни. Но рождались полотна, на которых - и сходство натуры, и яркость таланта - было все, но некая девственность образа, его красота неотмирная были поругаемы кистью; где св. Василий Великий был похож на безумца, Иоанн Златоуст - на скупого купца... Есть одна хорошая притча про то, как трое слепцов от рождения встретились со слоном. "Это столб", - обхватив гигантскую ногу слона, сказал первый. "Нет, это змей", - не согласился второй, нащупавший хвост. Ну а третий, взобравшись на спину слона, кричал: "Это гора".

Лишенные дара духовного видения, мы судим о святости также - "на ощупь" - кто чувственным сердцем, кто более разумом. К примеру, блаженный Василий, чей образ пытаемся мы описать, по мнению многих: добрейший, скромнейший, словом, прекраснейший человек; другие, напротив, находят его лицемером, развратником и шутом. Так о чем же писать? "Похожести" с чем добиваться?.. Святой Иоанн Кронштадтский про себя говорил: "Ничтожнейший я человек, но Бог мой велик!" И в этих словах заключается вся суть духовного образа любого подвижника. Что человек со всеми своими природными данными? "Земля и в землю отыйдет". Но велик его Бог, несказанно прекрасен, возвышен и чист человек во Христе!

КРЕЩЕНЬЕ ОГНЕМ

Родился Василий Иванович Иванов 25 января 1925 г. в селе Березка Поддорского района Новгородской области. Отца его звали Иваном Ивановичем, мать - Екатериной Алексеевной. У Василия было два брата, Сергей и Алексий, и сестричка Татьяна. Здоровый и вольный дух русской деревни, скрепленный простой, действенной верой в Николу-помощника, заступницу Богородицу и Грозного Господа, Судию и Всевидца. Сколько света и радости было в той жизни! Но всего лишь пять лет длилось детство Василия. Внезапно, один за другим, ушли от него в мир иной его близкие: сначала сестра и два брата, а затем и родители. Дьякон их церкви отец Симеон подбадривал мальчика: "Господь их позвал, вот они и ушли. Придет время, и тебя Господь к Себе позовет, и будете снова все вместе". Эти простые, бесхитростные слова успокоили мальчика, они оказались сродни его внутренним чувствам. Сама смерть его не пугала, пугала таинственность, безбытийность, он же духом угадывал в ней явления жизни, ее продолжение. Но он был удивлен и даже испуган отношением взрослых. Этот рев подмогильный - было в нем что-то дико безумное, злое, хулящее Бога. Вряд ли был это плач об умершем. Вот тогда-то, на кладбище, и случилось с Василием первое чудо.

Было так: он стоял у могилы родителей, когда вдруг его словно ударило током, острая боль, проникнув внутрь, телу страданий не причинила, даже, скорее, показалась приятной, но в груди, в области сердца, сильно жгло. Сам блаженный Василий объяснял это так: "Мое сердце Бог в руках подержал". И пятилетний мальчишка, исполнившись Духа, плакал тогда слезами подвижника. Все это длилось не более двух-трех минут, а может, и вовсе мгновенье, но за это мгно-

венье было прожито столько, что прошлое сразу как будто бы стало чужим - детство окончилось...

Блаженный Василий называл этот случай "крещеньем огнем".

"Редко, когда в начале своего пути человек, предузнанный Богом, получает великую благодать, благодать совершенных, - пишет архимандрит Софроний в своей книге "Старец Силуан". - Этот род подвижников страдает больше всех, потому что после созерцания Божественного света мрак богооставленности переживается, в силу контраста, несравненно глубже и острее. Кроме того, пережитая благодать своим действием изменяет всего человека и делает его несравненно более чутким ко всякому духовному явлению... Он подвергается исключительно тяжким "огненным испытаниям" (1 Петр., 4, 12), потому что любовь Христова в мире сем неизбежно страдающая".

А ведь этим подвижником, опытно познавшим действие благодати, на себе ощутившим пламя Христовой любви и тем самым вставшим на путь "огненных испытаний", был пятилетний мальчишка! Возраст духовный часто разнится с физическим, но такого разрыва между зрелостью плоти и духа трудно даже представить. Велика же была потребность у Господа в этой душе, коль призвал Он ее на служение, пренебрегши всякими сроками!

Заботы о воспитании мальчика взял на себя его крестный, отец Симеон. Он наставил его в Священном Писании, обучил сапожному ремеслу, а когда Василий немного подрос, отдал его в пастухи. Характер у Василия сложился спокойный и ласковый, людей он не чурался, хотя даже в шумных компаниях был молчалив, словно отсутствовал. Отца Симеона весьма волновала "болезненная", как он считал, настороженность мальчика. Он слишком внимательно вслушивался в разговоры людей, подолгу останавливал взгляд на вполне обычных предметах: будь то покосившийся столб, упавшая с дерева ветка или ржавый скрюченный гвоздь - все что угодно; а еще он любил,

забравшись на крышу их дома, таращить глаза на пустую дорогу, ведущую из села. За исключительную безотказность сельчане прозвали его Дурашкой. И не было дома в селе, в котором бы не был Дурашка бесплатным работником. Но вряд ли его за это любили, скорее, считали чуть-чуть не в себе: "Потерянный хлопец, проку не будет".

Неподалеку от их села спасался в лесу духоносный старец. И юный Василий был едва ли не единственным, кого допускал в свою келью мрачный затворник. "Здравствуй, дружок - один глазок", - такими словами часто встречал старец Василия. Мальчик смеялся над забавным приветствием старца. Общаясь с Василием, затворник вел себя очень открыто, порой был по-детски восторжен, а когда открывал он мальчишке свои сокровенные мысли, всегда говорил: "Ты поймешь, другим вовек не понять, а ты у Господа родненький".

Еще до войны, приписав себе возраст, Василий ушел служить в армию. В шестнадцать он уже воевал. Был участником сталинградских сражений, получил офицерское звание. В одном из боев осколками от разорвавшейся бомбы его ранило в пятку и в глаз. Глаз тут же вытек - сбылось пророчество старца ("Здравствуй, дружок - один глазок"). Раненым его подобрали фашисты. Но в немецком плену он пробыл недолго. После наступления наших войск всех освобожденных из плена военнослужащих посадили в вагоны - и экспрессом на Колыму, из одного плена в другой, куда более тяжкий и продолжительный.

На родину вернулся Василий больной, с надломленным духом. А в родном селе все чужие, только пара древних старух головой покачали: "Ты что ль, Дурашка? Потрепала ж тебя война". Вид у Василия был, действительно, жалкий: одноглазый, хромой, иссохший от голода. День пролежал он в глубоком овраге, а под вечер ноги сами собой понесли его в церковь, благо, ее еще не успели разрушить.

Следующий период его жизни нам неизвестен. Сам Васи-

лий Иванович о нем упорно умалчивал. Известно лишь, что принял он подвиг странничества, а затем и юродства, по благословению новгородского схимонаха Сергия. Сам Василий юродствовать не желал и даже смущался, но взял на себя этот подвиг по послушанию.

НОВГОРОД

Во все времена, даже в самые страшные для христиан, Христа ради юродивые имели исключительное право - открыто проповедовать Истину. В годы "воинствующего атеизма" право не только открыто говорить о Христе, но и жить во Христе стоило многого. Потому призывал Господь к этому подвигу многих, в одном лишь Новгороде, где оказался Василий, в юродстве спасалось более десяти человек. Все они хорошо знали друг друга, но вместе сходились редко. Впоследствии Василий Иванович скупо рассказывал о своих новгородских сподвижниках.

Самым видным из них был блаженный Василий, по прозвищу Барин. Это прозвище он получил за свои вельможные выходки. Огромного роста, с окладистой седой бородой, на голове немецкая каска с дыркой от пули, на ногах сапоги - пальцы наружу, он ходил по городу "барином". Путь его всегда был прямым. Перешагивая через скамейки, тараня кусты и тесные очереди, он шел величаво, заведя руки за спину и взирая на все с выражением явной брезгливости. По ночам Вася Барин бродил по привокзальным районам, он считал своим долгом будить горожан, объявляя своим громким басом прибытие и отправление всех поездов. Спящим его никто ни разу не видел.

Был еще блаженный Ванюшка. Он отвечал за кадры священников: запрещал, переводил на другие приходы, давал повышения, строго отчитывал. Говорил с духовенством, вплоть до епископа, круто, без предисловий: "Все, надоел ты мне,

будешь служить в селе", или: "Ладно, ладно, будет тебе митра к весне". И все сказанное им сбывалось с поразительной точностью. И священники редко уже улыбались, покорно выслушивая все отчеты блаженного. Даже епископ не перечил блаженному: решит владыка кого-нибудь наказать, тут же возникает Ванюшка и говорит настоятельным тоном: "Простить надо, простить". И владыка прощает.

Среди новгородских юродивых было немало и женщин. Одну из них звали Мария Босоножка. Зимой и летом слонялась она по городу босиком, окруженная сворой бездомных собак. Собаки нежно любили Марию, согревали ее в морозные ночи теплом своих тел, делились с ней пищей, и горе тому, кто пытался обидеть блаженную. Сама же Мария была очень пуглива, дика и застенчива. Она и ходила-то на цыпочках, словно боялась кого-нибудь потревожить. Худая, натянутая, как струна, готовая тут же вспорхнуть и исчезнуть; подаст нищему милостыню, зардеется вся, спрячет лицо в ладонях и убежит. Говорила она всегда шепотом.

Другую звали Наталья Сокольская. Эта, напротив, была крайне дерзка и шумлива. "Ты собираешься подыхать или нет?! Скотина ты этакая, ты почему в храм не пришла?" - бранила она всех без разбора, вгоняя в краску людей каким-нибудь крепким "площадным" словцом. Но с особой безжалостностью обличала она сребролюбие. Себя называла "директором паперти", все нищие были в ее подчинении. Сама Наталья милостыню не брала и даже впадала в истерику, когда ей что-либо настойчиво предлагали. Но несмотря на ее агрессивность, люди блаженную очень любили, Бог знает, за что.

Слепорожденную Варю (Варвару Григорьевну) Василий считал своей духовной наставницей. Они часто ходили вдвоем на церковные службы, и хотя Василий всегда вел Варвару Григорьевну под руку, она сама выбирала себе дорогу. "Куда ты меня ведешь, не видишь, там лужа", - говорила

слепая. Василий не удивлялся. "Варе все открыто", - говорил он. К примеру, стоят они в церкви, Варя толкает Василия в бок и пальцем указывает: "Видишь вон того человека? Ему надо помочь". Поучений Варвара никогда не давала. "Темна, как бутылка", - говорила она про себя.

Самым же близким и дорогим Василию Ивановичу человеком был Игнашенька Архиепископ. Игнашенька был очень немощен, и Василий кормил его, как ребенка, устраивал на ночлег. Их любимым и частым занятием было водить слепых на церковные службы. И откуда только являлись эти слепцы?! Что ни день, тащилась по городу новая вереница: впереди, как обычно, Василий Иванович, вслед Игнашенька, а за ними, положив друг другу руки на плечи, шли слепцы. Дивное зрелище!

Так выглядела жизнь новгородских юродивых с точки зрения мира. "Забавные люди, - скажет мирской человек, - но дураком быть легко, в чем же подвиг их?" Легко ли быть "дураком"? Разума просто взять и лишиться нельзя, как нельзя запретить сердцу чувствовать, глазам созерцать. Но в юродстве нет и ни капли притворства, игры в "полоумие". Юродство, если угодно, разумнейший подвиг отказа от разума. Опытный мореплаватель во время сильного шторма, чтобы порывы буйного ветра не опрокинули судно, спускает все паруса. Так поступает и юродивый. В бушующем море житейском разум, как парус, подвластный порывам мятущихся мыслей, вряд ли поможет достигнуть спасительной пристани, скорее отправит ко дну. И юродивый мудро "спускает все паруса" и встает на молитву. Но даже апостолы, имея в лодке Спасителя, убоялись бушующих волн. "Что вы так боязливы, как будто бы нет у вас веры?" - упрекал их Спаситель. Именно в храбром и твердом стоянии в вере, в абсолютном доверии Промыслу Божьему заключается подвиг юродства. Когда разъяренное море мешается с небом и волны, разинув пенные пасти, готовы тебя

поглотить, стоять на корме и молиться... С точки зрения мира это, конечно, безумие.

Известный самарский протоиерей Иоанн Букоткин в то время служил в городе Чудово Новгородской епархии. Там и свел Господь молодого священника с блаженным Василием. "Эта птичка долго здесь не пробудет", - говорил Василий Иванович прихожанам, указывая на молодого священника. Вскоре отец Иоанн был переведен в город Боровичи той же епархии и, к удивлению своему, снова встретился там с вездесущим юродивым, напророчившим ему перевод. Было ясно - в покое он его не оставит.

Великим постом батюшка Иоанн обращается к прихожанам: " Поздравляю вас, братья и сестры! Первую неделю Великого поста провели". И тут из притвора доносится голос блаженного: "Провели-то провели, да что приобрели?" Священник теряется, задуманная проповедь остается непроизнесенной. В другой раз стоит отец Иоанн на автобусной остановке и Иисусову молитву в уме творит. Вдруг, откуда ни возьмись, возникает блаженный и заговорщески шепчет, указуя на небо: "Кричишь!.."

Вскоре блаженный был принят в священническом доме, в котором и пробыл родным человеком всю свою жизнь. Духовная дружба священника и блаженного была удивительной.

"Много чудного творил наш Василий, - рассказывал сам отец Иоанн. - Многохлопотный был он для беса противник. Бывало, наберет на кладбище похоронных венков, обвешается ими с головы до ног и ходит по городу, крича и приплясывая. Что кричал, я уж не помню. А то выпросит у меня телогрейку. Была у меня такая добротненькая, на козлином меху. Напялит ее наизнанку, мехом наружу, возьмет длиннющую палку и в этом наряде идет на базар. Ходит между прилавками, палкой постукивает и грозно кричит: "Глазы крестите! Глазы крестите! Христос воскресе!" Зимой ходил - на одной ноге валенок, дру-

гая босая. Один раз нашел он где-то дохлую ворону, уложил ее аккуратно на паперти, сам рядом стоит. Люди мимо проходят, косятся. А он неожиданно хвать кого-нибудь за рукав и в дохлую ворону пальцем тычет: "Видишь, видишь, как клюв свой раззявила, была и нет ее, долеталась!" То ли он таким образом близкую кончину кому пророчил? То ли страх смертный внушал? Бог его знает.

Я в то время был благочинным, - продолжает отец Иоанн. - И собрался я по делам в село Перетно Окуловского района навестить настоятеля тамошней церкви. Василий Иванович увязался за мной. И как чувствовал я - так и вышло: устроил он нам "представление". Прямо во время службы сел на амвон, стащил с себя сапоги и разбросал их по церкви, потом испуганных прихожан палкой гонял, а когда успокоился, лег посередине церкви и руки на груди скрестил. Ох и зол я был на него после этого. Но потом, уже дома, узнаю печальную новость: приезжал в село Перетно уполномоченный из областного совета и двадцатку всю разогнал, а настоятель протоиерей Михаил вскоре скончался. Вот тебе и Василий Иванович!

Насколько я помню, милостыню Василий никогда не просил. Однако подарки брал очень охотно, без благодарности, точно свое. Служил у нас дьякон Николай Иванович Рябков, и пришла ему как-то в голову мысль подарить блаженному Васеньке свое старое бобриковое пальто. Но уже на следующий день в дом к нему заявляется Васенька. Зашел и стал по комнате взад-вперед нервно вышагивать. "Ты чего это, Васенька?" - удивляется дьякон. А Василий подходит к вешалке и говорит: "А я смотрю, мое пальтишко висит". Снял пальто, накинул его на плечи и вышел. А отец дьякон долго еще в себя от удивления приходил.

В другой раз уже я решил подарить ему брюки. Весна давно на дворе, скоро Пасха, а он все в ватных штанах ходит. Ну решил и решил, а в суете все откладывал. И, честное слово, ему о брюках не говорил. Но от Васеньки нашего разве что

скроешь. И вот как-то, встретив меня, он говорит: "Купи темно-синие в полосочку за четыре рубля". Я удивился, конечно, такой прозорливости, но сам, грешным делом, подумал: куплюка я не за четыре рубля, а за двадцать, чтоб, значит, покачественнее. Я такие брюки давно приметил. Но, их в магазине не оказалось. Долго я по городу бегал, и что же вы думаете, везде, как назло, только одни темно-синие за четыре рубля и лежат. Кого обхитрить решил! Так темно-синие в полосочку за четыре рубля и купил".

Блаженный не раз помогал отцу Иоанну получше узнать его духовных детей. Он не давал прямых, конкретных советов, не говорил наставлений, но юродство его никогда не было шутовством.

Захаживал к отцу Иоанну один молодой художник Саша Константинов. Батюшка его очень любил, но не знал, какую нужду терпит юноша. А Саша был скромен и, как выяснилось, очень горд: не хотел никого своими трудностями обременять. Но в один из вечеров, когда Саша уже стоял на пороге, собираясь откланяться, к нему обратился блаженный: "Ты погоди, я сейчас". Сказал-и вышел в другую комнату. Через минуту вернулся и протянул бедному юноше только что снятые с себя грязные кальсоны. Стоявший рядом отец Иоанн чуть сквозь землю не провалился. А Саша-художник весь как-то напрягся, аж скулы на лице задрожали. А потом взял кальсоны и тут же расплакался. Признался он отцу Иоанну, что бедствует очень и нижнего белья на нем давно уж нет. Батюшка был весьма удивлен и растроган. Так, мудрым юродством Василий и гордость в юноше обличил, и священнику указал на его невнимательность.

Была и такая история. Приходит к отцу Иоанну одна прихожанка и жалуется: "Ваш Васенька у меня костюм украл". "Как украл?" - удивляется батюшка. "А вот так и украл. Зашел, наглая морда, при мне шкаф открыл, выбрал костюм получше, взял его и ушел. Я и рта раскрыть не успела!"

Священник рабу Божию успокоил, а на Василия гнев затаил. "Ну, - думает батюшка, - появись только!" Через какое-то время является Васенька, костюмчик на нем тот самый, и с порога кричит: "Вор пришел". У батюшки тут же всю злость как рукой сняло. "Васенька, ну зачем?" "Так надо, так надо..." Костюм он вернул, а женщина та вскоре покаялась, что в войну, в голодное время, много добра на горе чужом нажила.

Отец Иоанн Букоткин давно мечтал переехать на Волгу, в город Куйбышев, куда настойчиво приглашал его епископ Иоанн (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский). Но перевод долго не удавался, так что батюшка уже и отчаялся. Но однажды приходит к нему блаженный Василий, берет за руку матушку и принимается с ней танцевать. Танцует, а сам радостно припевает: "Хорошо на Волге жить, ходят пароходики, незаметно *пролетают* молодые годики". Вскоре новгородский митрополит Никодим отпускает отца Иоанна в Куйбышев. Через 17 лет после этого случая, уже в Самаре, блаженный, склонясь над ухом батюшки Иоанна, напомнив ему о прошлом, пропел: "Хорошо на Волге жить, ходят пароходики, незаметно *пролетели* молодые годики?"

САМАРА

Уезжая из Новгорода, отец Иоанн думал, что прощается с блаженным Васенькой навсегда. Но расставание было недолгим. Не прошло и нескольких месяцев, как на пороге его нового дома в Самаре появился блаженный. В порыве общей радости домашние батюшки не сразу сообразили, что появление Васеньки - чудо. Первой пришла в себя матушка Мария Дмитриевна: "Васенька, ты же не знал нашего адреса! Мы только что переехали". "А меня где берегут - туда и ноги бегут. Меня добрый человек привел", - ответил блаженный. Этим добрым человеком оказалась соседская дворничиха - едва ль не единственная во всем городе, с которой семья батюшки успела поз-

накомиться. "Я по делам на вокзал ходила, - рассказывала впоследствии дворничиха. - И его сразу же заприметила, странен очень. Вышел он из поезда на перрон и на месте топчется, а, когда я мимо него проходила, он прямо в ухо мне как гаркнет: "Где тут батюшка Иван живет?" - Вот я и привела его к вам".

В Самаре блаженный Василий быстро нажил себе и друзей, и врагов. Многие верующие его сторонились, а суеверные бабушки даже прозвали его "нечистый" и в страхе открещивались от него, когда проходили мимо. А Василий иной раз еще и оскалится, и пальцами рожки себе наставит. Очень боялись люди его обличений и в храме старались рядом с ним не стоять. Но его избежать было трудно, особенно тем, кто фарисейски выпячивал свое благочестие. Тайным пьяницам при народе он подавал "на похмелье". Обманщикам и ворам бил по рукам. Прелюбодеям прямо в храме кокетливо "строил глазки" и посылал "воздушные поцелуи". За это и били его не раз, но чаще злословили. Какие только нелепые сплетни не разносили по городу приходские "сороки". И полицаем-то он в войну был, и малолетних насиловал - да что он только ни делал. А люди верили, пусть не всему, но ведь сплетня - такая зараза, хочешь верь, хочешь не верь, в голове остается и рано ли, поздно ли дает свои всходы. Злобно косились на него и некоторые пастыри. Особенно невзлюбил его отец Александр (о фамилии сознательно умолчим). Он свирепел от одного лишь вида блаженного: "Ух, черт косоглазый..." А блаженный всегда отвечал ему ласково: "Саша, не гони Васю, а то по шапке дадут, шапка слетит, и Саши не будет". Вскоре епископ снял с отца Александра митру, а потом и вовсе в служении запретил. После этого случая другие священники стали относиться к блаженному более ласково.

Владыку Иоанна он называл "богатый", а еще "митрополит питерский", а было это в то время, когда епископ Иоанн еще и думать не мог о Санкт-Петербургской кафедре. Вообще у вла-

дыки с юродивым были весьма загадочные отношения. Их диалоги порой были малопонятны для окружающих. К примеру, выходит владыка Иоанн из Покровского собора, блаженный к нему подбегает и говорит: "Богатый, ты слышал, как я кричал?" "Скромнее, смиреннее надо бы, как в монастырях", - отвечает владыка. "А сам-то, сам-то..." - вспыхивает блаженный, но тут его оттесняют от архипастыря, и он кричит уже из толпы: "Камни возопиют!"

У епископа Иоанна День ангела. Поздравить его пришли священники и миряне. В доме накрыты столы, в одной комнате для духовенства, в другой для мирян. А у владыки, как назло, обострение диабета, но он, чтобы не испортить праздник, это скрывает, сам же вкушает только диетическую пищу. Но вот появляется Василий Иванович и подносит владыке... большой кремовый торт. Владыка смеется и ласково грозит ему пальцем. Торт оказывается на столе у мирян, и Василий радостно угощает всех собравшихся тортом, который "богатый пожаловал".

Блаженный Василий любил говорить шутливыми прибаутками или скороговорками. К примеру, о сокращенной, скомканной церковной службе он говорил: "Правило не правило, правило на правило и облобызались". А еще говорил так: "Все окурено, все охулено". А бывало, начнет болтать, как из пулемета, не остановишь, да и не разберешь. Слова все наизнанку повывернет, ударения в них переменит, да еще какие-нибудь нелепые окончания добавит. Ничего не понять, промелькнет что-нибудь, и тут же забудешь. Но проходит время, и когда какое-нибудь затруднение возникает, всплывают из памяти эти чудаковатые фразы уже расшифрованными, и находишь в них нужный ответ. А порой говорил блаженный вполне конкретно и ясно, но всегда в таких случаях коротко, два-три слова, не более. Как-то пришел он к батюшке Иоанну Букоткину и заладил: "Моль ест да моль

ест..." Батюшка голову себе ломает, что бы это могло значить, кого он так образно обличает. Когда же блаженный ушел, достал отец Иоанн из шкафа свой любимый пиджак - а он весь молью изъеден.

Архиепископ Иоанн не раз говорил отцу Иоанну Букоткину, чтобы он непременно записывал за юродивым. Сменивший владыку Иоанна на Самарской кафедре архиепископ Евсевий, хотя ни разу так и не видел блаженного, говорил про него однозначно: "Подвижник". А блаженный, в свою очередь, тоже ни разу не видевший владыку Евсевия, говорил: "Это монах, настоящий монах". Тесен духовный мир для живущих во Господе.

В Самаре блаженный Василий не раз оказывался в психбольнице. Сам себя туда определял: приходил в любое людное место, где без билетов пускают и милиция есть, и начинал там буянить. Его сначала в отделение отведут, а затем и в психушку, как невменяемого. Впрочем, блаженный не раз говорил: "По воле своей никуда не ходил". А в больнице всегда был тот человек, который ждал помощи. К нему-то и шел наш Василий, ради него и терпел все пытки известного "курса лечения".

"Страха Божьего в тебе нет? Поживи в психбольнице, и в ад не захочется", - говорил он.

С годами страсти, кипевшие вокруг блаженного, поутихли. Он отмолил свое право жить в этом городе, посмеявшись над всеми бесовскими кознями. Для беса юродство - сила ужасная. В житиях св. Дмитрия Ростовского мы читаем: юродивый Андрей "многу печаль демонам сотворил"; Василий Блаженный "мудрейшим юродством перехитрил дьявола"; юродивый Иоанн Устюжский "бесовское ополчение посрамил". А св. Иоанн в своей "Лествице" пишет: "Постараемся не только бороться с демонами, но и нападать на них... Кто победил страсти, тот поражает демонов; притворно показывая, что

имеет страсти, и тем обманывает своих врагов, и остается неуязвимым". Этой мудрейшей стратегией духовной борьбы в совершенстве владел блаженный Василий. Для знавших его иные слова и поступки блаженного казались не только абсурдными, но порой и безнравственными. Нам, духовно расслабленным, уютно живущим в бесовском плену, не понять, что значит быть воином духа. В духовной войне за свою независимость, за право души возлюбить неземное юродство есть самый рискованный, дерзостный подвиг.

Один молодой самарский священник очень любил блаженного и, почитая его за святого, отправлял своих прихожан к нему за советом. А иногда мог прямо с амвона сказать: "Попросим святого Василия молиться за нас, грешных". Дошло до того, что юродивому в том приходе стали чуть ли не кланяться. Но однажды, когда тот священник исповедовал прихожан, к нему подошел и блаженный. По словам очевидцев, выглядело это так: блаженный, склонясь к уху священника, который ввиду ответственности момента заметным образом разволновался, начинает что-то нашептывать, лицо у священника быстро меняется, он испуганно пятится, а затем, развернувшись и обронив епитрахиль, убегает в алтарь. После этого случая священник стал избегать юродивого, и прихожане больше не слышали от него хвалебных речей в его адрес. Тайну этой исповеди открыл сам Василий Иванович лишь под конец своей жизни. В тот день он притворно признался молодому священнику в том, что питает к нему вожделенную страсть. Так, очернив себя, обхитрил он коварного беса, беса тщеславия, самого страшного для подвижника. И подобных случаев было немало; иногда подходивших к нему за советом он ни с того ни с сего огорошивал матом, а в домах, где его принимали с подобострастной почтительностью, он порой на глазах у хозяев "справлял свою надобность".

Посрамленные бесы, в бессилье своем искусить подвижника в духе, бывало, являлись к нему наяву. Однажды, придя из собора к одному из своих благодетелей, блаженный все бормотал еле слышно: "Ох ты, тошненько, тошненько... Сколько их на меня одного". А потом упал на кровать и шесть часов пролежал без сознания.

Был один случай, который блаженный Василий считал знаменательным, как он говорил: "Откровение снизу". Дело было в Димитровграде. Оказавшись в компании нищих, блаженный вдруг ощутил странную тягу и даже доверие к этим "простым, богобоязненным" людям. Но доверчивость чувствам - явлениям лукавым, есть симптом духовной расслабленности, позыв ко греху. Такого настроя в подвижнике бесы не упускают. И юродивый, приняв из рук "богобоязненных" нищих вино со снотворным, был ими ограблен. Но грабеж этот не был обычным: у блаженного красть было нечего: оборванец, что с него взять? И это трудно было не видеть, а украли они лишь нательный копеечный крестик. Очнулся блаженный в вагоне какого-то поезда в окружении пьяных попутчиков. Когда обнаружил пропажу, с ужасом понял мистический смысл всего происшедшего: с него сняли Крест! Смалодушничав, он тогда допустил в свое сердце отчаяние, и, как следствие этого, в Москве, куда привез его поезд, у него отнялись ноги. На носилках его отнесли в отделение милиции, а оттуда с провожатым отправили в Новгород, к месту прописки по паспорту... Блаженный Василий не раз вспоминал цепочку этих "случайностей", как принципиальную схему грехопадения: ослабевает духовное бодрствование (доверие нищим); снимается крест, душа впадает в бесчувствие (снотворное); и нельзя удержаться, и тебя уносит все дальше (поезд); отчаяние и, как цель бесовских напастей, безволие, рабство греху (паралич, водворение в Новгород)...

А украденный крестик вернулся к нему через месяц - прислали в посылке без обратного адреса.

Господь, являя славу Свою на подвижнике, попускал быть ему искушаемым и телесно.

9 марта 1994 г. мирно почила во Господе истинная раба Божия Анна Ивановна Богданова. Ей, врачу, доверил Господь, облегчая телесные муки блаженного, проникнуть в святая святых его духа. За несколько месяцев до кончины, делясь с нами воспоминаниями, Анна Ивановна пророчески говорила: "Как расскажу вам все, что знаю о блаженном Василии, так и умру". Да помянет Господь во царствии Своем рабу Божию Анну!

В то время Анна Ивановна была прихожанкой Самарской Петро-Павловской церкви. Весной 1985 г. видит она загадочный сон: "Мама-покойница сидит возле гроба, в котором лежит человек под белым шелковым воздухом. Мама откидывает воздух и, обращаясь ко мне, говорит: "Помоги ему, дочь! Помоги ему!.." Человек, лежащий во гробе, мне незнаком, он весь бледный, сухой, но кажется, дышит, правый глаз у него изуродован. А мама все просит и просит, я хватаюсь за гроб, за мамину руку и кричу ей сквозь слезы: "Что же мне делать?.." Прошло около месяца, и все это время Анна Ивановна была неспокойна, чего-то ждала... А потом в Петро-Павловской церкви ее взгляд привлекает один человек, с виду нищий, хромой, явно ослабленный. Она видит его со спины, но, когда человек, обернувшись, устремляет на нее свой единственный глаз - сердце Анны Ивановны екает: "Это он!"

Вскоре блаженный Василий был у Анны Ивановны дома. Как врач, она решила обследовать его досконально. Василий Иванович не возражал. Результаты обследования привели ее в ужас: тоны сердца едва различимы, пульс не прощупывается, в нижней половине легких дыхания нет, обе печенки отбиты... "Да вы живой труп", - позабыв врачебную этику, воскликнула женщина.

Долгие месяцы длилось лечение. Анна Ивановна подолгу молилась, покупала дорогие лекарства, ночи просиживала у постели больного. А Василий был удивительно ласков, предупредителен, нежен. Женщина чувствовала, как рядом с блаженным сердце ее умиряется, становится мягче, доверчивей, словно не было опыта прожитых лет, полных боли, ошибок, смятенья... Ощущение детства. Так и жили они, врачуя друг друга: Анна Ивановна лечила телесные немощи, а блаженный Василий исцелял ее дух. Постепенно перед Анной Ивановной за внешним безумством и мрачностью стал открываться иной человек: по-детски открытый, застенчивый, но с крепким, "по-царски осанистым", как говорила Анна Ивановна, устремлением духа. Помните пятилетнего мальчика со слезами подвижника - он таким и остался на всю свою жизнь. Бывало, попросит у Анны Ивановны подать ему ножницы и тут же опустит глаза, покраснеет; или, нечаянно опрокинув стакан с чаем, съежится весь и так виновато, чуть не плача прошепчет: "Простите!" - что даже неловко становится.

За время болезни блаженный Василий перечитал все книги, которые были в доме Анны Ивановны. На страницах Святого Писания он ставил какие-то странные метки. А когда Анна Ивановна со своим мужем Павлом Григорьевичем стали просматривать помеченные блаженным места, то обнаружили в них явный смысл. Это была прикровенная проповедь логичная и целенаправленная. В ней блаженный прозорливо указывал на их личные неисповеданные грехи и давал наставления.

Когда лечение уже подходило к концу, все вдруг изменилось - Василий стал грубым, задиристым, говорил какие-то странные вещи, мышцы его сокращались до судорог, и даже прикосновение к ним причиняло сильную боль. Анна Ивановна, теряясь в догадках, как врач, решила, что это психи-

ческий срыв. Она ездила к невропатологу, искала успокоительные лекарства, а Василий день ото дня становился все "хуже". И однажды, грубо обругав Анну Ивановну и Павла Григорьевича, блаженный исчез... Потом он, конечно, вернулся и еще многие годы жил в их тесной квартирке как самый близкий, родной человек.

Уже после смерти блаженного матушка отца Иоанна Букоткина Мария Дмитриевна видела чудный сон. Василий Иванович, преображенный, сияющий, в облачении архимандрита, в митре и с посохом величаво шествует среди массы народа. Люди почтительно расступаются перед ним, и лишь одна женщина все липнет-жмется к нему, цепляясь за посох, за облачение.

"Кто ты такая, что не даешь проходу нашему пастырю?" - ропщут на нее окружающие. А блаженный ласково говорит: "Не гоните ее, она моя". И тут матушка узнает в этой женщине Анну Ивановну. А потом вдруг возникает перед архимандритом Василием огромный праздничный стол, накрытый всевозможными яствами. Вокруг стола собираются люди, много людей, тысячи тысяч, и блаженный, благословив чудесную пищу, говорит: "Пейте, ешьте, любезные, для вас приготовлено!"

В последние годы блаженный Василий много пророчествовал. Предсказал пожар в Покровском соборе в 1976 г., землетрясение в Армении; еще в начале восьмидесятых часто говорил загадочную фразу: "Будет, будет вам перессорка". Впоследствии стало ясно, что имел он в виду ту самую перестройку.

Пророчество - дар совершенных. Христиане всегда искали и чтили наделенных этим небесным даром, так как знали, что наступит то время, когда не будет уже пророков, и время это будет последним. "Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умол-

кнут, и знание упразднится" (1 Кор., 8, 9). В писаниях святого Дмитрия Ростовского есть такие слова: "Тот блажен, у кого, если меч поднимает рука - Божия кара; тот блажен, у кого, если сказано слово - это слово от Бога". Дар прозорливости неотделим от истинного блаженства; изменяя законам плотского разума - законам греха, блаженный духом живет уже там, где стерты пространства и сроки.

...Весна. Матушка отца Иоанна Букоткина принесла помидорную рассаду. У батюшки выпал свободный вечер, и он собирается рассадить ее в огороде. Но тут, как назло, заявляется Васенька. Матушка рада, усаживает дорогого гостя за стол, а отец Иоанн недоволен: "Надоел, честное слово", - думает он про себя и уходит на огород. Вслед за ним выходит блаженный. "Меня Тумачиха просит, а Тумак не хочет, - говорит он. - Сажай, сажай, а собирать вон там будешь". И, указав в сторону рынка, блаженный уходит, сотрясая в воздухе палкой, что значит - рассержен. Вскоре, посреди знойного лета, ударили заморозки, и вся рассада погибла. Помидоры пришлось покупать на рынке. Через год, перед тем, как засадить огород, отец Иоанн обратился к блаженному: "Сажать что ли?" "Сажай, уродятся твои помидоры", - ответил Василий.

Любовь Анисимовна Черемина пригласила как-то Василия переночевать у нее дома. А наутро, когда блаженный ушел, заправляя постель, чистоплотная женщина сетовала: " Вонь-то какая, козлом пахнет". Мылся юродивый крайне редко, и, конечно, запах от него был малоприятный. Побранила Любовь Анисимовна в сердце своем блаженного и забыла. А через несколько дней рано утром просыпается она от настойчивого стука в дверь. "Кто там?" - спрашивает. "Бе-э-э-э..." - звучит в ответ. "Что за глупые шутки!" Открывает женщина дверь и видит Василия. Блаженный, вытянув шею,

снова громко затягивает: "Бе-э-э-э..." И тут Любовь Анисимовна вспоминает свое недавнее недовольство - козлом пахнет. "Васенька, дорогой, прости меня, грешную!" После этих слов блаженный, ласково улыбнувшись, уходит.

...Зимой 1985 г. умер двоюродный брат Анны Ивановны Богдановой Валентин. Сразу же после получения скорбной вести блаженный успокаивал Анну Ивановну: "Не волнуйся, я его в телегу посадил и сказал: "Держись, голубчик, не выпадай". Через три дня, придя из храма, Василий строго сказал: "Молись". В другой раз Анна Ивановна, переписывая в помянник имена своих родственников, невзначай спросила блаженного: "А много ли, деда, наших в раю?" "Да много, пожалуй..." - ответил блаженный. Прошло минут десять, и Василий продолжил: "Помолись поусерднее за..." - и назвал много имен, которых Анна Ивановна и сама-то не помнила, но тут же нашла их в только что переписанном помяннике и успела отметить.

...Блаженный Василий был неразлучен со своими большими тряпичными сумками. И чего только не было в них: покрытый плесенью хлеб, кожура от картофеля, камни, всякая ветошь... Но когда кто-нибудь из его почитателей, проявляя заботливость, очищал его сумки, блаженный кричал, матерился и, в конце концов, уходил на помойку собирать свои вещи. Случайных предметов в сумке блаженного не было. К примеру, дает он Павлу Григорьевичу Лобачеву старый электрический выключатель и говорит: "На, тебе скоро сгодится". Павел Григорьевич остается в недоумении, но вскоре его ни с того ни с сего приглашают работать электриком.

Блаженный часто отсылал в разные города посылки; по одному адресу отошлет завернутый в тряпку кирпич, по другому - драный сапог на одну ногу, но чаще всего и всегда по одному и тому же адресу отсылал он протухшие рыбьи головы.

Кому и зачем предназначены были эти "подарки", нам неизвестно, но, очевидно, что делал он это отнюдь не без смысла.

В последный год своей жизни блаженный Василий как-то вдруг постарел. Однажды в Петро-Павловской церкви одна прихожанка, оглянувшись и увидев блаженного, в страхе воскликнула: "Умер!" Блаженный был жив, но глаз женщины мало ошибся - бросив ветхого человека на растерзание этого мира, дух блаженного был уже далеко. С каждым днем он становился все тише, как бы малозаметнее, некоторые перестали его узнавать. В последнее время он вовсе не спал, днем и ночью пребывая в молитве.

Умер блаженный Василий 16 августа 1991 г. в Томашевской психиатрической больнице. "Умирая в аду, легче достигнуть рая", - говорил он перед смертью.

На отпевании в канун Преображения 18 августа Петро-Павловская церковь была переполнена. Как воодушевленно, торжественно пели в тот день "Святый Боже..." и без слез шли до самого кладбища.

Тело блаженного, еще при жизни напоминавшее труп, во гробе неожиданно помолодело. Во время последнего целования некоторым показалось, что труп еще теплый, другим же - что холоден он, словно лед. Споры о нем не прекратились и после смерти.

...Офицер, фронтовик, в совершенстве владевший немецким, знавший польский, литовский, украинский, эстонский, хорошо разбирающийся в живописи и, вполне вероятно, имевший высокий духовный сан (тому есть немало свидетельств в письмах к блаженному), и он же - нещадно бранящийся, грязный "безумец"... Сколько судов мы над ним сотворили, сколько ран ему нанесли... Говорят, что святой после смерти рождается, а прославляется он после смерти своих современников. Господь нам судья!

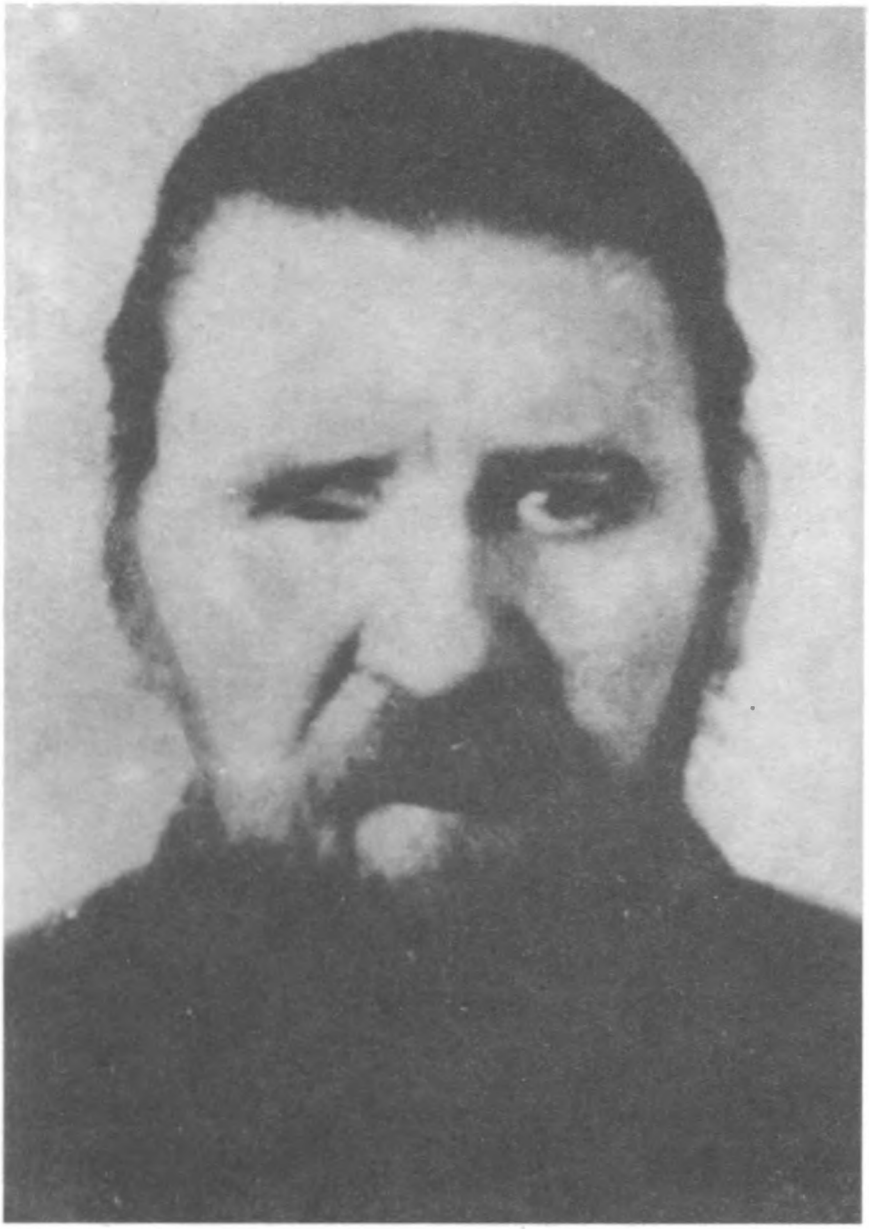
И. М.

Христа ради юродивый Василий Иванов.

Василий Иванов в звании лейтенанта танковых войск. Рядом с ним его дальние родственницы. Фото 1942 г.

Блаженный Василий в г. Боровичи Новгородской области.

Епископ Самарский и Сызранский Иоанн
и священник Иоанн Букоткин, г. Самара.



Блаженный Василий, Самара, 1981 г.

Крест над могилой блаженного Василия на самарском Рубежном кладбище. Еще за несколько лет до кончины блаженный сам выбрал себе это место, сказав: "Вот здесь меня и положите". Так и случилось.

Блаженная Анна Бузулукская

То, о чем я хочу рассказать, не должно быть предано забвению. Время и так уже унесло часть фактов, хронологию и детали, но, к счастью, не до конца. И в этом, несомненно, есть Промысел Божий. Я же расскажу обо всем мне известном в том порядке, в котором слышал не раз от своей покойной матери.

Итак, это происходило в те страшные и жестокие 30-е годы, когда особенно свирепствовал на нашей земле воинствующий атеизм. В народе эту скромную русскую женщину называли по-разному: юродивой, прозорливой, блаженной. Кто как. А еще величали ее Анной Васильевной - человеком Божиим. Для всех было широко раскрыто ее щедрое и бескорыстное сердце. Она никому ни в чем не отказывала. Всех, как могла, утешала, давала добрые советы. К ней шли отовсюду за помощью и за добрым словом. Внешне она была невзрачна, носила простенькую, почти нищенскую одежонку. Улыбалась всегда своей простодушной светлой улыбкой. То и дело крестилась по разному поводу. Здоровалась со всеми приветливо, за "рученьку", и всякий раз в глазах ее вспыхивал при этом какой-то особенный благочестивый блеск. Говорила она мало, скупо и коротко. И только по существу. И поэтому когда обращались к ней за советом, то слушали только первые две-три фразы. Именно в них и был заключен конкретный ответ. Далее следовало нечто иносказательное, непонятное и даже как бы бессмысленное. Но это только нам так казалось. На самом деле, и в странном ее "лепетании" скрывался особенный смысл. Говорили знающие, что это была у нее особая словесная маскировка. Или, выражаясь по-светски, муляж.

Это ей было нужно, чтобы избежать слежки НКВД и других безбожных ищеек, которые тогда, как черви, кишели всюду. А вот так - поговорит вроде бы "бестолково", "глуповато", бросит парочку совсем особенных фраз и поди догадайся. Ну а те, кому надлежало, конечно же, все понимали, что требовалось, с полуслова..

Вот так поступала Анна Васильевна. С виду "глупенькая", блаженная. И вместе с тем далеко не простая. Скромная подвижница из Бузулука, что в Оренбуржье.

Вся ее жизнь проходила в основном в Божьем храме. Он был разрушен позднее, в 50-е годы, и на его месте стоит теперь никчемный, невзрачный "клубишка". А тот храм, как я и сам хорошо помню, стоял величественный, с тремя позолоченными куполами, с дивной колокольней, окруженный садом и щедрой любовью прихожан. Съезжался и сходился туда православный люд отовсюду. Приезжали туда и мои родители из глухой деревушки Сексяево. Тут-то они и увидели впервые Анну Васильевну. Поздоровались с ней, как всегда, за "рученьку", тепло и приветливо. Правда, все для нее были равно близки и дороги - такой уж была она особенный человек... В ту пору родители мои собрались переехать из деревни в Бузулук насовсем, но прежде решили посоветоваться с блаженной. Ведь кругом были смута, террор, недоверие. Да и семья немаленькая, как-никак - четверо детей, один меньше другого. Сорвись-ка с места с такой оравой. Выслушала их Анна Васильевна, светло заулыбалась, предвидя что-то хорошее, закрестилась и наскоро забормотала:

- Переезжайте. И дома продайте. И большой, и маленький. А то холодно в деревне. Замерзнете. Детей заморозите...

А дальше пошли, как всегда, непонятные, загадочные слова:

-Гришка замерз. Никитка замерз. И вы замерзнете. Переезжайте...

Сказала и тихо отошла, бормоча что-то свое, крестясь и здороваясь со всеми "за рученьку". А родители крепко заду-

мались над ее словами. Озадачились, откуда она все знает? И про большой дом, и про маленький? Ведь не было об этом с ней никогда разговора... Послушались они совета прозорливицы. Но не до конца. Продали не оба дома, как советовала Анна Васильева, а только один, маленький. Повременили большой продавать. Решили - вдруг пригодится? И поплатились за маловерие. Недобрый человек из волости "накапал" на них, что "кулаки", мол, и надобно их раскулачить... Кулаками мои родители не были никогда: батраков не держали, зарабатывали на хлеб трудом рук своих. В Бога верили крепко. Это-то, видно, и не понравилось больше всего. Дом отобрали с хозяйством вместе. Только коровенку успели чудом спрятать. Вся семья оказалась на улице, но отец не пал духом. "Видно,на то Божья воля", - сказал он жене. Выкопал землянку, стали в ней жить. В ней-то я и родился. А за этого недоброго "дядю" из волости мой отец, рассказывают, потом молился всю жизнь, пока не погиб на войне. И мать заставлял за него молиться. "Не ведает, - говорил он, - что творит, глупец. Пропадет ведь. Хоть и недруг, а все же жаль..." Удивительно!

Вскоре отец купил домик в Бузулуке, и семья перебралась в город со всем оставшимся скарбом. В землянке временно осталась только моя сестра. До коровьего отела. Так решили. Стали ждать весточку от сестры и вдруг получают: "Папа и мама! Срочно приезжайте. Заболела коровка, наверное, помрет". Огорчились сильно родители: потерять корову в то время - горе безутешное. Что делать? Собрался отец в деревню идти - пешком сто двадцать километров. Но прежде решил увидеться с Анной Васильевной. Поделиться горем. Подошел к ней и спросил:

- Идти ли мне в деревню к дочке? - и больше ничего объяснить не успел. Обрадовалась вдруг Анна Васильевна, за рученьку потрепала отца и говорит:

- А что делать-то в деревне?.. Коровка отелилась... Коровка отелилась...

И дальше как обычно: "У Гришки отелилась... У Никитки отелилась..." - и отошла в сторонку. Конец разговору. Пришел отец домой радостным. "Не пойду в село, - говорит. - Не велела Анна Васильевна. Корова отелилась". Взял карандаш и записал на косяке дату и час предсказания. Стали ждать вестей от сестры. На третий день приходит письмо: "Мама и папа! - пишет сестра. - Не приезжайте. У нас все хорошо, корова отелилась. Теленочек здоровый. Слава Богу..."

Были и другие случаи, когда Анна Васильевна поражала всех своим Божиим даром! Ждали однажды игуменью из Талловского монастыря. Множество богомольцев собралось в тот день в храме. А Анна Васильевна ходит вокруг церкви и приговаривает:

- Цветочки горят... Цветочки горят...

Этим словам никто не придал значения. Их смысл тогда не был разгадан. Но вот приезжает вдруг верховой из Таллов с трагической вестью: по дороге в город злодейски убита игуменья... "НКВД состряпало!" - испуганно зашептали люди. В храме заколыхалась толпа прихожан. Люди заволновались. Уж больно дорога была им игуменья! Нечаянно кто-то из толпы свалил подсвечник, и сразу вспыхнули сухие цветочки, приготовленные к встрече. Начался пожар. Храм еле-еле спасли от огня. Вот тогда вспомнили про "цветочки горят" прозорливицы Анны Васильевны...

Отца моего раз поддел бык рогами, да так, что он слег. Серьезная была травма в области позвоночника. Ни ходить, ни работать не может, а он один кормилец в семье. И боль ужасная. Как жить? Горюет семья, отец сокрушается. Врачи оказались бессильны, сказали твердо: "Вы теперь инвалид..." А он, 36-летний, едва-едва передвигается с палочкой. Попросил он однажды в церковь его отвести. Привели его в храм, поставили с палочкой в уголке. Упал он в слезах на колени, просит Николая Угодника и Царицу Небесную: "Помогите!.. Не дайте погибнуть семье моей..." И вдруг - чудо!.. Сквозь толпу прихожан пробирается в его сторону Анна Васильевна. Улыбнулась

отцу, провела ладошкой по его позвоночнику. Опять улыбнулась и молча вышла через боковую дверь. Стоит отец на коленях, молится, не догадывается ни о чем. Закончилась вечерняя служба. И тут только он спохватился: не беспокоит, вроде бы, позвоночник. Что это?

Думает, может быть, разомлел, разгорячился в толпе? Ерунда! В бане много раз парился - не помогало. Массажисты смотрели, и все бесполезно. Вышел отец из церкви без палочки. Что за чудо?! Поприседал - не болит. Пробежался - все равно не болит... И тут только вспомнил Анну Васильевну. Ее улыбку лучистую, ее целительную ладонь. Прослезился: всю хворь рукой сняла! В прямом смысле...

Не все, конечно, помнится. Многое забылось. И другим ведь много помогала она, сколько раз - одному Богу известно.

...Шел 37 год. Не обошла беда и Анну Васильевну. Арестовали ее за веру и за великий - от Бога - дар. Бросили в тюрьму в Колтубанке, в 18-ти километрах от Бузулука. Там она вскоре и умерла. Позже узнали все про ее последние чудеса. Вез ее из Бузулука в тюрьму на телеге местный НКВДешник, безбожник, озлобленный человек. В дороге сказала ему прозорливица: "Пропал бы ты, пропал, да у тебя светильник рядом..." Когда он вернулся домой и пересказал жене, весьма богомольной женщине, загадочные слова Анны Васильевны, та всплеснула руками и призналась, что день и ночь молила Бога о прощении своего мужа. Смысл слов прояснился. С тех пор он уверовал в Бога и, как рассказывают, ушел из "органов". А перед смертью, рассказывают, явилась Анна Васильевна во сне одной бабушке - Марфе. У ней в доме блаженная жила в Бузулуке. Явилась ей и сказала:

-Приезжай, Марфа, похорони меня, как полагается. По-христиански.

Старушка исполнила ее последнюю просьбу.

Так и лежит с тех пор юродивая Христа ради Анна Васильевна где-то на Колтубанском кладбище. Мир ее праху!

Тимофей Шишкин.

Из воспоминаний Анны Ивановны Федотовой

Господи, благослови меня, грешную, от души и сердца рассказать о Божием человеке, Анне Васильевне, истинно поведать о ней все, что знаю.

Было это примерно в 1926-27 гг. Исполнилось мне тогда 14 лет и, окончив начальные классы в с. Александровка, приехала я в г. Бузулук поступать в профшвейную школу. Документы мои были туда отосланы загодя, и мне оставалось лишь сдать вступительные экзамены. Но, к ужасу моему, когда я уже приехала в Бузулук, документов в школе не оказалось. Пришла я тогда на квартиру, уткнулась в подушку, реву в отчаянии. А сама ничего понять не могу. "Ведь документы мои отец уже давно отправил. Куда они могли запропаститься?" - недоумеваю я. И вдруг чувствую, как кто-то ласково до моего плеча дотронулся и говорит: "Тезка, брось плакать! О чем ты плачешь?" Я вздрогнула от неожиданности, обернулась и вижу - сидит на краю моей кровати незнакомая женщина. Странная такая - глаза лучистые, лицо круглое, кудрявая и в белой кофточке, а на груди у нее множество крестиков булавочками приколото. "От Бога ты или от колдунов?" - думаю. А она опять: "Брось! Хватит плакать!" "Как же мне не плакать, - говорю, - когда мои документы пропали?" "Никуда они не пропали. Да ведь все равно тебе учиться мало придется по болезни от Бога и от людей... Хочешь я тебе дам крест золотой или яблочко?" Три раза по- вторила она эти слова. А я почему-то замолчала тогда и тем, думаю, определила свою судьбу. Ведь потом я узнала, что быть девицей - значит нести крест золотой, но самый тяжкий. А вот что значит "яблочко" - я и до сих пор не знаю. Затем странная женщина предсказала мне, что я и замуж выйду, и детьми обзаведусь, но только болезнь меня всю жизнь одолевать

будет. "А документы твои никуда не делись, - сказала она перед уходом, - как приедешь домой, спроси их с того, кого просила отправить. Если скажет, что отослал, то попроси его под сукно на столе заглянуть. Все определится... А теперь я пойду, а к экзаменам твоим вернусь". Нежданная гостья моя ушла, а я вдруг почувствовала такую легкость душевную, что вновь готова была разрыдаться, но уже от радости. Вечером мне сказали, что женщину эту зовут Анна Васильевна и что Сам Господь посылает ее к тому, кто просит о помощи или ждет утешения.

Приехала я домой, подступила к отцу: "Где мои документы?" Он: "Отослал!" "Нет, - говорю, - ты под сукном глянь." Отец от удивления глаза вытаращил, откинул сукно со стола, а там мои документы злосчастные и покоятся. Долго родитель мой потом извинялся - выпил, мол, позабыл - а я так думаю, не хотел он, чтоб я училась, денег это тогда стоило.

Вернулась я вскоре в Бузулук, документы мои приняли - и вот наступает день сдачи экзаменов. Сначала все шло, как "по маслу" - все предметы сдала я на "отлично", оставалось мне решить только одну задачу по математике. Сижу, смотрю на условие и ничего понять не могу. "Ну, все, - думаю, - пропала!" И тут меня словно кто под руку подтолкнул, и рука моя сама собой вдруг писать стала. Я смотрю на нее в удивлении, а она строчит себе, да так быстро, что глаза прочитывать не успевают.

Учительница говорит: "Десять минут осталось". "Сейчас!.." "Пять минут". "Еще немножечко..." "Федотова, сдавайте работу". Отдаю тетрадь и холодею от ужаса: "Что же я там написала?" Через некоторое время учительница объявляет: "Федотова - "отлично". И ставит меня, деревенскую девчонку, в пример всем городским зазнайкам... И вспомнила я тогда слова Анны Васильевны: "... А к экзаменам я вернусь". Не иначе, как по ее молитвам со-

творил Господь со мной это чудо на экзамене.

Стала я учиться и часто после уроков навещать Анну Васильевну. Она очень ласкова ко мне была и много тайн разных доверяла. С другими она больше притчами говорила, а со мной, глупой девочкой, запросто, напрямую. Сядем мы рядышком, а она мне рассказывает - там-то свадьба сейчас идет, там-то умер тот-то... И все, как есть, истинно. Просижу я с ней таким образом целый вечер с открытым от удивления ртом, а как поздно станет, ручку у нее поцелую и бегу домой, ног под собой не чуя от радости. Днем Анна Васильевна бродила по городу, разговаривала с людьми. Но далеко не каждого подпускала она к себе. Иной только подойдет к ней с каким-нибудь лукавым вопросом, а она ему: "Иди прочь!" Но со многими она была очень ласкова, доброжелательна, хотя и не все понимали ее причудливые, иносказательные наставления. А ходила она очень странно, всегда под ноги себе смотрела и носочком правой ноги как бы дорогу перед собой расчищала. Спросишь ее: "Что ты ищешь?" А она в ответ: "Деньги! Деньги!" Она часто повторяла одно какое-нибудь загадочное слово дважды. Но чаще всего ее можно было встретить в храме или на городском базаре. Там ей подавали милостыню, она брала, а вечером показывала мне все собранные за день деньги и говорила: "Тезка, пойдем с тобой отдадим их, тут много". Сама выбирала она какой-нибудь ветхий домишко, где находились маленькие сиротки, и, закинув деньги в открытое окно, мы быстренько уходили. А как-то вечером Анна Васильевна сказала мне следующее: "Скоро ты поедешь в Ташкент, а потом на Дальний Восток". "Что мне там делать? Не хочу я туда..." "Поедешь! Поедешь!" - отрезала моя наставница.

Скоро я уехала домой на каникулы, а через две недели получила письмо со школы. В нем сообщалось, что в школе обрушился верхний этаж и она закрылась. Стала учиться

я в селе Ключи и долго не могла привыкнуть к мысли, что уже никогда не увижу Анну Васильевну. Далее навалилась на меня болезнь, школу я бросила, а через некоторое время уехала вместе с родителями в Ташкент по вербовке. В Ташкенте прожили мы недолго. Там подхватила я новую болезнь - острый ревматизм и по предписанию врачей вскорости вынуждена была возвратиться на родину, в свой родной климат. Обратный путь мой лежал через Бузулук... В городе я оказалась уже под вечер. Смеркалось, и на улицах не было ни единого человека. Я же просто сгорала от желания увидеть, наконец, мою дорогую Анну Васильевну. С тайной надеждой решила я идти к базару. Шла я по темным улицам и сама над собой смеялась: "Куда я иду? Зачем? Глупо!" И вдруг - о чудо!.. Стоит передо мной Анна Васильевна. Я даже вздрогнуть не успела от неожиданности. "Откуда ты? С неба?" А она мне: "Ведь ты же хотела меня видеть". Обнялись мы, расцеловались. Какое счастье я тогда испытала, словами не высказать. Стала рассказывать ей все, что случилось со мной за эти годы и дивиться верности всех ее предсказаний. Приласкала меня Анна Васильевна напоследок и спрашивает: "Теперь едешь домой?" "Да, - говорю, - Анна Васильевна, еду. Только вряд ли сегодня до дому-то доберусь, поздно уже". А она мне на это: "Нет, ты иди скорей, там машина в экспедиции стоит, на ней и доедешь". "Да я ж не успею". "Беги, беги. Я ее задержу". Поцеловала я ручку моей дорогой наставницы и побежала. Но через несколько метров вдруг остановилась! "Как же я буду жить теперь?" - кричу. "Скоро, скоро выйдешь замуж", - отвечает мне Анна Васильевна. "У меня же никого нет еще". "Будет! Будет!" "А какой он будет, мой муж?" - уже на ходу кричу я Анне Васильевне. И слышу: "Хороший! Хороший! Только бедный! Бедный!.."

Добежала я до экспедиции. Вижу - стоит бортовая машина, и весь верх у нее людьми полон. Она уже отъезжать стала, но потом вдруг остановилась, и водитель предложил мне сесть вместе с ним в кабину. "Словно специально для тебя место держал", - сказал он. Думала ли я тогда, что уже навсегда расстаюсь с Анной Васильевной...

Через три месяца я вышла замуж за агронома. Добрый он был человек, но бедный (обокрали его дорогой перед самой женитьбой). Он-то и увез меня на Дальний Восток... Так и сбылись предсказания Анны Васильевны - человека Божьего, с которой посчастливилось быть мне в дружбе, за что благодарю я Господа и буду слезно благодарить Его и тогда, когда предстану, грешная, перед Ним в день судный!

Блаженный Степан Никифоров

Ташла - старинное чувашское село в Ставропольском районе Самарской области. На первый взгляд оно мало чем отличается от других сел и деревень земли нашей. Но все же у Бога это место на особом счету. Здесь в 1917 г. был явлен чудотворный образ Пресвятой Богородицы "Избавительницы от бед". А на месте явления иконы из земли ударил мощный родник, на котором происходили и происходят многочисленные исцеления. Но мало кому известно, что в этом же селении есть еще одна святыня - могила праведника и прозорливца Степана Васильевича Никифорова или, как ласково звали его на селе, блаженного Степушки.

Родился Степан Васильевич в 1908 г. в с. Кокряги Симбирской губернии. О детстве его почти ничего неизвестно. Но есть свидетельства, что уже с малых лет он взял на себя подвиг юродства.

Пока была жива мать - жил у нее. Потом, оставшись сиротой, "пошел по рукам" боголюбцев, так как его родной брат, ставший милиционером, устыдился юродивого Степана и отказался от него. Блаженный жил в домах верующих Жигулевска, Хрящевки, потом переехал на жительство в Мелекесс, где его приютил местный священник Николай Тахтаров. В то время юродивого Степана знала уже вся округа. За советом к нему шли жители близлежащих сел, ехали и издалека. Жил он как птица небесная, не заботясь о завтрашнем дне. Зимой и летом не снимал изношенного пальто да старенького малахая. Буквально соблюдал заповедь Самого Спасителя: "Не заботь-

тесь для души вашей, что вам есть и пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело - одежды?" (Мф. 6, 25).

В 1973 г. настоятелем Троицкой церкви с. Ташла стал отец Николай Винокуров. Не прошло и года, как он получил письмо от давнего знакомого, отца Николая Тахтарова. В письме содержалась просьба хотя бы на время взять к себе хлопотливого постояльца - юродивого Степана, ибо ухаживать за ним с годами становилось все труднее. Взвалить на себя и свою семью такую тяжелую ношу отец Николай Винокуров не решился, но предложил приютить Степана псаломщику Троицкой церкви Николаю Никитичу Былинину, который в то время жил один в своем доме. Тот, недолго думая, согласился ради Христа принять Степана на жительство.

В Мелекесс за блаженным Степаном отец Николай Винокуров и Н. Н. Былинин поехали вместе. Когда они вошли в дом отца Николая Тахтарова, то сразу увидели пожилого человека, заросшего бородой, одетого в поношенное пальто. Это был Степан Васильевич Никифоров. "Ну что, Степан, поедешь с нами?" - сразу же спросили у него приезжие. "Надо... Надо..." - радостно забормотал блаженный. И тотчас засуетился, стал стаскивать с койки матрац, уже собираясь в дорогу.

Когда юродивого привезли в Ташлу, то первым делом отвели его в церковь. После водосвятного молебна блаженный Степан покропил святой водой одну из церковных табуреток. С тех пор сидел он только на ней, на другие же не садился. Когда его табуретку куда-то убирали, он ходил по храму, искал ее и возвращал на место. Вскоре верующие приметили, что табуретка эта и впрямь особая. Если в храме Степан стукнет ею об пол сзади кого-то из прихожан, значит, видит он беса, неотступно следующего

за молящимся. После этого на душе у прихожанина сразу светлело, становилось легче молиться.

Степан любил гостить у священника Николая Винокурова. Вскоре все домочадцы привыкли к странностям Степушки. Например, ночью его укладывали на кровать, но когда все засыпали, он тихонько ложился на пол. А иногда Степан отвечал на мысли находившихся рядом людей. И если мысли эти не были добрыми, он мог внезапно сказать: "Не надо..." После этого, как правило, мысли текли уже в ином направлении.

В семье отца Николая все большие и малые дела делались по "благословению" прозорливца. Например: "Степан, ехать ли мне сегодня в Самару?" - "Надо, надо..." Или: "Степан, нужно ли к церкви дорожку асфальтовую проложить?" - и следовал тот же ответ. А если вдруг Степан не одобрял начинания, то вертел головой и отвечал: "Надо бы..." В семье священника не помнят случая, чтобы предсказание блаженного не сбылось.

Однажды отец Николай и его близкие ехали на машине в с. Владимировка Хворостянского района. Был с ними в машине и Степан. В дороге машина неожиданно сломалась. Шофер долго не мог понять причину остановки двигателя. Наконец, Степан засуетился, подошел к карбюратору и, указывая на него, стал говорить: "Надо, надо... Тут, тут..." Так была найдена поломка, и машина вскоре завелась.

Степан Васильевич на все вопросы отвечал односложно. Но и этих кратких ответов было достаточно, чтобы перед вопрошавшими его людьми отверзлась завеса, отделяющая настоящее от грядущего.

Однажды к нему пришла девушка, спросила: "Выйду ли замуж?" "Нет, нет", - забормотал Степан. Потом побежал к кровати, улегся на нее, точно захворал. Девушка

ушла от него расстроенная. И вскоре заболела, слегла. А когда оправилась от болезни, стала ухаживать за больным, прикованным к постели мужчиной. Замуж она не вышла.

Свидетелем многочисленных, чуть ли не ежедневных чудес был приютивший Степана Н. Н. Былинин. Бывало, хозяин еще не догадывается, что в дом его за советом к блаженному направляются люди, а Степан уже бегает, суетится, даже дверь открывает. Знает заранее, кто идет к нему и зачем.

Известно, как много терпели юродивые во все времена от мальчишек. Но сельские дети, не в пример городским, оказались терпимее к своему блаженному. Часто шли они гурьбой к его дому и кричали у калитки: "Где Степка?" Блаженный не разговаривал с ними, а только выносил им конфеток и опять уходил в комнату. Дети, схватив гостинчики, шли дальше.

Со временем стали постепенно проясняться многие странности в поведении Степана Васильевича. Верующие начали понимать, что поселился в их селе человек совершенно особый, не от мира сего. И обычная, бытовая логика к его поступкам неприменима. Но там, где угасает естественный свет плотского человеческого разума, вспыхивает сверхъестественным светом светильник Божественной Премудрости. Ведь юродивые приносят не только плоть свою в жертву Богу, но и высшее дарование Бога человеку - разум, в награду же получают дар прозорливости и чудотворений. Вот почему историк Церкви Евгарий определяет этот подвиг как,"род жизни, который превосходит всех". Юродство во Христе доходит до предела в самоотрицании, и в результате человек становится уже как бы символом иной, высшей реальности. Не случайно на Руси юродивыми разработана особая символика слов, поступков и жес-

тов. И люди, разгадывая эти символы, тем самым как бы невольно приобщаются к той, незримой для них, высшей реальности, о которой свидетельствуют юродивые во Христе.

Вскоре прихожане ташлинской Троицкой церкви начали понимать мудреный "язык" блаженного Степушки. Если, к примеру, Степан кому-то давал платок, ждало того человека горе. А если насыплет в ладонь конфеток, стало быть, впереди его ждет удача...

Несколько раз на глазах у священника люди, к которым едва прикоснулся Степан, менялись на глазах, делались добрее и мягче. Однажды в храм забрела вздорная цыганка. Громко тараторила что-то, обзывала русских людей лентяями... К ней подошел блаженный Степан и коснулся ее руки своим пальцем. Цыганка на мгновенье застыла, потом заулыбалась, примолкла и отошла. Куда только девались ее раздражительность, злоба?!

Потом она ходила по селу и всем говорила, что "Степан, точно, святой". И этот случай далеко не единственный.

Дома у Степана Никифорова был целый ящик платков. Ему их дарили все, приходящие к нему за советами. Степан любил вечерами усесться у этого ящика и долго, со тщанием перебирать платки. В это время он постигал судьбы людей, приносивших ему подарки, узнавал по вещам характеры их владельцев, уяснял, за кого из них нужно молиться в первую очередь.

В доме Н. Н. Былинина было много клопов. Но Степан, в отличие от хозяина, никогда не давил постенов, напротив, сам подставлял им тело, словно бы предлагал им попитаться своей кровью... Впрочем, хозяин вскоре заметил, что клопы, едва лишь коснувшись кожи блаженного, сразу дохли, так что к утру в кровати Степана скапливалась целая куча дохлых насекомых.

Ночами блаженный почти не спал. Он или молился по четкам в своем углу, или же проводил время в храме, когда там находились пущенные на ночлег странники. Каждому из них Степан "давал палец", тем самым показывая, что берет их под свою защиту. А потом всю ночь ходил где-то рядом, своей молитвой охраняя их сон.

Степану Васильевичу шел уже восьмой десяток. Здоровье его постепенно стало слабеть, хотя он по-прежнему от всех утаивал свои недуги. Но весной 1984 г. он всем дал понять, что вскоре его ждет кончина. Однажды собрал он в своем доме все ложки и стал ими звенеть, показывая, что скоро по нему здесь справят поминки. Последние его предсказания вообще поражают своей конкретностью. Однажды, выйдя из храма, прополз он на брюхе по церковному двору. Было видно, что он как бы прокладывает только ему одному понятный маршрут. Теперь на этом месте стоит церковная ограда. А еще несколько раз с громким мычанием прошелся на четвереньках мимо сарая священника. Сейчас в этом сарае мычит корова.

Никола́й Никитич Былинин и раньше замечал, что его соседа посещают в духе разные люди - как живые, так и умершие. Слышал не раз, как тот разговаривал с ними за перегородкой... К таким чудесам он уже относился спокойно. Но однажды, незадолго до кончины блаженного, в доме вдруг почувствовалось нечто неизъяснимое, предваряющее благодатное посещение. Встревоженный Степан сразу выскочил в сени, и оттуда до хозяина донеслись его слова: "Илия Пророк!"

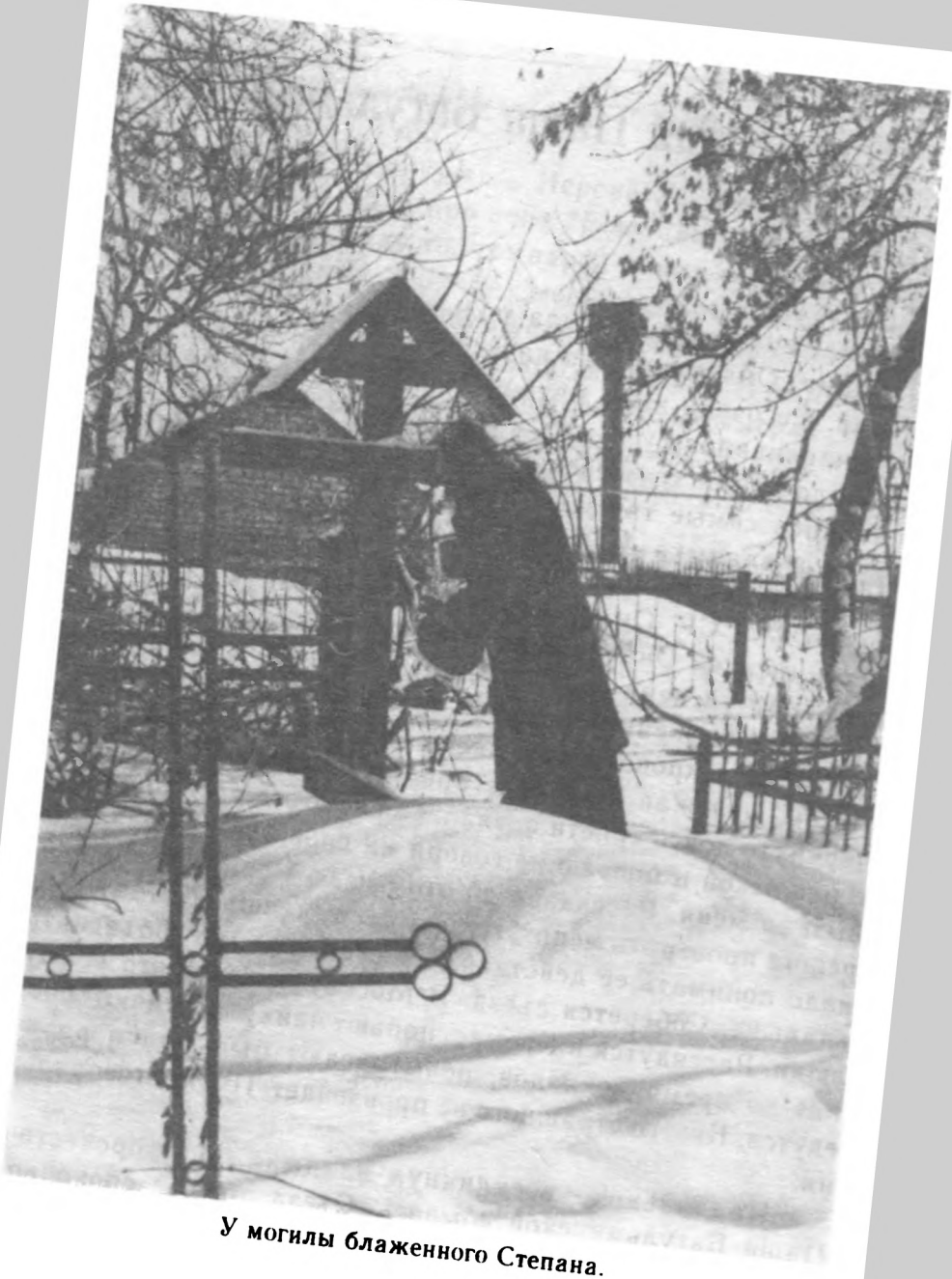
В начале мая 1984 г. Николай Никитич и еще несколько прихожан Троицкой церкви возле дома увидели невысоко над землей огненно-красный шар размером "с три солнца", который двигался, постепенно тускнея, над дорогой в сторону ташлинского кладбища.

Люди в оцепенении наблюдали несколько минут странное "атмосферное явление". Когда вошли они в дом, то первым делом рассказали Степану о виденном. "Надо, надо..." - загадочно ответил блаженный. А всего через десять дней гроб с его телом отнесли по той же дороге на сельское кладбище, так как председатель колхоза "Заря" не позволил хоронить Степена возле церкви... Такой же огненный шар, но только чуть меньше размером и значительно ярче, видело в небе почти все село в день смерти патриарха Пимена. В таких местах, как Ташла, трудно быть атеистом...

Умер Степан Васильевич Никифоров 23 мая 1984 г. Перед самой кончиной его спросили: "Скажи, ты последний у нас?" "Да, да, последний", - был его ответ. Значит, в этих краях уже никогда не будет людей, подобных блаженному Степушке.

А недавно во сне Николай Никитич Былинин увидел вновь своего постояльца. Степан предлагал ему свое рубище, просил взять шапку-ушанку и драное пальтецо... А псаломщик отказывался, умолял не давать ему ничего... Когда он проснулся, то понял, что это ему блаженный Степан хотел передать часть своего великого дара. Звал на подвиг. Предлагал новый крест. Не нам судить за отказ псаломщика из Ташлы. Ибо тяжела, слишком тяжела, эта ноша. "Род жизни, который превосходит всех".

А. Ж.



У могилы блаженного Степана.

Блаженная Паша Багульминская

Блаженная Паша была родом из г. Багульмы, что в Татарии. Она ходила по нашим местам, была прозорливицей. Ее очень чтил митрополит Мануил. Нередко она останавливалась у него в архиерейском доме. Когда наступило время хрущевских гонений на Церковь, для нас начались самые тяжелые дни. В должен был собраться съезд и владыка Мануил опасался, что на этом съезде партии будет принято решение полностью искоренить религию в СССР. Он вызвал к себе блаженную Пашу Багульминскую. Она пришла и с порога сказала: "Давайка, попотчуй меня чаем..." Владыка распорядился, чтобы принесли самовар. Потом Паша сказала: "Я спать хочу." Залезла на кровать владыки и сделала вид, что уснула. Потом, полежав некоторое время, встала и начала подчеркнуто долго трясти одеяло. После этого распрощалась с владыкой и больше не говоря ни слова ушла. Владыка вызвал меня. Рассказал об этом и, сам сразу все поняв, решил проверить меня: "Ну, что ты думаешь об этом? Как надо понимать ее действия?" Я стал, как мог, объяснять владыке. Соберется съезд. В Москву приедут ото всюду люди. Рассядутся в Кремле, попьют чайку, погуляют, поспят во время докладов, повытрясают пыль, да и разъедутся. Ничего страшного не произойдет. Пустая говорильня.

- Правильно! - воскликнул владыка. И пророчество Паши Багульминской сбылось. Съезд прошел спокойно. "Попили чайку, подремали, повытрясали пыль, да и разъ-

ехались". Никакие "окончательные" решения приняты на нем не были.

Когда еще я не служил в Нероновке, Паша приходя к этому месту, сказала про него: "Вонючая деревня!" Видимо, она имела в виду то, что народ живет там тяжелый, к вере равнодушный. А одному моему знакомому, строевшему дом в с. Коржевка, блаженная Паша, провидя будущее, сообщила: "Будет полынь да крапива". И ее предсказание сбылось. Этой деревни больше нет - вымерла. И сейчас на ее месте одна полынь да крапива...

Паша Багульминская умерла в 1970 г., и я отпел ее заочно.

Протоиерей Иоанн Державин

Старец Андрей Злобин

В тот год, когда на престол Российский взошел Александр III, по Волге разгуливала холера. В селе Рачейка, под Сызранью, в ожидании первых заморозков рыли могилы впрок. Рыли сразу траншеями, чтобы потом, перегородив их щитами, уложить в них по несколько человек. Трудился на ближнем погосте и сельский староста Кузьма Злобин. Расчет его был таков: "Для четверых детишек по метру да для себя с женой по два: всего получается восемь". Когда же траншея была готова, Кузьма привалил ее свежим валежником, означил место сие крестом и стал дожидаться смерти. Через месяц траншея Кузьмы стала на три метра короче. Схоронив разом троих своих отпрысков, родители стали слезно Бога молить отвести болезнь от четвертого. Слыша эти моления, семилетний их сын Андрейка стал и сам у иконы Христа свою собственную молитву творить: "Папку с мамкой не мучь! Выполнишь их желание - буду Твоим угодником, а не выполнишь - в Ангелы к Тебе не пойду!" И обет, данный дерзостным мальчуганом, принял Бог. Все соседи повымерли, а Андрейку с родителями холера не тронула. Вот и стал семилетний Андрейка, памятуя свое обещание, угождать Господу Богу во всем. И до того он стал вдруг богомолен и к церкви прилежен, что даже родители всполошились: "Монаха растим. Не ровен час бросит мир, некому будет плошку воды поднести под старость". Но годы все шли, а Андрейка в монахи не собирался. Только был молчалив, очень хмурен и в воззрениях тверд не по возрасту. И хоть ростом был невелик и в плечах неразмашист, буган деревенские его сто-

ронились. Правда, щерились зло по углам и "холерным святошей" прозвали.

В свое время женился Андрей, дом построил, утешился дочкой. Но недолго Андрей наслаждался семейным довольством. Навалилась тоска, да такая отвратная, будто Родину потерял. Стал и сон от глаз убегать, и работа не спорилась. А ведь главное - без причины. Делать нечего - поехали всей семьей в Киев, показать загрустившего батьку печерским угодникам. Но три месяца, проведенные у стен чудотворной обители, тоски не уняли. Жена с дочерью вскоре уехали, а Андрей, положившись на Господа, продолжал искать утешения. И однажды в окрестностях Киева он набрел на какую-то келью. "Молитвами святых отец помилует, и спасет нас Господь!" - произнес Андрей входную молитву и стукнул в оконце. "Аминь!" - послышалось изнутри. На крыльцо вышел маленький, седенький старец, похожий на преподобного Серафима и с ходу промолвил: "Хотел быть угодником - слово держи! Ступай же прочь от меня домой, но в дом не входи. Затворись на отшибе и три года молчи с молитвой Иисусовой в сердце. На Бога надейся, не убойся, что сотворит тебе человек!" Сказав это, старец спешно зашел в свою келью.

Эта речь потрясла и смутила Андрея. Он вовсе не думал так круто менять свою жизнь.

По дороге домой он впал в искушение. Все, что было в нем "от земли", взбунтовалось. Руки просили работы, тело жаждало ласки жены, а уста хотели орать, богохульничать. От былой его твердости и следа не осталось. Дошло до того, что Андрей оказался в какой-то столовой в окружении грязных пропойц. Он пил и судил свою жизнь. Наконец, он схватил за грудки какого-то пьяницу и вскричал: "В чем твоя правда? Отвечай, рожа сизая, где ты ее хоронишь?.." Пьяница безвольно болтался в его руках, смотря сквозь него пустыми глазами. И Андрей

уже хотел отшвырнуть его в сторону, но тут лицо пьяницы стало странно меняться - расползаться, чернеть; нос вдруг сплющился, глаза провалились. Прошел миг и - о ужас! - на Андрея смотрел черный бес. Его глазки слезились, изо рта брызгали слюни. Бес хохотал. Андрей отступил и бросился прочь из столовой. Добежав до ближайшего леса, он уткнулся в траву и взмолился о милости. А потом на него напала сонливость, и во сне ему было видение. Что он видел - нам неизвестно, но очнулся Андрей просветленным, с осознанием Божьего Промысла о себе.

В родное село Андрей вошел ночью. Присел на завалинку своей хаты, да так и не встал до зари, обуреваемый думами. А утром вызвал жену и, опустив голову, объявил: "Я в дом не войду, буду жить за околицей... Не серчай. Таково смотрение Божие обо мне. Родным растолкуй, что не сдуру, а по велению старца-затворника". Тут он поднял голову и глазам не поверил: супруга стояла прямехонько, без тени смущения на лице. "Благослави тебя Бог", - промолвила она тихо и протянула заранее собранный узелок с чистым бельем и продуктами. "Как же так?!" - изумился Андрей. "Был на днях у нас гость, - объяснила супруга, - седенький весь, чуть с горбинкой. Он предуведомил". Подивился Андрей таким чудесам, крепко обнял супругу и направился к лесу.

Место выбрал он за бугром, в трех верстах от селения. У ручья, заросшего камышом, срубил келейку, водрузил рядом крест - ориентир для заблудшего путника, а на гору втащил плоский камень, чтобы молиться на нем в подражание преподобному Серафиму. Перед тем, как взять подвиг молчания, он пошел по селу. "Простите ради Христа! - говорил Андрей всем знакомым. - Поминайте в молитвах!" Многие просто смеялись над ним, другие же пальцем вертели возле виска: "Ты что, Кузьмич, сдвинулся?!" Было ему тогда сорок лет. На дворе был июнь 41-го.

Впоследствии старец Андрей говорил: "Так уж Бог положил, что, как только уста я решил затворить, заклянув себя личным спасением, разгорелась война. Мобилизация мне не грозила, здоровье было не то, но ведь совестно... Так что сразу поставил Господь меня перед выбором: либо доброе имя между людей, либо праведность перед Богом. Этот выбор приходится каждому делать, если он христианин. Мне этот выбор дался с трудом..." Но выбор был сделан.

Что такое подвиг молчания - нам трудно понять. Старец Андрей говорил о нем скупо: "Это огонь... В молчании ум проясняется до богомудрия, дух становится легок, молитвенно окрылен". Но, с какими страшными муками и соблазнами сопряжен этот подвиг, нам также известно. "Один бес охальничал пуще другого, - рассказывал старец. - Встанут порой вдоль стены в виде девушек, только туловища у них по-паучьи короткие, и давай гоготать. Уши закладывает. А иной раз искушают лукаво. Войдет в келью вроде бы странник или другого рода какой человек и станет на жизнь свою плакаться. "Посоветуй, как же мне быть," - молит. - А главное, так слезой своей проберет, что и грех, казалось бы, не ответить. Сердце рвется его успокоить. Но прикусишь язык до боли, потянешься горемыку горького обнимать, а он "яко стрела напряженна отскочи от тебя и исчезни". Но все это видимые искушения, а искушения духа куда ухищреннее. Одна здесь защита - умное делание".

На вершине Лысой горы, на камне молитвенно предстоял старец Андрей перед Богом целыми сутками. Путники обходили его стороной, дикие звери обнюхивали и ластились. Молитвенный подвиг св. Серафима Саровского вдохновлял его с детства. А впоследствии связь со святым саровским отшельником стала настолько реальной (встреча с загадочным старцем в окрестностях Киева, явления седенького ста-

ричка супруге), что старец Андрей называл его своим собеседником и духовным отцом.

По праздникам старец Андрей всегда бывал в рачеевской церкви. Когда проходил он мимо родного дома, на порог неизменно выходила жена. Супруги молча друг другу кланялись в знак осознания тяжести креста каждого. В церкви Андрей стоял неподвижно и беззвучно рыдал. В конце службы под ним всегда была лужа слез. Люди дивились ему, но судили по-разному. Кто почитал его за святого, а кто и "живота ради юродивым" называл. Но как первые, так и вторые украдкой совали ему поминальные записочки и просили о ком-либо поусерднее помолиться. Ну, а если случалась в селе какая беда: засуха ли, болезнь моровая - первым делом бежали к молчальнику Кузьмичу. О силе молитв его ходили легенды.

Впрочем, никакие легенды не спасали его от мужицких увесистых кулаков. А били его не раз. Бывало побьют, ногами потопчут и тут же поднимут, грязь с него отряхнут и скажут: "Кузьмич, не серчай. Тебе все одно, а нам... сам понимаешь". А старец утрется, кивнет головой, мол, все понимаю, да потопает дальше.

Когда же старец уста свои разрешил, потекли к нему и ревнители его, и гонители. Случались и праздные посетители. "Вот брюхо у меня болит, исцели, мне сказали - ты можешь". "Я ж не колдун, - отвечал таким старец. - Вера спасает, а я что... я ж не колдун".

Наставления старца всегда были просты: "Живите по заповедям, ближних своих любите. Молитва и пост - ваше оружие. Крепость ваша - смирение". Но простые эти слова звучали так веско и так убедительно, что многие именно в них находили ответы на то, что казалось неразрешимым.

Вскоре богопротивная власть ополчилась на старца. Были

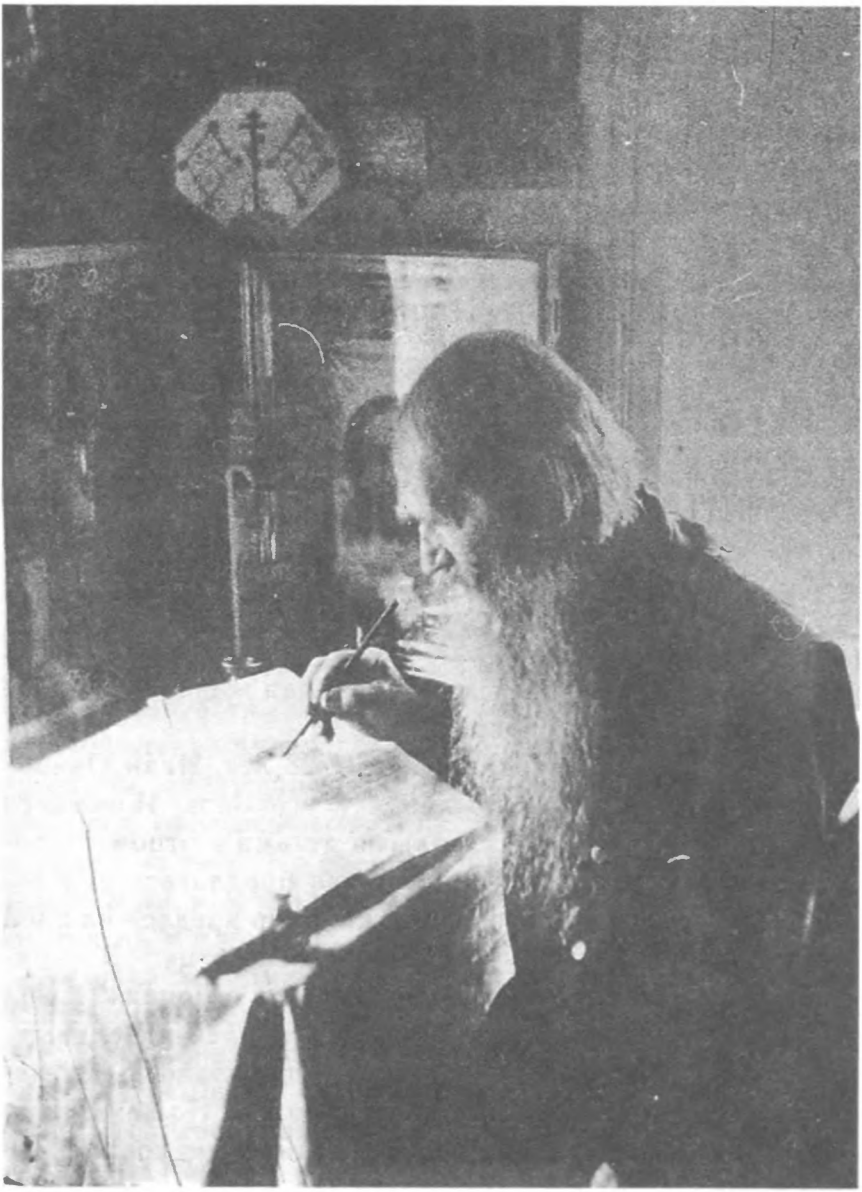
арест, избиения, пытки. Лаконично и дерзко звучал приговор: "Расстрелять". Через несколько месяцев расстрел заменили десятью годами тюрьмы.

В родную Рачейку старец Андрей Кузьмич Злобин вернулся лишь в конце пятидесятых. Вырыл на месте разрушенной кельи землянку и в ней затворился на пять долгих лет. Как-то старец признался, что в омут отчаяния жизнь затягивала его несколько раз, но именно эти пять лет были самыми скорбными.

Вскоре по выходу из затвора старец почил. Было это в начале шестидесятых. Со слов очевидцев известно, что перед кончиной он был удивительно весел, общителен, непрестанно всех обнимал и говорил какие-то странности, как-то: "На Свету все в цвету. Буди! Буди!"

И. М. По воспоминаниям Пелагеи Порфировны Плехановой и Ольги Петровны Червоненко.

Василий Кузьмич Злобин.
Фото начала сороковых годов нынешнего века.



Старец Андрей Злобин (Рачинский).

Игумен Иларий (Овинов)

"Хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов" (Кор. IV, 15).

Отец Иларий (в миру Иван Алексеевич Овинов) родился в 1879 г. в селе Сухоречка, близ Бузулука.

В трех верстах от его родного села находился Бузулукский мужской монастырь. С малолетства тянуло Ивана в эту обитель. Сначала нравилось босоногому сорванцу шнырять между кучками богомольцев, получая от них, умиленных его ангельской внешностью, всевозможные лакомства и подарки. Затем, в более зрелом возрасте, притягивали его длинные монастырские службы и духовные беседы со старцами, любовь которых он заслужил за кротость своего нрава. И даже семейная жизнь нимало не ослабила его связи с монастырем.

В 1907 г., когда исполнилось ему 28 лет, Иван Овинов овдовел. Вскоре ушла из жизни и его мать. И остался Иван без хозяйки с тремя малыми детьми и отцом-стариком на руках. Отец стал настойчиво предлагать ему новый брак. Но молодой вдовец неожиданно предложил иной выход: "Вы и женитесь, - сказал он своему отцу. - Возьмите, отче, моих детей, а меня благословите в монахи". Отец его был человеком древлестепенным и рассудительным. И посему, хоть предложение сына и показалось ему непристойным, подумав, он сказал: "Блажь". Но не прошло и года, как старик нежданно-негаданно женился и с радостью взял к себе сыновних детей. Через несколько месяцев в Бузулукской обители умер для мира Иван Овинов.

А среди братии монастыря появился новый инок, по имени Иларий.

В то время в Бузулукском монастыре подвизался старец Сосипатр, подвижник высокой жизни. Сейчас, к сожалению, уже невозможно восстановить образ этого духоносного старца. Отец Иларий рассказывал, что однажды он видел старца во время его келейной молитвы, стоящим на воздухе на локоть от земли. Старец строго наказал отцу Иларию никому не говорить об этом, и он молчал о виденном чуде до смерти подвижника. Старец Сосипатр и стал духовным отцом молодого инока.

Года три прожил отец Иларий в Бузулукской обители. Проходил послушание в просфорной, пахал, носил воду из родника. Монастырь находился в горах, и крутая лестница, вырубленная в скале, вела к единственному роднику. Путь этот в монастыре называли "лествицей благочестия". Долгие, крутые ступени вниз - наши нескончаемые грехи, уход от святости, дарованной при крещении. Легок, необременителен путь к долу... И лишь на дне этой духовной пропасти, уткнувшись в стену отчаяния, мы неожиданно для себя обретаем Источник Жизни и Радости. Жадно черпаем из него. Но впереди обратный путь - к святости. Донесем ли, не расплескав, "не в меру бо дарованную нам благодать"? Узок путь, круты и скользки ступени...

Духовно вскормленный под старческим руководством, вскоре и отец Иларий начал свое многотрудное восхождение. "Довольно тебе благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи," - напутствовал его словами Спасителя старец, благославляя перевестись в Самарский Никольский монастырь.

В тихом молитвенном подвиге провел иеромонах Иларий первые годы в Самарской обители. Но с каждым го-

дом все более чувствовалось, как невыносимо горестна и тяжела становится братская молитва, с какой саднящей проникновенностью начинают звучать на службе апокалипсические строки...

После событий 1917 г. многие из представителей белого духовенства оставили Родину. И на смену им пришел "ангельский чин". Большинство иеромонахов Никольского монастыря разъехалось по сельским приходам. Уехал и отец Иларий. Для церковной службы в монастыре остались лишь иеромонахи Виталий и Филарет, а также казначей отец Владимир.

Через год отец Иларий вернулся в Самару. Некогда тихий и боголюбивый город неистовствовал. Нет, внешне это не было похоже на питерский шабаш или московское оцепенение. Провинциальная жизнь мирно катилась по своей накатанной колее, думать не думая о каких-либо переменах. Но для взора православного пастыря духовные перемены были разительны. И как всегда во время народных смут - естественно появление ложных авторитетов. В Самаре таким авторитетом стал настоятель архиерейского скита иеромонах Тихон. Сотни людей вдруг обратились в скит, в поисках старческого руководства.

Среднего роста, с окладистой седой бородой, с виду весьма представительный, отец Тихон сумел за короткое время получить необыкновенную известность. Везде, где бы ни появлялся он, ему постоянно сопутствовала верная свита. Первым в ней был иеромонах Н., который впоследствии бежал от отца Тихона на дальний приход. Также в состав ее входили две женщины - Наталья и Елизавета. Елизавета была глашатаем, предваряя приход отца Тихона, она всегда голосила: "Старчик идет, старчик и с ним святые ангелы!" В обязанности же Натальи входило... из-

гонять бесов: естественно, тех, которые "посговорчивее", так как с маститыми дело имел сам отец Тихон. Уверенной рукой помазывала Наталья елеем все члены у одержимого, причем доходило порой до непозволительного. Был в этой компании и мирянин Никифор, то ли человек душевнобольной, то ли просто большой озорник, которого именовали "блаженным" и заставляли народ ему земно кланяться.

Эти образы сами просятся под перо какого-нибудь Скитальца тех лет. Впрочем, ворон ворону глаз не выклюет. Так что атеисты-фельетонисты мудро помалкивали о шумных проделках тихоновской братии. Молчали они даже тогда, когда в Самаре вдруг началось массовое пострижение в монашество.

Самовольно, без всяческих испытаний постригал отец Тихон всех желающих в мантию, а некоторых даже и в схиму. Нередко постригал он и целыми группами, состоящими, в основном, из подростков от 12 до 17 лет. Непосредственные участники и жертвы этого преступного безобразия рассказывали про себя так: "Услышали мы, что такие-то постриглись, ну и нам захотелось монахами стать. А когда после пострига домой пришли и родителям объявили, то они за головы схватились: "Что же вы, недоумки, наделали? Ведь теперь вам ни жены, ни мяса не полагается!" Мы струхнули и назад к отцу Тихону. Он со многих тут же постриг и снял".

Но все это в церковных кругах то ли не замечалось, то ли как-то оправдывалось всеобщей неразберихой. И авторитет отца Тихона рос по злой закономерности в прямо пропорциональной зависимости от его удаления от Церкви. И, в конце концов, многие из самарского духовенства стали, разменяв "злато на черепки", обращаться к нему за советом.

Первым заявил о духовной прелести "старца" Тихона иеромонах Иларий. Долгой была борьба между монахом-еретиком и монахом-подвижником. Но с каждым днем прихожан в тихоновском скиту становилось все меньше. Вразумленные проповедями и беседами отца Илария, люди возвращались к своим прежним духовникам и прекращали молитвенное общение с "тихоновцами".

В 1920 г. отец Иларий был назначен духовником Самарского Иверского женского монастыря.

Молоденькая послушница Иверского монастыря Пелагея жаждала духовных подвигов. Поступая в монастырь, она думала, что жизнь ее станет теперь несравненно легче и радостнее. Но вместо этого нашла она постоянный труд и скорби. Работа на послушаниях тяготила ее и казалась пустой тратой времени. Все чаще приходила ей мысль о подвиге странничества и юродства. Но оставить монастырь без благословения она не решалась. Услышав от кого-то, что известный протоиерей Валериан Лаврский не любит монашествующих, Пелагея решила взять благословение у него. Но отец Валериан, выслушав ее взволнованную речь, даже ногой топнул: "Шататься вздумала? Тебя Матерь Божия избрала, а ты шататься вздумала!" Испуганная послушница выскочила от протоиерея, как ошпаренная.

Когда впервые Пелагея увидела отца Илария, пришедшего в монастырь на исповедь, в ней словно что-то дрогнуло. Тут же она подошла к нему и, сама дивясь на свою смелость, сказала: "Батюшка, примите меня под свой покров". "Чадо, никогда тебя не оставлю," - был ответ. И с тех пор Пелагея постоянно находилась под его руководством. Благодаря ее воспоминаниям, мы и имеем возможность поведать о жизни отца Илария в этот период его пастырского служения.

Монашки Иверского монастыря сразу же угадали в новом духовнике незаурядную силу духа. И, как пчелки, закружили они вокруг его доброцветущей души. От наставлений отца Илария веяло старческой неотмирностью и простотой.

Было отцу Иларию в то время не более 42 лет, но выглядел он гораздо старше. Бледное аскетическое лицо, впалые щеки, черные угольки глаз, пронзительно смотрящих из-под низко надвинутой скуфейки. Он был похож на глубокого старца. За старца и стали почитать его через некоторое время. И пошли к нему за советами не только монашествующие, но и священники, и миряне.

Одним из его духовных чад был Петр Коренченко, интеллигентный молодой человек из кружка христианской молодежи. В 1923 г. он был представителем от мирян на обновленческом соборе, но к обновленческому движению и всему направлению собора относился отрицательно. "Мы там, как в оковах, сидели", - говорил он. Петр рассказывал отцу Иларию, что Введенский в одном из своих выступлений, подняв над своей головой Требник, сказал: "Долго он держал нас в оковах своих законов и так надоел, что я однажды, право, не выдержал и бросил его в своем кабинете на пол".

Петр Коренченко был женат. Вступая в брак, он и его жена дали обет девства. Но прошло немного времени и супруга не захотела нести взятый на себя крест. Петр обратился за советом к отцу Иларию. "Взявшись за плуг, не оглядывайся", - сказал ему духовный наставник и посоветовал, отпустив жену, ехать в один из московских монастырей. Петр последовал данному ему совету и вскоре, уже в Москве, принял монашество. Но даже из Москвы часто приезжал он в Самару на исповедь к своему духовному отцу.

Желающих принять монашество отец Иларий долго испытывал. А после пострижения заповедовал строго соблюдать молитвенное правило. И если что-то из правила оставалось невыполненным, на следующий день надлежало выполнить все правило дважды. Однако далеко не всех держал он в подобной строгости. К примеру, одной женщине он назначил совершать после вечерних молитв всего три поклона. Спустя некоторое время женщина с радостью сообщила ему: "Выполняю, батюшка, и не по три, а больше, даже по двенадцать кладу". "Должно по три, как я сказал", - строго одернул ее отец Иларий. "Уж как это тяжело-то, - жаловалась она позже. - Пока клала по двенадцать, до того легко было. А как стала назначенные три поклона класть, так всю и разламывает. Просто сил нет". "То-то и оно, - объяснял ей батюшка. - Бесов-то смирение и послушание до невозможности раздражает. Памятуют, скверные, о своем падении... Вот ведь Святой Антоний увидел однажды в видении всю землю, усеянную ловушками дьявола, и в ужасе возопил: "Кто же тогда спасется?!" И был ему ответ Свыше: "Смирение". Смиренных Бог на руках носит.

Великим делом почитал батюшка строгий пост. Но все же, когда просили его благословить на более усиленное говение, как, например, употребление пищи лишь раз в день, он отвечал так: "Можно вкусить однажды, но пресытиться. А ты сделай так: нужно тебе еще ложку съесть, а ты оставь.И в следующий раз не доедай. И это малое вменится тебе в пост".

"Каждого человека, с которым тебе встречаться приходится, испытывай, полезен ли он тебе, - поучал батюшка своих духовных чад. - Если же к тебе прибьется тот, кто тебе не нужен, то ты только заговори с ним о том,

что тебя больше всего интересует, он от тебя вмиг отвяжется. Смотри, какая у человека настольная книга: она многое тебе подскажет... Будь сострадателен, но в людях не растворяйся... Отгребайся от суеты".

Вообще-то, отвечая на вопрос или давая совет, отец Иларий редко высказывался своими словами. Обычно он говорил так: "А вот давай-ка посмотрим, что об этом скажет нам Священное Писание". И далее всегда происходило маленькое чудо. Взяв книгу, он с первого же раза открывал то место в Священном Писании, которое непосредственно касалось интересующего вопроса. Это до такой степени поражало присутствующих, что все сказанное потом они воспринимали как откровение Свыше.

В 1928 г. Самарский Иверский монастырь закрыли. Но отец Иларий остался служить в одной из бывших монастырских церквей, ставшей теперь приходской.

Дьявольский маховик продолжал раскручиваться. Словно сознавая, что русский человек, будучи даже безбожником, никогда не станет окончательным богоборцем, силы зла спешили использовать первый безрассудный порыв его к "свободе, равенству и братству". Когда обновленческие потуги полностью обнаружили свою тщетность, явился григорианский раскол.

"Есть лишь одна Православная Церковь со своим законным возглавлением. Все остальное - расколы, и цель их - ослабить Церковь," - такого мнения твердо держался отец Иларий. Так он и учил свою паству. Григорьевщина же день ото дня набирала силу. И уже вскоре от отца Илария отвернулось большинство самарских священнослужителей, оставили его и многие духовные чада. Насмешки, обвинения, угрозы - все это переносил отец Иларий со смирением. Он готовил себя к худшему. И ненапрасно... В 1930 г. отец Иларий был арестован.

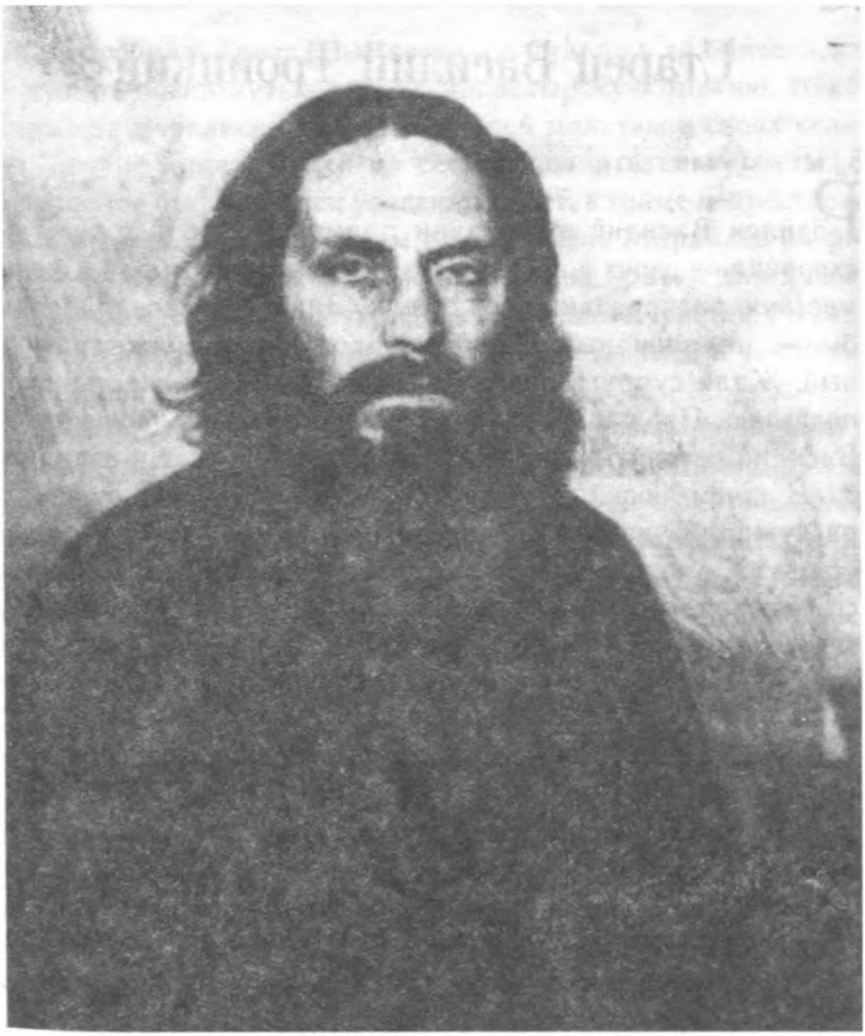
Лишь спустя четыре года он вернулся в Самару. Григорьевщина стаяла, как снег. Но несмотря на это, многие из прошлых друзей и почитателей батюшки сторонились его, боясь себя скомпрометировать. "Я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен," - писал в это время в своем дневнике отец Иларий. Для того, чтобы эти слова стали правдой, стоило многое пережить. И в проповедях его означилось нечто роковое, огнем палящее. С ним не спорили даже атеистические пропагандисты. Он начал пророчествовать. Он говорил о тайне беззакония, о реках христианской крови... "Будет и облегчение, будет свобода, время которой породит тысячи духовных странников и страстотерпцев", - говорил отец Иларий.

...Лестница благочестия. Ступеней на ней не счесть. И чем дальше удаляется от нас подвижник, тем менее способны мы, стоящие внизу, судить его высоту.

"Да хвалится брат униженный высотою своею" (Иак. 1, 9).

Игумен Иларий (Овинов) расстрелян в Самаре в 1937 году.

И. М.



Игумен Иларий (Овинов),
духовник Самарского Иверского женского монастыря.

Старец Василий Троицкий

Родился Василий в Сызрани примерно в 1860 году. Там схоронил он своих родителей, там и женился, выбрав в жены местную раскрасавицу-сердцеедку Зиновию. Василий и сам был жених завидный - крепыш, бородач и к тому же грамотный. Жили супруги просто, на Бога, и горе, и счастье свое полагаясь. Прошло десять лет и нежданно-негаданно решился Василий оставить мир. "Начитался Миней - вот и сдвинулся. И зачем людей грамоте учат? Одни несчастия от нее", - рассуждали участливые соседи. А Зиновия давно это чувствовала, лишь виду не подавала. Когда открыл ей супруг свое устремление, она лишь сказала: "Знаю, батюшка, жажду твою послужить Господу Богу. Только как же дитятки?" А к тому времени было у них уже десять детей. "Бог позаботится!" - был ответ. "А любовь наша как же?" - "Бог утешит!.." Три дня молчала супруга, все думала и молилась, а на третий день собрала мужу котомку и твердо сказала: "Ступай, коли Богу ты нужен. Спасай нас своими молитвами". И направил Василий стопы свои на Афон.

На Афоне Василия будто бы ждали. Зашел он в обитель святого Пантелеимона под колокольный трезвон, а через день облекся в подрясник послушника, припоясался кожаным пояском и принялся исполнять послушание. Так уж сложилось, что любит Афон простецов - людей, твердых духом с мозолистыми руками. Братия Василия полюбила. Через некоторое время он был пострижен и рукоположен в священнический сан.

Три года провел отец Василий в русском Пантелеимоновском монастыре на Афоне. В России тем временем произош-

ла революция. Тревожные вести, долетавшие до обители, не могли не повергнуть в скорбь монастырскую братию. Некоторые затворялись для непрестанной молитвы в своих келиях, другие накладывали на себя дополнительные обеты. В монастыре был объявлен усиленный пост, в храме непрестанно читались акафисты. А затем решено было отправить на родину несколько человек из монастырской братии для духовного окормления и пробуждения покаянного чувства у обманутого народа. Метали жребий. По воле Божией в число посланников попал и отец Василий.

Получив благословение отправиться на свою родину, отец Василий избрал для служения своего село Троицкое, что в 20 километрах от Сызрани. Там затворился он в заброшенном погребе за околицей. Несколько месяцев о его существовании никто не догадывался. Погреб был довольно глубокий, покрытый по стенам белой плесенью, а земляной пол по весне заливало водой. В толстой крышке над головой отец Василий пробил небольшую щель, а на двух противоположных стенах сделал специальные метки, это были солнечные часы. Луч света, попадая сквозь щель, проползал в течение дня по стенам, указывая, который час. Спал отец Василий сидя, а иногда отходил ко сну прямо в земном поклоне, уткнувшись лбом в мокрую почву. Чем питался отец Василий в эти первые месяцы - неизвестно. Но потом в его подземелье случайно угодил ягненок, и искавший его пастушок обнаружил затворника. Перепуганный мальчуган мигом разнес по селу весть о том, что он видел "вход в преисподню, где на страже сидит на цепи страшный-престрашный черт с огненными глазами". И через четверть часа отец Василий увидел над головой стволы мужицких берданок. Но, вытравив затворника на свет Божий, мужики увидели перед собой худого, оборванного монаха, и, повинившись, они засадили его обратно. С того момента и началось старческое служение отца Васи-

лия в селе Троицком. Сначала те самые мужики, проникшись к нему уважением, старались не допускать до его "пещеры" любопытствующих, "пусть, мол, молится, не мешайте, спугнете, Бог все село покарает". Доходило до мордобоя. Но старец, узнав об этом, пожурил не в меру ревностных почитателей, и "кордоны" на пути к нему были сняты. И все же приходили к нему, в основном, ночью, подальше от глаз приехавших из города комиссаров. Лежали на краю погребальной ямы, свесив во влажную темноту свои головы и, притаив дыхание, слушали. Голос старца не умолкал порой до зари. Звучали рассказы о подвижниках благочестия, о страданиях христиан, тихо пелись акафисты, тропари. И орошали голову старца слезы растроганных слушателей... Рядом с погребом был положен специальный горшок на длинной веревке, в котором спускали принесенную пищу.

Шесть лет просидел старец Василий в холодном погребе. А затем местные мужики, болезнуя о его здоровье, срубили избушку на огородах и умолили старца перебраться туда. После своего переезда старец стал принимать больше посетителей. И шли к нему уже не только троицкие сельчане, но и жители окрестных сел, поселков и городов. А в стране полным ходом шла коллективизация. По деревням разъезжали сладкоречивые "миссионеры светлого будущего", и рыскали "кожаные" комиссары. И однажды пришедшие богомольцы обнаружили келью старца пустой. Все вещи лежали на своих местах, в переднем углу перед образом, как всегда, теплилась лампадка, и лишь на полу виднелись бурые пятна крови...

Прошел год. За это время опустевшую келью старца Василия несколько раз пытались спалить местные комсомольцы, но им это не удавалось. То внезапный ливень затушит огонь, то ураганный ветер разметает зажженную солому, которой обложат избушку. В конце концов, отчаянные бого-

борцы плюнули на эту затею. А для верных духовных чад старца Василия это было знамение... Вернулся старец из заключения на костылях. На вопрос, почему же его отпустили так скоро, он отвечал: "Мы с вами и тюремного порога не стоим. Нас везде гонят". Но вряд ли можно списать на случайность тот факт, что внезапно разбивший его в тюрьме паралич ног (ввиду чего он и был освобожден досрочно) столь скоро оставил его на свободе.

После возвращения на свободу, что было примерно в 1930 г., до самой своей кончины старец Василий более уже никогда не покидал своей маленькой кельи в с. Троицком.

По воле Господней еще здравствуют ныне свидетели последних лет жизни духоносного старца. В живописном русском селе Суринском живут две сестры - Екатерина и Матрена Буйлины. Их отец, Александр Иванович, долгие годы был духовным сыном старца Василия, да и сами сестры в юности навещали его. С их слов я записал следующее.

Возгорелось как-то в душе Александра Ивановича Буйлина ревностное желание последовать примеру своего духовника и полностью развенчать себя с миром. И однажды, встав рано поутру, побросал он в рюкзак необходимые мелочи и, не сказавшись жене, оставил свой дом. Направился Александр в лес искать удобное место, где можно было бы вырыть пещеру и в ней затвориться. Но в лесу он никак не мог отыскать подходящее место - то воды рядом не было, то вблизи проходила дорога. Блуждал он таким образом целый день, а к вечеру вышел на маковую опушку и увидел перед собой келью старца Василия. "Наваждение! - решил Александр. - Ведь шел я совершенно в другом направлении, не мог я сюда прийти". Но тут на крыльце появился сам старец и приветливо замахал рукой.

- Ждешь тебя, ждешь, а ты все по буреломам шаришься, - начал старец, обняв смущенного Александра. - Поди, голо-

ден?.. Сыт? Ну тогда с тебя спрос, затворничек Лександр, как же ты не спросясь? Не к добру это. Ты бы не спешил горы передвигать, а наперед супругу к мысли о своем уходе подвигнул. На меня смотришь? Так я ведь супругой благословленный и с миром из дому выпущен. А ты сейчас же ступай домой, пока не хватились. И знай, тебе пещера без труда готовится. Так что не рой, не мучайся.

Ушел Александр, а по пути все думал, что за пещера такая, которая без труда ему дастся. Мудрено... А открылось ему сие предсказание лишь в 1937 г., когда его, одного из первых, вместе со священником отцом Всеволодом и церковным старостой чекисты из села угнали. Тюремная камера и стала его пещерой. Семья Александра Ивановича больше не видела, значит, спасся он в той пещере, заслужив венец мученический. Вечная ему память!

Но вернемся в келью старца Василия. В ней всегда полумрак. Днем он слегка голубой, а вечером розовый от лампадки. И однажды этот розовый свет осветил за окном искаженное горем лицо женщины. Женщина, обессиленно уткнувшись в стекло лбом, рыдала. Когда старец ввел ее в свою келью, он увидел, что держит она на руках маленькое, вываленное в грязи тельце. Это был трупик пяти-шестимесячного зародыша. Сама женщина была вся в крови и в изодранном платье.

- Шла я к вам, батюшка дорогой, - начала она свой рассказ.- Беременная я была, уж на шестом месяце. И так ждала я своего ребенка, ведь одна я на целом свете, ни мужа у меня, ни родных. Хотела, чтоб вы, батюшка дорогой, благословили меня перед родами. А теперь... - женщина вновь разрыдалась. - В лесу, версты за две от вас, наткнулась я на трех мужиков. Не могу я это рассказывать... Звери, звери они, а не люди... Очнулась я, а чрево мое пусто. И младенчик мой в луже рядом со мной валяется. Как случилось все это, не помню, только дитя мое было уже холодное.

Утешил старец несчастную, а потом сказал:

- Видел я сегодня двух светлых ангелов. Первый нес на крылах своих имя Арсентий, а второй - имя Елена. Поминай младенца своего Арсентием. А остальное потом откроется...

На следующий день схоронили нерожденного младенца Арсентия. А мать его пошла счастье свое искать подальше от этих мест. Но через несколько месяцев она вернулась. Приступила к старцу: "Батюшка дорогой, постриги меня в инокини!" Не колеблясь, старец тут же возвел ее в ангельский чин и нарек ей имя Елена.

Кроме даров предвидения и богомудрия Господу было угодно наделить старца Василия благодатью целительства. Матрена Александровна Мишина рассказала мне следующий случай чудесного исцеления. Еще в молодости ее брат, Алексей Александрович Буйлин, чуть не утоп в полынье, после чего занемог от простуды. Врачи обнаружили туберкулез кости. Болезнь прогрессировала, и через некоторое время у него в боку образовалась незаживающая рана. "Шесть лет у него кишки наружу торчали, - говорила Матрена Александровна, - муки невыносимые. А врачи лишь руками разводят. "Наука бессильна," - говорят. Тогда решили мы отвезти его к старцу Василию. Он поглядел, повздыхал и промолвил: "Я дам вам святую водичку и куриное перышко. Вы это перышко в водичку макайте и рану помазывайте. Бог помилует! Веруйте!" И действительно, вскоре рана зажила. Врачи, как всегда, лысины свои почесывали и говорили: "Беспрецедентный случай". А Алексей Александрович до сих пор здравствует, а на боку у него - свидетельство Божией милости - еле заметный шрам.

Старец Василий, несмотря на свою подвижническую жизнь, семью свою никогда не забывал. Принимал он своих родных так же, как духовных чад - с любовью и ласкою. Но однажды младшей дочери своей он предрек: "Господь над вами руку

Свою простер. Он, по велицей милости, всех чад моих кровных к Себе прибрать хочет. Так что вы не ропщите. А тебя, Шурочка, оставит Он родную мать на старости лет покоить. А как мать похоронишь, так и сама, помолясь чуток, отойдешь ко Господу. Бог с вами, родные мои!" Все именно так и случилось. Все дети старца Василия вскорости умерли, и осталась у матери лишь одна Шурочка. А когда мать скончалась, Шура, помолясь сорок дней за упокой души материнской, последовала вслед за всеми.

Знал старец Василий и своей жизни срок. За несколько дней до смерти собрал он духовных чад и заповедовал им хранить любовь меж собой как великий дар Божий. "Келейку мою на дрова разберите, - сказал он. - Похороните меня в Троицком, рядом с родными, и оградку на могиле моей не ставьте".

Умер старец Василий Троицкий примерно в 1934-1935 гг. Похоронен он в селе Троицком в ограде тамошней церкви. А лет тридцать тому назад над могилой его появился новый красивый крест. Двадцать верст несли его на своих плечах ветхие бабушки из села Суринска. Несли, чтобы поставить его туда, где означил Господь место праведнику, не первому и не последнему на нашей земле.

И. М.

Василий Троицкий.

Протоиерей Валериан Лаврский

Родился отец Валериан в семье нижегородского протоиерея 30 мая 1835 г. Девятнадцати лет от роду поступает он в Казанскую Духовную Академию, а сразу после ее окончания определяется на преподавательскую службу в Самарскую Духовную семинарию. Будучи наставником по основным семинарским предметам и пылая ревностью к научной работе, он с головой окунается в изучение Слова Божьего. И именно в Самаре получает отец Валериан степень магистра богословия и публикует свои первые духовные труды. Но Богу было угодно оторвать молодого ученого от книг и вручить ему в руки пастырский посох.

Из Самары он переводится в Нижний Новгород, где в феврале 1862 г. рукополагается в пресвитера и занимает место приходского священника нижегородской Знаменской церкви. Но проходит четыре года, и отец Валериан призывается для служения Отечеству на самую окраину российского государства - в так называемое Царство Польское. Там он несет обязанности священника дворцовой Цареконстантинопольской домовой церкви бывшего королевского замка, а впоследствии - законоучителя 1-й Варшавской гимназии.

На родину отец Валериан возвращается лишь в 1876 г. Некоторое время он исполняет обязанности ректора Саратовской Духовной семинарии, а уже в 1885 г. снова оказывается в Самарской епархии, которую более уже никогда не покинет.

В Самаре отец Валериан был настоятелем Воскресенской церкви, редактором местных "Епархиальных Ведомостей", штатным членом Самарской Консистории, почетным членом Братства свт. Алексия, председателем Совета Епархиального женского училища и, наконец, протоиереем самарского кафедрального собора.

Таковы сухие факты биографии отца Валериана Лаврского. Что же стоит за ними?

При жизни его называли "маститым протоиереем", "младенцем по вере, старцем по уму". Все градосамарское духовенство почитало его своим учителем и духовным наставником. Еще епископ Самарский Гурий поднимал перед Священным Синодом вопрос о награждении протоиерея Валериана Лаврского митрой. Но ему ответили, что Самара слишком молодой город, чтобы иметь своего митрофорного протоиерея. (В то время по всей России насчитывалось не более пяти митрофорных протоиереев). Но главной наградой стали для него сердечная привязанность и искренняя любовь православного люда Самары.

Предлагаю вашему вниманию небольшую рукопись Клавдии Сергеевны Ч., взятую из архива самарской духовной писательницы Н. С. Самуиловой.

"Моя первая встреча с отцом Валерианом Лаврским произошла, когда мне было всего 8 лет. С раннего детства у меня было желание уйти в монастырь. Я тщательно скрывала его, боясь родительского гнева, но как-то раз, в минуту раздражения, я не выдержала и заявила матери в категоричной форме: "Уйду в монастырь". На что мать, полушутя, полусерьезно, ответила: "Вот если бы тебя благословил батюшка Лаврский, то я и отпустила бы тебя". Слова эти глубоко запали в мое детское сердце, и я реши-

ла во что бы то ни стало получить благословение этого неизвестного мне батюшки.

И вот однажды утром я вышла из дома с твердым намерением отыскать батюшку Лаврского. Оказалось, что это совсем не так трудно - он был настолько известен в Самаре, что все извозчики и городовые наизусть знали его адрес. Жил он на улице Александровской (ныне улица Вилоновская), между Самарской и Садовой улицами. Это был небольшой одноэтажный домик с садиком. Вместе с батюшкой постоянно проживала его родная сестра Антонина Викторовна - учительница приходской школы, но и кроме нее в доме этом всегда было полным-полно всякого сирого и убогого люда. Здесь никому ни в чем не было отказа. Со всей губернии съезжались в батюшкин дом за помощью и за советом.

Но все это я узнала гораздо позже, а тогда я, босоногая девочка, беспрепятственно вошла в этот переполненный народом дом и была встречена Антониной Викторовной, которая сейчас же и доложила обо мне. Батюшка вышел ко мне сам, и я тут же в категоричной форме объявила ему свою просьбу "дать мне благословение, иначе мама не отпускает меня в монастырь". Выслушал он все это чрезвычайно серьезно. А затем взял меня под руку и, проведя к себе в комнату, усадил рядом с собой на диван. "Нет, не благословляю тебя в монастырь, - сказал он удивительно мягко и одновременно со властью. - Если хочешь послужить Господу, служи Ему в миру. Дел много, и Господу нужны слуги усердные и от всего сердца". И всего-то, а ведь слова эти запомнились мне на всю жизнь.

Я очень любила в юности посещать службы в кафед-

ральном соборе и одно время пела в церковном хоре, там я всегда встречала отца Валериана. Он редко говорил проповеди, почти никогда не поучал с кафедры. Голос у него был очень тихий, еле слышный, но его любовь к ближнему и искреннюю заботу о душе человека чувствовали все и глубоко ценили.

Один проповедник писал о нем следующее: "Этот старец советовал в проповеди Евангелия подчеркивать не сухие нравственные нормы, а благодатные возможности: " не ты должен, а ТЫ МОЖЕШЬ!"

Однажды я обратилась к нему со своими трудностями и переживаниями. Уж и не помню, чем они были вызваны, помню его совет: "Выучи шестопсалмие, - твердо сказал он, - это пройдет". Отец Валериан учил отражать словом Божиим любое вражеское нападение. А сам он был исключительным молитвенником. Чрезвычайно кроткий и смирённый во всех делах житейских, батюшка и внешний вид-то имел соответствующий: невысокий согбенный старец. Все 15 лет, которые я его знала, был таким. Словно и не касалось его земное время. Когда он внимательно слушал кого-либо, то всегда слегка опускал голову и склонял ее набок. Умилительное это было зрелище.

И был наш батюшка, без сомнения, прозорливым. У меня однажды тяжело захворала бабушка, которая была мне так же дорога, как мать. И я обратилась к батюшке Валериану с просьбой пособоровать ее. Не зная ничего о жизни бедной моей старушки, не спросив даже, чем и насколько тяжело она больна, он мне сказал: "Соборовать нужно на жизнь, а ей надо приготовиться к смерти. Пригласи для этого священника из прихода да поскорее". А бабушка моя

много лет уже не говела. Я исполнила так, как мне было сказано, и она вскоре же умерла. Слава Богу и спасибо батюшке Валериану, что не допустил он мне совершить страшный грех - проводить ближнего своего к Престолу Божьему без покаяния.

Для одной женщины батюшка много потрудился над ее сыном. Он спас его от явной гибели. И женщина эта очень хотела отблагодарить отца Валериана. Но как было это сделать, когда батюшка никогда ничего не брал? И вот принесла она ему запечатанный конверт с деньгами и, сказав, что это письмо, просила вскрыть его после ее ухода. Но не успела она выйти, как в комнату вошла другая женщина и стала слезно рассказывать батюшке, в какую материальную беду она попала. Отец Валериан, выслушав ее, взял со стола тот самый запечатанный конверт и, передавая ей, сказал: "Утешься". Принесшая это "письмо" женщина бросилась к нему (в конверте было, как потом оказалось, 100 рублей), но батюшка остановил ее и повторил второй раз: "Утешься".

Однажды батюшка, возвращаясь из храма, упал и сломал правую руку в кисти. Рука его срослась до такой степени быстро, что хирург, принявшийся было его лечить, был обескуражен и посчитал это за чудо. "Ему не нужна никакая медицина", - говорил потом старый врач. Батюшка в то время очень много писал, и поэтому правая рука была ему очень нужна.

На окне у него никогда не было занавески и проходившие мимо люди всегда могли видеть его сидящим в кресле, склоненным над бумагами или книгой. В этом кресле он и скончался. О сроке своей кончины отец Валериан,

по-видимому, был извещен Богом заранее, так как велел сестре приготовить все необходимое для смерти к определеннону дню. В этот день он и скончался - тихо, спокойно, как уснул".

На этом рукопись заканчивается.

Еще за несколько лет до своей смерти отец Валериан поместил в "Самарских Епархиальных Ведомостях" "Слово на собственное погребение". В нем он писал, что по обыкновению в надгробной речи принято хвалить умершего, но каждый человек имеет свои грехи и недостатки, о прощении которых особенно важно молиться после его смерти. Далее он подробнейшим образом перечислил все свои явные и тайные слабости и прегрешения и просил православных христиан молиться за него.

Когда же кровавая волна народного отступничества докатилась до стен некогда тихой и боголюбивой Самары, отец Валериан Лаврский был уже глубоким старцем, но еще полным жизненных сил и духовных устремлений. Как жалел он тогда свой обезумевший народ!

В 1918 г. епископ Самарский Михаил, собираясь покинуть родную землю с отступающими белогвардейцами, зашел к протоиерею Лаврскому за советом. "Пастырь добрый душу свою полагает за овцы," - твердо ответил ему отец Валериан. Епископ Михаил все же уехал и вскорости умер где-то на чужбине.

Наступил 1920-й год. В этом году отошел в селения праведных отец Валериан Лаврский. В день его погребения, казалось, вся Самара вышла проститься с любимым пастырем. Улицы были запружены народом. От собора гроб его долго несли на руках, и похоронная процессия растя-

нулась по самарским улицам более, чем на километр. "Похоронами старого времени" назовут самарские газеты это траурное шествие за гробом протоиерея Валериана Лаврского. Людская река, неся над собой Святые Хоругви, медленно протечет по самарским улочкам, унося с собой гроб доброго пастыря, и кажется, что навсегда покинет родной город...

Самарский кафедральный собор, где служил протоиерей Валериан Лаврский, взорван. На его месте красуется театр оперы и балета. Дом, где жил батюшка Валериан, снесен. Теперь там жилая многоэтажка. И даже место погребения православного пастыря нам неизвестно...

Помоги нам, Господи, обрести память!

И. М.

Протоиерей Валериан Лаврский.

Иеромонах Никита Сапожников

Призвание монаха - вдали от мира в келейной тишине творить молитву. Принимая ангельский образ, воин Христов складывает ветхое земное оружие, чтобы биться с князем мира сего оружием более совершенным - постом, трезвением и молитвой. В эпохи особые, переломные, бывает, монахи не гнушаются и земными средствами для сокрушения врага. Так было с иноками Ослябей и Пересветом, с братией Троице-Сергиева монастыря, осажденного "латинами", с соловецкими монахами, принявшими вызов "цивилизованных варваров" - англичан. Но это все-таки исключение, показывающее миру, что битве, совершающейся на земле, есть отражение и на небе... Но, когда монаха призовет Господь, он выходит из келейной тишины и уже на "юру" совершает свое служение. Словом, примером да даже и чудесами возжигает любовью к Богу остывающие сердца людей. На такое служение избрал Господь человека, который, казалось бы, менее всего подходил на эту роль. Но молитвенник и богослов отец Никита Сапожников вступил в открытую брань за народ с власти предержащими и одержал в ней победу.

Он представляется мне словно сделанным из какого-то особого материала. Если большинство из нас "пластмассовые" христиане, то он - настоящий! Вот почему так мало понятен он нам спустя всего два десятилетия после его кончины. Вот почему некоторые его поступки могут нам даже показаться каким-то духовным "дон-кихотством"... Но нам ли судить человека, тремя десятилетиями несвободы заплатившего за право открыто, "без страха и упрека" исповедовать Христа Богом?! И не случайно так ярко, так выпукло, точно живой, смотрится он на причудливом полотне истории!

В Москве составляется подробное жизнеописание отца Никиты Сапожникова. Его ученые труды исследуются в Московской Духовной Академии. Я же хочу лишь набросать несколько штрихов к его пока ненаписанному портрету. А портрет этот должен занять достойное место в галерее самарских праведников.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я 19 февраля 1891 г. в селе Контакузовка Вознесенского района Одесской области. По национальности русский. Родители мои - крестьяне. Отец: Сапожников Петр Иванович, села Знаменки Таврической области, служил в сельских приходах псаломщиком. По национальности русский. Мать: Сапожникова Акилина Никитична (урожденная Приходько), села Привольного Кировоградской области, по национальности украинка. Нигде не работала, занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. Родителей лишился: отца - в 1910 г., а матери - в 1911 г.

Учился последовательно 15 лет: окончил Елисаветградское Духовное училище (курс обучения 5 лет), затем окончил шестилетний курс Одесской Духовной семинарии и за четыре года окончил Московскую Духовную Академию в 1915 году по второму разряду с присвоением мне степени кандидата богословия.

Будучи студентом третьего курса Академии, принял постриг в монашество с именем Никита от ректора Академии епископа Феодора (Поздеевского). Постриг состоялся 1 сентября 1913 года.

8 сентября того же года им же был посвящен в иеродиакона.

Спустя год (7 сентября 1914 г.), по благословению епископа Феодора, епископом Тульским Иувеналием (Масловским) был рукоположен в иеромонаха.

В мае 1915 г. епископом Феодором был награжден набедренником.

По окончании Академии, Святейшим Синодом был назначен преподавателем каноники в Самарскую Духовную семинарию. Преподавал там же курсы литургии, гомилетики и церковной археологии.

Прослужил в семинарии до закрытия таковой в 1918 году. С 1918 г. по 1927 г. состоял приходским священником: в Иоанно-Предтеченской церкви г. Куйбышева, что на 7 просеке, в Михайло-Архангельской церкви с. Колдыбань Куйбышевской области, в Воскресенской церкви г. Чернигова и снова в с. Колдыбань.

С 1927 г. по 1956 г. с небольшими промежутками, но в общей сложности полных двадцать семь лет провел или в ссылке (три года), или содержался в тюрьмах и лагерях.

Последний срок отбывал уже с 9 сентября 1946 г. и был освобожден 16 июля 1956 г. по постановлению особой правительственной комиссии, действовавшей на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. (о проверке обоснованности содержания под стражей и осуждения лиц за политические, должностные и хозяйственные преступления).

Освобожден был со снятием с меня всех судимостей и полным восстановлением во всех правах.

До 1960 г., с благословения Святейшего Патриарха Алексия, лечился и восстанавливал свое здоровье, столь подорванное заключениями в тюрьмах и лагерях.

В 1960 г. на праздник Успения Пресвятой Богородицы я был награжден Святейшим Патриархом Алексием золотым наперсным крестом.

С 1960 г. выполнял послушание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия по исправлению формы и изложения Православной Пасхалии. Ныне эта работа почти окончена, и я намерен вновь возвратиться к пастырской деятельности.

По церковному ведомству никогда никаким взысканиям и наказаниям не подвергался, под церковным судом и след-

ствием не состоял, никакими отклонениями или течениями в религии не занимался. Всегда был, оставался и останусь до конца моей скорбной жизни староцерковником.

В 1965 г. реабилитирован советским судом во всех трех судимостях по ст. 58 УК РСФСР.

Иеромонах Никита (Сапожников).

...Вот и все, что посчитал нужным рассказать нам о себе отец Никита Сапожников. Но не зря говорится, что мирская молва - морская волна. Люди, лично знавшие отца Никиту или слыхавшие о нем от других, сохранили и донесли до нас живые черточки личности старца.

Николай Сапожников учился в Московской Духовной Академии. Все семинаристы часто ездили из Лавры в соседнюю Зосимову пустынь, где подвизались известные на всю Россию старцы. Когда семинарист пришел к старцу, тот неожиданно сказал:

- За лето выучи наизусть Псалтирь и Евангелие.

- Да как же я выучу? Это ведь невозможно!.. - изумился юноша явно сверхчеловеческой задаче.

- Выучишь, Бог поможет, - ответил старец. А потом пророчески произнес:

- Большую часть жизни ты проведешь в тюрьмах.

Осенью семинарист Николай Сапожников знал наизусть Псалтирь и Евангелие. Бог помог по молитве старца. Сбылось и пророчество. Полжизни отец Никита скитался по тюрьмам и лагерям. Богослужебные книги там отбирались. Вот тогда-то и пригодилось знание наизусть священных текстов!

...Шел 1927 год. Уже два года, как вернулся отец Никита из Чернигова в ставшее ему близким с. Колдыбань (ныне Красноармейское). Служил он ревностно. Пламенно говорил проповеди, услышав которые хотя бы один раз, люди шли в храм снова и снова. Казалось удивительным, откуда в этом худеньком, невысоком монахе такое величие духа?! Несмотря на молодость, ведь ему было только 36 лет, многие заме-

тили в нем дар прозорливости. Очень скоро вокруг него собралось около 30 девушек и вдов, которых личный пример иеромонаха Никиты и его помощницы и советницы монахини Рафаилы Вершининой воодушевлял на монашество. Молились много, очень красиво пели, а девушки еще вышивали затейливыми узорами церковные облачения и мужские рубашки на продажу (этим и жили). Отец Никита часто затворялся на несколько дней на молитву и ничего не вкушал тогда. Был строг к себе, да и к другим тоже. Душа его не прилеплялась ни к чему земному.

Победа безбожной власти не испугала подвижника. Он смело стал проповедовать, что нет смысла строить "совет- ские" школы, в которых будут преподавать атеизм. Этого было достаточно для того, чтобы ГПУ заинтересовалось священником. Вскоре нашлись и "свидетели". Среди них был один иеромонах, который часто служил в храме вместе с отцом Никитой...

После первомайской демонстрации 1927 г. в с. Самаровка неожиданно загорелось восемь домов зажиточных крестьян, из них двое не имели права голоса (были кулаками). Отец Никита обошел с иконой вокруг пожарища вместе с тридцатью своими послушницами. Огонь угас до приезда пожарных. Авторитет священника еще больше возрос. Тогда-то уже не на шутку всполошились "стражи революции". Так начинался для отца Никиты подвиг исповедничества...

В "Деле" отца Никиты, заведенном его гонителями, содержится немало интересных свидетельств.

"Секретарю ОГПУ тов. Кабардину. Срочно.

Я уже говорил с тобой о попе Никите, так еще тебе сообщаю: Никита все время агитировал против коммунистов, против посещения избы-читальни, против школы и заставлял тех, кто посещает таковые, бить поклоны. Вот пример: на днях ВИК предложил населению, чтобы они перевезли лес на школу, на которую УИК отпустил все, кроме повозки, и вот результат. На общем собрании за перевозку на 1 голос больше, и это агитация попа Никиты. Он организовал примерно 30 женщин "монашек" и через них ведет агитацию, и через кулачество.

Положение самое скверное.

Вчера еще новость: в Самаровке (село, прилегающее к Колдыбани) обновилась икона, и это совпало со сбором допризывников. Когда милиция составила протокол и запретила выносить икону до распоряжения, то сегодня приходят допризывники к Баландину и Якушеву и говорят: "На каком основании вы запрещаете смотреть эту икону?" Вот какое положение. Милиция направляет материал в УАО, он очень интересный. Я бы просил тебя с ним познакомиться.

Я прошу тебя от имени всей парторганизации помочь нам в разоблачении обновленной иконы и через ГПУ убрать отца Никиту, ибо он творит самые гнусные безобразия. Хорошо бы, если бы сюда выехала комиссия с химиками.

с. Самаровка, 24 апреля 1927 г.

С коммунистическим приветом, Крайнюков".

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1927 года июня 23 дня. Я, п/Уполномоченного Самгуботдела ОГПУ Ковалев, рассмотрев дело по обвинению гражданина Сапожникова Николая Петровича.., проживающего в с. Самаровка, Самарского уезда, нашел:

1. 23 мая 1927 г. гр. Сапожников, являясь служителем религиозного культа, придя в дом гражданина с. Самаровка Осипова, где инсценировалось "обновление" иконы, умышленно не разъяснил собравшимся гр-нам ложность "обновления", и наоборот, поддержал суеверие в сердцах собравшихся, боясь этим потерять получаемый им от них доход.

2. Также с целью извлечения материальных выгод во время пожара в с. Самаровка, случившегося в конце апреля или в начале мая 1927 г., вышел с иконой и несколько раз обошел вокруг горевших изб, одновременно препятствуя тушению пожара прибывшей для этого пожарной команде. По ликвидации пожара, приписал это своему хождению с иконой, но отнюдь не пожарной команде.

3. Среди темного крестьянского населения вел агитацию о

том, что Советская власть является "властью диавола", издаваемую ею литературу читать не следует, культпросветорганизации посещать также не следует, так как через них власть развращает народ и ведет его к погибели...

Усматриваю в действиях гр-на Сапожникова наличие фактов совершения обманных действий с целью, для извлечения материальной выгоды.., и фактов, направленных против Советской власти, выраженных в распространении ложных слухов, дискредитирующих власть и возбуждающих недоверие к ней со стороны населения, что предусматривает ст. 58-18 УК.

ПРОТОКОЛ

Начальник волостной милиции Баландин в 10.30 прибыл в дом гр-на Осипова Павла Онисимовича, проживающего в с. Самаровка Самарской волости Самарского уезда, по вызову младшего милиционера Лазарева, где в доме Осипова образовалась толпа граждан около 100 человек, где владелец дома Осипов заявил, что в его доме обновляется старая икона, изображающая Михаила Архангела с Нерукотворным образом Христа Спасителя. Размер иконы примерно 9 х 7,5 вершка. Обновление иконы заметила жена владельца дома, Осипова Ксения Егоровна, 23 мая 1927 г. О чем и составлен настоящий протокол."

Но и в узилище Бог не оставил Своего верного раба. 6 мая, в день великомученика Георгия Победоносца, отца Никиту повели на расстрел.

Он шел, подняв голову, и смотрел на яркие, словно умытые слезами звезды. Молился трепетно и горячо. Наконец, дошли до места расстрела. Конвой мешкал с исполнением приговора. Красноармейцы отошли в сторону, давая время отцу Никите проститься с жизнью. А когда отец Никита встал возле ямы, приготовившись к смерти, про-

изошло чудо. Святой Георгий неожиданно явился перед ним и загородил собой. Палачи в страхе побросали ружья. Когда видение прекратилось, они привели заключенного обратно в лагерь. Расстреливать священника они наотрез отказались.

Колдыбанцы не забыли "своего батюшку". Они сушили сухари и несли их осужденному священнику через всю Россию. Послушница Матрена и многие другие близкие отцу Никите люди не раз ходили к нему пешком через всю Россию. Навещали узника в Сибири и в Мордовии, стараясь хоть как-то облегчить его страдания.

В заключении отец Никита не терял присутствия духа. Не раз восставал против бесчеловечных лагерных порядков. Не позволял сбривать себе бороду и усы. Не стриг волос, вопреки всевозможным инструкциям и приказам. Ему набавляли и набавляли срок, но сломить его дух слугам дьявола было не под силу.

...В Светлое Воскресение овчарки с утра лаяли с каким-то особым остервенением. Лагерное начальство тоже лютовало с утра, словно бы состязаясь с четвероногими в злобе. Охранники с ненавистью, исподлобья смотрели на священников и были готовы в любой момент ударить прикладом, выматерить, оскорбить... И все же пасхальная радость и здесь была разлита в весеннем воздухе. В бараке с утра никто не подрался. Священники в тайне от стукачей похристосовались друг с другом. Некоторые из "блатных" подошли к ним под благословение...

Всех построили на плацу и началось распределение на работы. Когда очередь дошла до отца Никиты, он заявил, что отказывается работать в великий праздник. Начальник лагеря, побагровев, выхватил пистолет и стал им целиться в священника.

- Будешь! Будешь! - яростно закричал он.

- Не буду! Стреляй! - решительно ответил священник. Видно было, что он готов умереть, но не отступится от сво-

его решения. Начальник спрятал пистолет обратно в кобуру и затих, словно устыдившись чего-то. Отец Никита в тот день не работал. А "уголовники" прокричали мужественному священнику троекратное "ура" прямо на построении.

* * *

Из воспоминаний А. А. Савина

Во время правления Куйбышевской епархией митрополитом Мануилом, вернулся из 27-летней ссылки иеромонах Никита. Впечатление о нем: человек небольшого роста, интеллигентное лицо, добрые глаза. По городу только он один ходил в рясе с крестом. Посещал он Покровский собор и как заштатный клирик принимал участие в богослужениях, но в штат его "власти предержащие" не принимали.

В первые годы Советской власти он служил священником в с. Колдыбань и был до того авторитетен и любим в приходе, что, видя гонение на Церковь, он искал спасение в иночестве, и половина девушек села (от 16 до 18 лет) приняла иноческий чин. Потом многие из них вышли замуж, и митрополит Мануил по его просьбе снимал с них обет иночества.

Я как-то спросил отца Никиту, почему он так долго был в ссылке, ведь такие большие сроки заключения не дают. Он ответил: "Мне дали 10 лет, как и всему духовенству, по ст. 58 "Агитация против Советской власти". Потом мне постепенно прибавляли срок за то, что я не выходил на работу на Рождество, Пасху и Троицу".

По благословению Патриарха Алексия I, он занимался научным трудом - исчислением пасхалии более легким способом. Но его труд Духовной Академией не был принят. Я думаю, по политическим мотивам. Это очень огорчало иеромонаха Никиту Сапожникова, но он продолжал работать до смерти.

Многие из духовенства приходили к нему за советом. Он часто бывал у владыки Мануила и подолгу беседовал с ним. Это были два церковных интеллигента.

В личной жизни был он очень скромен. Но бывал он и раздражителен, если в богослужении что-либо пропускали.

И после освобождения из ссылки власти его ненавидели. Однажды ко мне случайно попала бумага от уполномоченного по делам культов Корчагина В. Х., где было написано им: "Сапожников до сих пор против Советской власти, и проповеди его вредны".

Когда отец Никита узнал о том, что в Колдыбани разрушена церковь, то очень рассерчал на жителей села и чуть ли не проклял их за то, что они позволили властям совершить святотатство. Долго не мог простить этого своим землякам. Митрополит Мануил уговаривал иеромонаха Никиту простить их, но тот на все уговоры отвечал решительно:

- Не прощу!

Но потом, конечно, простил. И завещал похоронить себя в Колдыбани. Митрополит Мануил любил спорить с отцом Никитой Сапожниковым. Тот называл его ласково "владыченька", но спуска не давал. Между ними завязывался горячий спор на богословские темы. Никого равного им по образованности в ту пору в епархии не было.

Когда умер митрополит Мануил (Лемешевский), священники читали по очереди над телом усопшего 17-ю кафизму ("на упокоение"). Когда дошла очередь до иеромонаха Никиты, он неожиданно для всех оттолкнул от себя книгу, которую предлагал ему один из священников, но между тем, не имея перед глазами Псалтири, стал читать кафизму наизусть, не сбиваясь. Все бывшие при этом пришли в изумление. И только за обедом он рассказал владыке Иоанну, что, по благословению старца, выучил наизусть Псалтирь...

- С кем теперь спорить будешь? - спросил его после похорон митрополита Мануила владыка Иоанн.

- С тобой спорить буду, - ответил старец.

За четыре года до смерти с отцом Никитой Сапожниковым случился удар. Он причастился в алтаре, и его неожиданно парализовало. Отнялась вся левая сторона тела. Он упал возле престола. Когда его перенесли домой, он принял решение постричься в схиму. Для пострижения владыка Иоанн вызвал игумена Мисаила (ныне схиархимандрит Серафим Томин). Когда игумен Мисаил и Андрей Андреевич Савин пришли к больному отцу Никите, тот стал умолять их, чтобы постригли его с именем Никандр.

Владыка Иоанн, узнав об этой просьбе, не согласился:

-Где это видано, чтобы ребенок сам себе имя выбирал, - возразил он.

- Постригайте его с любым именем, но только не Никандр.

Узнав об этом, отец Никита стал опять уговаривать отца Мисаила и Савина вновь идти к владыке и упросить его дать имя Никандр. "Мне потому это нужно, что в день Никандра, псковского пустынника, я умру", - пророчески произнес старец.

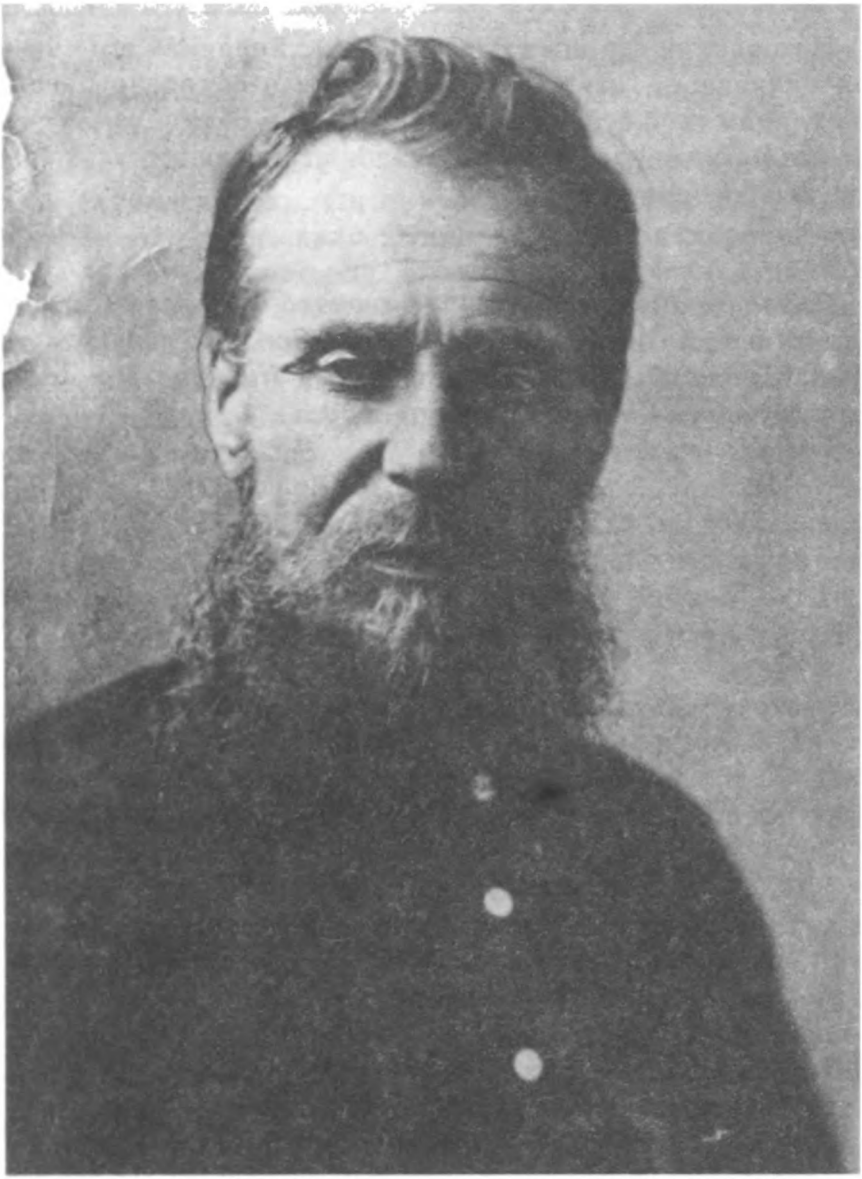
Владыка Иоанн на этот раз дал согласие.

Каждый год после пострижения в схиму в день тезоименитства к парализованному схиигумену Никандру приходил священник и причащал его Св. Таин. Отец Серафим присылал ему поздравительную телеграмму с Днем Ангела. И вот в 1974 г., в день своего тезоименитства, отец Никандр причастился Св. Таин, взял в руки телеграмму отца Серафима, поцеловал ее, приложил к сердцу и скончался. Владыка Иоанн очень удивился, когда узнал, что пророчество сбылось и старец умер именно в день псковского пустынника Никандра.

Похоронили старца в с. Колдыбань. Хоронили его - всем на удивление - открыто. Священники в облачении несли по улицам гроб с телом отца Никандра и пели "Трисвятое". За его могилкой на сельском кладбище до сих пор ухаживают знавшие его люди.

А. Ж.

Составлено по рассказам иеромонаха Софрония (Самарский Иверский монастырь), Татьяны Зотовой (г. Москва), А. А. Савина (г. Самара), протоиерея Николая Манихина (благочинный Ставропольского округа).



Иеромонах Никита Сапожников. 1941 г.

Иеромонах Никита (в схиме Никандр)
незадолго перед кончиной.

Протоиерей Стефан Акашев

Еще с шоссе, издалека, я увидел в голубоватой дымке величественный силуэт Казанской церкви. Она возвышалась и словно парила в небе над низенькими приземистыми домишками. С 1947 г., когда власти вернули верующим старинный храм, церковь эта в с. Заплавное Борского района была единственной на всю округу. Сюда шли и ехали верующие из трех районов. А еще эта церковь знаменита тем, что в ней служил протоиерей Стефан Акашев.

На церковном дворе - ни души. Тишина. Только галки кричат в вышине, у самого купола. Открываю калитку и тихо иду по последнему рыхлому снегу к одинокой могилке. На кресте под фотографией надпись: "Здесь покоится прах митрофорного протоиерея Стефана Акашева. 1900-1975. Мир праху твоему, дорогой наш пастырь и молитвенник". Не успел я прочесть молитву возле могилы, как услышал за спиной скрип открывающейся церковной калитки и чьи-то шаркающие шаги. Оглянулся. Это шел ко мне пожилой человек, староста церкви Петр Семенович Сорокин. Шел узнать: кто я, откуда и зачем пожаловал. А "пожаловал" я вот зачем.

14 июня 1992 г. в "Самарских известиях", в короткой заметке со странным названием "Это мы, Господи!", говорилось о том, что в с. Заплавное на кладбище неизвестными раскопана могила местного священника. Совершившие надругательство изуверы искали, видимо, драгоценные вещи, но украли почему-то череп покойного. В тот же день я связался по телефону с начальником Борского

РОВД П. Ф. Бурдыгановым. "Преступники пока не найдены, - сообщил он. - Известно только, что подъехали они к кладбищу на "Жигулях". Потом машина ушла в сторону Бузулука. Есть подозрение, что в могиле искали ценный металл и церковную утварь..."

Преступники так и не были найдены. Без ответа остались вопросы, случайно ли ограбление и осквернение могилы произошло именно в ночь на Троицкую родительскую субботу - день поминовения "всех прежде почивших православных христиан". И зачем понадобилось осквернителям увозить с собой череп священника? Да и личность покойника, похоже, выбрана была святотатцами не случайно. В последние годы жизни отца Стефана в Заплавное съезжались со всей страны бесноватые - он их "отчитывал", исцеляя молитвой. Не явилось ли надругательство над его прахом местью сатанистов за этот великий дар?

- Я огорчен до глубины души актом вандализма по отношению к священнослужителю. Сознание даже отказывается вмещать это! - говорил мне на следующий день в своем кабинете архиепископ Самарский и Сызранский Евсевий (ныне архиепископ Псковский и Великолукский). - Ведь даже по языческим законам в Древнем Египте было завещано не трогать тела фараонов, ибо считалось, что тот, кто тронет прах умершего, сам должен будет умереть... Ну а по христианскому нравственному закону, совершившему этот смертельный грех нет прощения ни на земле, ни на небе!

Он же сказал потом, тяжело вздохнув: "Сатанисты!.." Слово это в те дни повторялось не раз во многих домах христиан. Все были поражены, даже потрясены этим известием. Украли череп священника... Вспоминалось нечто булгаковское: Воланд, голова Берлиоза, бал сатаны, черная месса... А впереди были выстрелы в неугасимую лампаду с благодатным огнем, установленную в Москве на

Славянской площади. А потом и убийство трех оптинских иноков в пасхальную ночь...

- Я был одним из первых, кто узнал о кощунстве на кладбище, - рассказывает Петр Семенович Сорокин. - В тот день я работал на церковном дворе. Со стороны кладбища подошли женщины, сказали:"Вскрыли могилу священника, кости всюду разбросаны..." Я вызвал милицию и пошел туда. Жуткое там меня ожидало зрелище! Яма была вся выворочена, крышка гроба, порядком истлевшая за семнадцать лет, была отброшена в сторону. Кости все были выброшены из могилы. Я сам полез в могилу, стал все, до последней косточки, собирать. Кости были еще очень крепкие, не сухие даже. Все перерыл, но не нашел нигде простенького нагрудного креста отца Стефана. Видно, изверги с собой унесли. А еще не было головы. Я всюду искал. Нигде не было! Вскоре приехала милиция. А чуть позже из епархии пришло разрешение перезахоронить отца Стефана на церковном дворе. Сам я это и сделал. Собрал все, до последней косточки. Ничего там в земле не оставил.

Мы молча стоим у могилы священника. О чем думает староста, своими руками бережно - "по косточке" - укладывавший в новый гроб прах покойника. Это мне неизвестно. Я же думаю о том, что у зла не бывает долгого торжества. Ведь в итоге оказываются все змеиные укусы целебными! Вот и вся эта жуткая драма, разыгравшаяся летней ночью на заплавненском кладбище, была попущена Свыше для того, чтобы вспомнить о тихом труженике и молитвеннике отце Стефане!

Возле храма в доме для притча живут две старушки : Пелагея да Анна. Живут они рядышком уже тридцать лет. Анна Алексеевна Тюленева звонит в колокол по воскресным дням. Пелагея Никифоровна Сундеева служит здесь же алтарницей. В их келейке с трепетом хранят

память об отце Стефане. На стене висят фотографии: отец Стефан в полный рост, в облачении, с митрой; отец Стефан рядом с владыкой Иоанном, впоследствии митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским (очень давно, еще в Оренбуржье в с. В. Платовка на глазах у отца Стефана произошла, можно сказать, историческая встреча владыки Мануила Лемешевского с тогда еще юным Ваней, ставшим келейником, а потом, как и он, митрополитом! Вот так, по Божьей воле, оказались связанными судьбы этих трех удивительных людей). И здесь же, на стене, еще одна фотография. Отец Стефан на смертном одре. Лицо у него светлое, радостное, словно он только что прилег отдохнуть на минуточку после тяжелых трудов.

- Он был пастырь истовый, - вздыхает, покачивая головой, Пелагея.

- И был он великий гостеприимец, - вступает в разговор Анна. - Всех странников привечал, кормил их, поил. Многие жили в его доме неделями.

Потом рассказала старушка о том, как исцелял отец Серафим бесноватых, как ставил недужных под колокол и Анна звонила над ними долго, до трехсот ударов... "Я и сейчас подолгу звоню, хотя сил уже мало", - сказала она.

- А мне отец Стефан велел над одержимыми ночью Евангелие читать, - вспоминает Пелагея. - Что тут в это время творилось!..Положу я Евангелие больному на голову, начну читать, а он ка-а-к заорет, да еще не своим каким-то - грубым, злым голосом: "Ой дурак, ой, куда приехал!.. Спастись хочешь... Не пущу... Ой, дурак!" А я читаю, не прерываюсь, так мне батюшка повелел. Больной уже корчится, но я все равно читаю. А когда его рвать начнет - тогда только бегу я к батюшке. Он меня успокоит: "Ничего, пусть рвет. Может, со рвотой и бес из него выйдет". И так до утра. А потом он сам за больного берется, читает над ним молитвы. Все болезные от него исцеленными уезжали, но

прибывали новые. И так каждый день.

- Откуда же, - спрашиваю, - бесноватые про отца Стефана узнавали?

- Э... Больной человек все узнает!

Долго, неспешно идет беседа. Им есть что рассказать о любимом пастыре. Слушаю их и кажется: все это было еще вчера! Вон там - дом, в котором жил священник, где привечал он странников. А рядом другой дом, построенный отцом Стефаном и завещанный церкви. И люди, и дома - все здесь прежнее... А бабушки продолжают вспоминать былое:

- Он часто нам так говорил: "Ходите, ходите в церковь, пока ваши ноженьки ходят. Ходите, а то, как старыми станете и будете рады пойти, да ноженьки не пойдут, так что теперь ходите..."

- Он особый был человек, - вздыхает Анна.

- Да, особый. Его Господь избрал, - вторит ей, крестясь, Пелагея.

* * *

Воспоминания протоиерея Николая Манихина, настоятеля Казанской церкви г. Тольятти

Один из самых удивительных людей, с которыми мне довелось встречаться - протоиерей Стефан Акашев. Служил он в последние годы в с. Заплавное Борского района. Необычно складывалась его судьба. В тридцатые годы он служил в одном из оренбургских сел, растил дочь. Но председателю колхоза, на территории которого находился храм, "приглянулась" жена священника. Он вызвал отца Стефана к себе в кабинет и поставил перед страшным выбором. Тот должен был или отдать на поругание свою законную жену, или готовиться к неминуемому аресту. Отец Стефан, не задумываясь, выбрал второе. Угроза пред-

седателя вскоре была исполнена. Отец Стефан был арестован по ложному доносу и отправлен в г.Котлас Архангельской области. Там он прожил много лет. А из родных мест пришла горькая весть: его жена уже жила с тем самым председателем колхоза и даже имела от него ребенка... Перед войной в Котлас, в тот же самый барак и тоже по чьему-то доносу, попал тот самый председатель колхоза. Так был наказан лжесвидетель и осквернитель семейного очага!

В 1944 г. отец Стефан был освобожден из ссылки и вернулся в Оренбуржье, стал служить в Верхней Платовке. К жене он не вернулся, не простил ей измены. Но всю жизнь не оставлял попечения о семье - помогал материально жене и двум детям.

Через несколько лет уполномоченный по делам Русской Православной Церкви по Оренбургской области вынудил правящего архиерея запретить в служении отцу Стефану. С тех пор он много лет не имел права входить в алтарь. Для него, истового пастыря, это было тяжелейшим испытанием. Наконец, он обратился за помощью к А. А. Савину, в ту пору работавшему секретарем Самарского епархиального управления. "Хочу хоть умереть у алтаря..." - просил он. Вскоре Андрей Андреевич добился его перевода в Самарскую епархию. В с. Заплавное проявился его редкий дар исцелять - "отчитывать" - бесноватых. Дар этот особый, дается он только самым верным слугам Христовым. И вот к отцу Стефану в Заплавное устремились страждущие со всей необъятной России. Мне довелось быть свидетелем того, как с Божьей помощью он боролся с нечистыми духами и пересиливал их. Одержимых он ставил под звонящий храмовый колокол, велев им все время читать про себя молитву ("Богородицу"). А потом он читал над каждым разрешительную молитву от нечистых духов, и бес-

новатые получали исцеление.

Так случилось, что после смерти отца Стефана в 1975 г. я заступил на его место, стал настоятелем Казанской церкви с. Заплавное. На имя отца Стефана шли посылки, открытки и письма со всей России. В них исцеленные благодарили своего пастыря, просили советов, обращались с просьбами... Многие из этих людей, спасенные отцом Стефаном, стали моими добрыми знакомыми. С некоторыми из них я переписываюсь до сих пор.

Я думаю, отец Стефан был праведником. Все, что он мне говорил о моей жизни (он всегда предсказывал в виде советов, а не специально пророчествовал), все сбылось в точности. И если бы не он, то, наверное, моя судьба могла бы сложиться как-то иначе.

Что касается надругательства над его могилой в 1992 г., то я убежден: череп отца Стефана украли сатанисты. Через семнадцать лет дьявол отомстил ему за тот дар изгнания бесов, который стяжал пастырь за свою праведную жизнь. Но почему Бог попустил такое надругательство? Не знаю. Но все же думаю, что, видно, у отца Стефана были в земной жизни какие-то недостатки, слабости, им до конца не искупленные. И надо было этим надругательством над его могилой как-то искупить их. Чтобы уже там, на небе, быть ему вместе с праведниками, со святыми.

* * *

Воспоминания Андрея Савина, старосты Вознесенского собора г. Самары

Почти за полувековое мое служение секретарем Оренбургских и Самарских Преосвященных мне особенно запомнилось несколько священнослужителей своим подвижничеством на благо Церкви. Среди них - протоиерей Стефан Михайлович Акашев. Родился он в семье священника

в 1900 г. в с. Мамалаевка Покровского района Оренбургской области. Он закончил семинарию и в 1924 г. был рукоположен во пресвитера, а в 1934 г. был арестован и осужден за "антисоветскую пропаганду". Срок отбывал в далеком северном Котласе. Во время войны открылись многие храмы, а священников не хватало. В начале 1944 г. по ходатайству верующих с. Верхняя Платовка того же района Оренбургской области отец Стефан был освобожден и отправлен на служение в это село. Это был первый храм в Оренбургской области с 1938 г. Храм этот был разорен, но, благодаря кипучей деятельности отца Стефана, стал быстро приобретать благолепный вид. Отец Стефан отличался истовостью в служении, в строгом исполнении устава и простотой в жизни. Особое внимание он уделял исповеди.

"Ведь это беседа с душами людей, - говорил он, - единственная возможность показать человеку, каков он есть на самом деле". На его исповеди люди плакали и уходили из храма просветленными. Потом в Оренбургской епархии открывались еще храмы, но верующие по-прежнему тянулись к отцу Стефану. Власти предержащие, видя всевозрастающий авторитет пастыря, взялись всячески притеснять его. Например, на железной дороге была остановка местного поезда - "Разъезд В. Платовка". Ее отменили, чтобы верующим приходилось идти до храма не два, а восемь километров. Но отец Стефан договаривался с машинистами, и поезд ранним утром (в 4 часа) притормаживал на остановке. В это время отец Стефан держал свой посох кверху. Когда он опускал его, машинист трогал поезд. Всех приехавших пастырь сам вел в храм, обогревал, сушил им валенки, поил чаем.

Летом 1944 г. на Оренбургскую кафедру был назначен епископ (впоследствии митрополит) Мануил Лемешевский. Он решил посетить приход в Верхней Платовке. Доехал он до ст. Верхняя Платовка и восемь километров шел пеш-

ком. Это было ночью. Вся дорога до храма была устлана травой и цветами. И через каждые полкилометра владыку встречала группа верующих со свечами. А когда подошли к храму, там была уже большая толпа верующих, среди которых было много детей. Отец Стефан сказал простое горячее слово приветствия владыке, и владыка Мануил так растрогался встречей, что снял с себя крест с мощами и надел на отца Стефана. "Дарю тебе самое ценное, что имею", - сказал он.

В селе Верхняя Платовка в Покровской церкви был очень большой образ Божьей Матери "Достойно есть" афонского письма. И вот в 1949 г. епископ Оренбургский Борис приказал отцу Стефану отдать образ в собор. Выйдя от Преосвященного, отец Стефан сказал: "Никуда образ не уйдет!" И действительно, мы послали за иконой грузовую машину, но случился гололед, и машина с иконой не могла подняться в гору. Бились, бились, сняли с машины икону и только тогда одолели гору. Машина вернулась ни с чем. А эта икона до сих пор находится в Покровской церкви.

Личная жизнь отца Стефана была нелегкой. Когда он был в ссылке, то его супруга, не надеясь на его возвращение, вышла замуж и уже не вернулась к нему. Были и другие тяжкие испытания. Например, приходилось прятаться от бесконечных требований властей "побольше подписываться на заем". Наконец, наступил новый, хрущевский период страшных гонений на Церковь. Старший фининспектор Оренбургской области попался на взятках с вымогательством, которые брал с духовенства. Он дал показания, что и отец Стефан давал ему 100 рублей. Отец Стефан Акашев на это отвечал: "Как я мог дать ему взятку, когда сам два раза писал на него жалобы за чрезмерное обложение налогом?" Но все равно он был призван к начальнику Оренбургского НКВД, там ему пришлось пе-

ренести угрозы и оскорбления. А вскоре власти вынудили Преосвященного "не давать Акашеву места", так как тот "дал взятку, но не хочет в этом сознаться". И вот отец Стефан остался лишь певчим в том самом Покровском храме, в восстановление которого вложил столько труда и пота.

В 1970 г. я добился его перевода в нашу Самарскую епархию. Он стал служить сначала в с. Высокое, а потом с 1972 г. стал настоятелем Казанской церкви с. Заплавное Борского района. Но и здесь энкаведешники из Оренбуржья всеми силами старались ему навредить. Оренбургский уполномоченный по делам Русской Православной Церкви позвонил куйбышевскому уполномоченному и сказал: "У вас служит Акашев. Напрасно вы его взяли. Это фанатик и реакционер". Ну а куйбышевский уполномоченный, узнав о ком идет речь, сказал мне: "А этот дедка, что приехал к нам из Оренбургской епархии, очень мне понравился своей простотой и здравыми рассуждениями". Так начал отец Стефан свое служение на самарской земле.

В трудные годы, когда священникам не разрешалось совершать на домах требы, он надевал зипун и малахай, и ночью его, переодетого, возили по селам. Так он исполнял, несмотря на запрет, свой долг пастыря. Везде доставлял он верующим радость и утешение. Приезжая к нам в Куйбышев "в годы скорби" (так он называл то время), он ночевал в моем доме, и мои дети очень любили его. А летом мы всей семьей ездили к нему в Верхнюю Платовку недели на две на отдых. И вот, гуляя с ним по оренбургской степи, я с удовольствием слушал его рассказы об истории края, о его подвижниках. О себе он рассказывать не любил. "Кто я? Многогрешный Стефан", - повторял он нередко. И все же я приставал к нему с расспросами. Зная силу его исповеди, я спрашивал, откуда ему известно, какие советы давать людям. Он отвечал так: "Посмотрю на человека, и проникну как бы в него, и уже знаю, что ему надо". На

мой вопрос, случались ли с ним чудеса, он ответил только однажды: "Открою тебе, брат. Три раза было такое. Служу литургию и во время "Тебе поем..." после поклона вижу - весь престол и чаша как бы объяты пламенем, я снова сделал поклон, и видение пропало, так было за тремя литургиями. Только ты не говори никому об этом, а то еще скажут, что я святой".

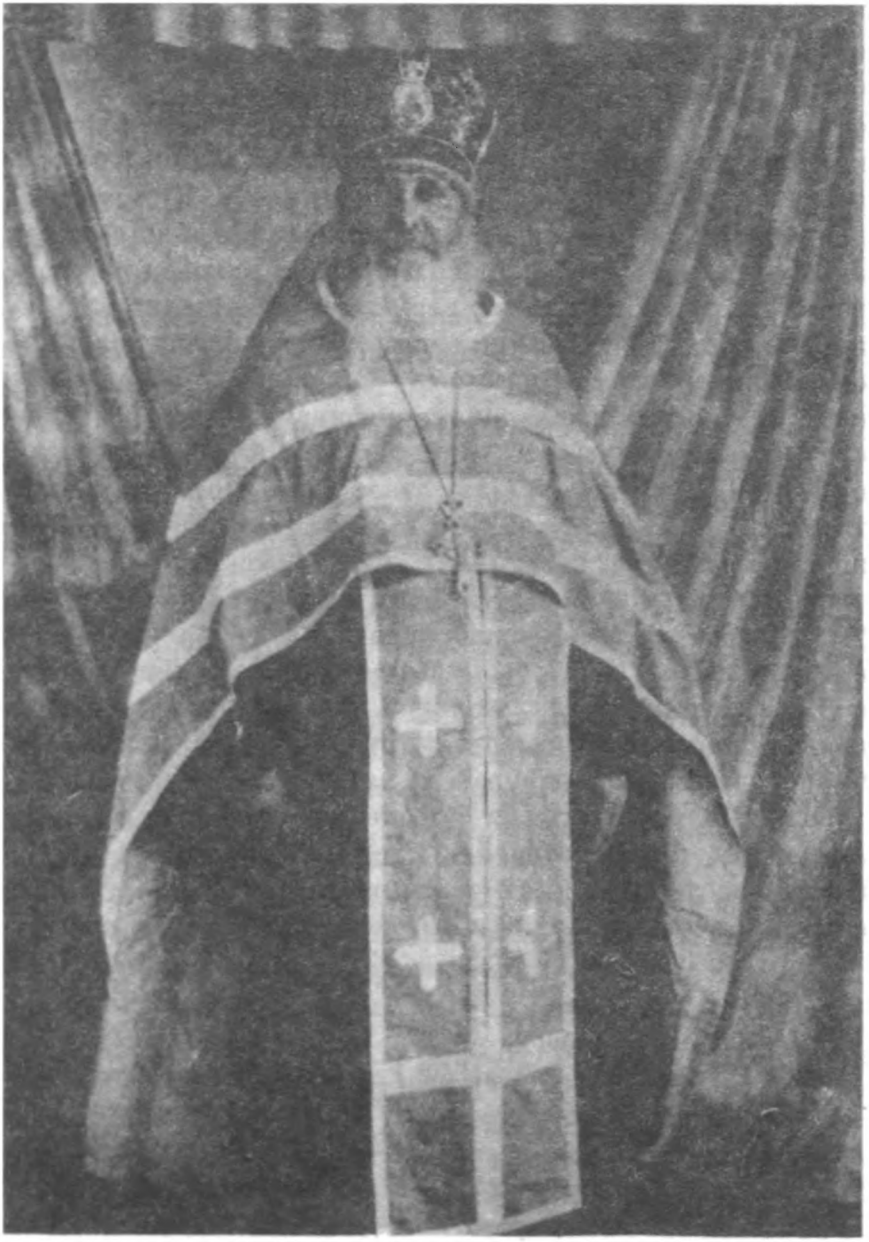
В с. Заплавное храм был деревянным и без росписи. Власти не только не разрешали расписать его, но и гвоздя не давали вбить без их разрешения. Тогда отец Стефан сделал так: художник писал дома икону или изображение, дома, потом их привозили в Заплавное и прибивали на стены и потолок. Вот и получилось, что храм был весь расписан, придраться властям было не к чему.

При храме было две небольшие старые сторожки, но о постройке новых и заикнуться было нельзя. Тогда отец Стефан выхлопотал разрешение на то, чтобы построить рядом с церковью дом как бы для себя, "на старость". Разрешение с большими препятствиями все же было получено, и он построил хороший дом с баней. Утром он рассчитал рабочих, отслужил Божественную литургию, совершил требы, а в пять часов вечера отошел к Господу. Кончина его была мирной, тихой. Через три часа мы приехали с протоиереем Николаем Фомичевым (ныне покойным) в Заплавное, обмыли и отпели отца Стефана. От его тела шло легкое, приятное благоухание. Отец Николай сказал, что первый раз в жизни чувствует такое приятное благоухание при покойнике. Почил митрофорный протоиерей Стефан Акашев (для большего личного подвига он имел тайный монашеский постриг с именем Серафим) 11 апреля 1975 г., на 75-м году жизни. Отпевали его ключарь Куйбышевского Покровского собора протоиерей Николай Фомичев и схиархимандрит Серафим из Оренбургской епархии. Отец Стефан несколько раз говорил мне: "Когда умру,

похороните меня на кладбище в В. Платовке, в воротах, чтобы все топтали мою могилу - за тот почет, который мне оказывали здесь на земле". Но близкие решили похоронить его в Заплавном. Гроб на плечах верующих был обнесен вокруг храма и при пении ирмосов "Помощник и покровитель..." был донесен до местного кладбища и предан земле. Тропа к могиле отца Стефана никогда не зарастала. Не только местные верующие посещали могилку, просили его молитв, брали песочек, но и многие люди, проезжавшие трактом "Куйбышев - Оренбург", заворачивали к нему - просили о чем-либо, а священники на его могилке служили панихиды. Но известно, как ненавидит дьявол праведников и святых. А тут стало ясно, что и после смерти отец Стефан остаётся почитаем и помогает людям. Вот почему летом 1992 г. сатанисты и злоумышленники разрыли могилу священника. Никаких ценностей в ней не было (только несколько маленьких иконок, да серебряный крест), и все это знали. Кости были выброшены из могилы, а голова отца Стефана была украдена. Значит, невмоготу стало дьяволу переносить и мертвым отца Стефана, раз понадобилось силам зла надругаться над его могилой!

Оглядываясь кругом, к сожалению, очень мало видишь людей, подобных протоиерею Стефану Акашеву. И это еще больше заставляет нас вспомнить о таких людях и об их подвигах во славу нашей Святой Церкви.

А. Ж.



Протоиерей Стефан Акашев.

Отец Стефан в своей келии.

Монахиня Серафима (Денисова)

Есть в Ставропольском районе Самарской области дивное место - село Ташла. Издалече приходят сюда богомольцы испить воды из святого источника, приложиться к чудотворной иконе Царицы Небесной. А на сельском кладбище покоится блаженный Степан, прозорливец и чудотворец, еще недавно подвизавшийся в этих местах. К нему на могилу в зимний погожий день пришел и я с местным священником Николаем Винокуровым. Рядом с могилой Степана я приметил еще один крест. С фотографии из-под черного клобука на меня по-ангельски кротко смотрела женщина. Лицо - как икона: радость, покой и свет. Чуть ниже надпись: "Монахиня Серафима".

- Она, матушка Серафима, тоже "не простая" была, - сказал мне отец Николай. - В юности наставлял ее известный старец Василий Григорьевич из Ягодного. А еще она очень почитала Степана. Часто приезжала к нему, слушала наставления. А потом попросила похоронить ее рядом с ним. Так вот и сошлись в ее жизни судьбы двух этих столпов. Удивительные то были люди! А она, матушка, из их породы!

Так, я впервые узнал про монахиню Серафиму. Позднее, собирая по крохам сведения о ставропольских праведниках, все чаще и чаще приходилось мне слышать это имя. И всегда при этом в памяти всплывало ее лицо. Такие лица помнятся долго! И счастливы те, кому довелось видеть их не на фотографии, а живыми...

Пелагея Михайловна Денисова родилась в 1920 г. в с. Хрящевка Ставропольского района Самарской облас-

ти. Еще девчонкой она познакомилась с Василием Григорьевичем Курушиным из Ягодного, проповедовавшим слово Божие в этих местах. Он сразу выделил из всех Пелагею и вскоре стал ее духовным наставником. Старец и девочка вместе странствовали по святым местам. Доходили они даже до Жировицкого монастыря, что в Белоруссии. Там хорошо знали юную странницу с Волги. Мать Пелагеи старалась не отпускать дочь в эти далекие странствия, пробовала выдать ее замуж, но тщетно. Старец решительно предрекал ей "узкий путь" - безбрачие, целомудрие, а потом и монашеский постриг.

На всю жизнь запомнился Пелагее Денисовой урок смирения и любви, преподанный ей однажды старцем Василием. Как-то зашли они в гости к давним знакомым. Обрадованная хозяйка засуетилась, накрывая на стол, и впопыхах, по ошибке, вместо сахара насыпала в чай Василию Григорьевичу соли. Да еще много, щедрой рукой!.. Старец выпил почти весь стакан и даже ничуть не поморщился. Хозяйка, убежденная в святости гостя, хотела (как "святыньку") допить за ним чай. Но как только сделала один глоток, так сразу поняла свою оплошность. "Василий Григорьевич! Прости ты меня!" - взмолилась она. А старец добродушно ответил: "С сахаром чаю я и дома попил бы, а на сегодня, значит, мне так Господь повелел!" Часто рассказывала потом Пелагея своим духовным детям о смирении старца и всегда приводила этот пример.

Во время войны Пелагея Михайловна работала санитаркой в госпитале. Побывала на фронте. Была контужена, стала плохо слышать. После ранения вернулась в родные места. Поселилась в Тольятти и много лет служила алтарницей в Казанском молельном доме. Жизнь свою она устроила по-монашески, но принимать постриг подвижница не спешила. "Одежка не спасет, - не раз говорила она.-

Пусть всякая напраслина будет нам вместо монашеской мантии". И только 28 февраля 1982 г., за девять лет до смерти, она приняла в Самаре в архиерейском доме тайный монашеский постриг с именем Серафима. Имя это было дано ей Свыше не случайно...

Всю жизнь она старалась подражать преподобному Серафиму Саровскому. Люди, знавшие ее, вспоминают, что всех, приходящих к ней, Пелагея Михайловна встречала "по-серафимовски", словами: "Радость моя!.." По примеру преподобного, она также мазала лампадным маслицем всех, приходящих к ней за исцелением от недугов. Однажды к ней из Самары по дороге в Ташлу, к чудотворному источнику, заехала Валентина Сергеевна Дюнина. В дороге она почувствовала себя больной и потому решила остановиться на ночь в Тольятти у матушки Серафимы. Хозяйка помазала Валентину Сергеевну маслицем. К утру болезни как не бывало! Можно было отправляться в путь. "Всю ночь за тебя Псалтырь читала", - призналась ей напоследок старица. Радостная, приветливая улыбка никогда не сходила с лица монахини Серафимы. А еще была она, по примеру преподобного, очень строга к себе, но снисходительна к людским слабостям.

Главный бухгалтер Самарского епархиального управления Надежда Михайловна Якимкина с 12 лет была духовной дочерью старицы Серафимы. Однажды они вместе пришли к знакомым в дом, где хозяин страдал от недуга пьянства. После бесед со старицей мужчина каялся в этом грехе и несколько месяцев пребывал в совершенной трезвости, но потом опять брался за старое. Хозяйка всегда очень радовалась приходу матушки Серафимы, знала: "угомонится" на время ее супруг. Хозяин также обрадовался их приходу. "А, тетя Поля пришла!" - воскликнул он и позвал гостей к столу. Перед ними поставили тарел-

ки с борщом, хотя и была среда. Девушка вопросительно взглянула на старицу. Та выждала момент, когда хозяева удалились на кухню, и тихо шепнула: "Людям, Наденька, нужно любовь оказать. Они ведь хотели как лучше, самое дорогое блюдо для нас приготовили. Нельзя нам за это их обижать. Ты вот жидкость попей, а мясо не трогай. А завтра, в четверг, за этот обед отпостничай. Если же мы теперь их обидим, то это уже не любовь..."

Не знаю, как другим, а мне эта бесхитростная история напоминает случай из жизни Святых Отцов, за суровой аскезой не забывавших, что любовь - выше поста!

Об ангельской доброте матушки Серафимы сохранилось много воспоминаний. Вот одно из них. Рассказывает священник Николай Этнюков, настоятель Свято-Дмитриевской церкви с. Клявлино: "Перед великим освящением храма владыкой Иоанном я очень волновался. В то время я был еще молодым и неопытным священником, а тут такое событие!.. И вдруг в день освящения приехала, несмотря на старость и болезнь, матушка Серафима.

Приехала она по велению сердца, без приглашения, чтобы поддержать меня и укрепить в этот ответственный день. Своим монашеским одеянием она украсила нам праздник. На освящении храма чувствовалась особенная благодать, исходившая от старицы. Она была воистину земным ангелом".

Надежда Михайловна Якимкина в разные годы записывала для себя некоторые изречения своей духовной наставницы. В ее тетрадке есть удивительные свидетельства духовной мудрости тольяттинской подвижницы.

"Как нам проверить чистоту сердца? - говорила она.- Если от чужой похвалы мы испытываем неловкость, неприятное чувство, то это Божье. А если будем на этой похвале заострять внимание и думать: "Вот как меня хвалят!

Значит, я на самом деле хорошая!" - то это уже вражье". Еще говорила она: "Перед духовным отцом надо благоговеть, как перед ангелом, но не привязываться к нему почеловечески - ведь он дан не для дружбы, а для спасения души... Нужно слушаться духовных отцов, ни в чем им не перечить, верить в их молитвы и в то, что ради послушания и за их молитвы Господь нигде и никогда не оставит нас". "Если хочешь иметь жизнь вечную, то ты должен быть, как сукно. Ибо как сукно белильщик колотит, топчет, чешет, моет, и оно делается белым, подобно снегу, так и мы, терпя унижения, поношения, оскорбления, должны очищаться до белизны".

"Будут искушения впереди, будут напраслины, - учила старица своих духовных детей, - но не надо этого избегать. Помните: С КРЕСТА НЕ СХОДЯТ - С КРЕСТА СНИМАЮТ! А если откажешься от одного креста, то понесешь другие три - тяжелейшие... Но Божья Матерь никогда не оставит вас!"

Дар прозорливости - таинственный, редкий дар - был дан Свыше монахине Серафиме. На то он и "дар", что дается даром. Но прежде чем получить его, много слез пролила она на молитве.

Время - условность, значимая лишь в "мире сем". Молитва же, начинаясь здесь, направлена в иной мир, стоящий выше перегородок, отделяющих будущее от прошедшего. Любовь дает "крылья" молитве и возносит ее к Творцу. Любовь выше и больше времени. Вот почему иногда на молитве мы "гадательно, как бы сквозь мутное стекло" видим за днем сегодняшним едва обозначившиеся очертания дня завтрашнего. Но у нас, любящих несовершенной любовью, если и вспыхивает на миг чувство будущего, то относится оно лишь к судьбам немногих, самых близких людей, да и то лишь в виде догадки, неясного пред-

положения. У тех же немногих, действительно, ВОЗЛЮБИВШИХ БЛИЖНЕГО КАК САМОГО СЕБЯ, дар этот может быть направлен на ВСЕХ людей. Только любовь открывает ВСЕГО человека, с его прошлым, а иногда и будущим.

Ведь чтобы познать человека - нужно его возлюбить. (Потому-то наш завтрашний день закрыт от дьявола и ангелов его; сильные в знании "психологии" нашей, не способны они заглянуть в наш завтрашний день, ибо только любви открывается "тайна времени").

Монахиня Серафима как бы стеснялась этого дара и потому скрывала свою прозорливость. И если предупреждала близких о какой-либо опасности, то всегда говорила обиняком, будто видела нечто во сне. И ее предсказания всегда сбывались.

В юности Валентина Сергеевна Дюнина работала лаборанткой на кафедре в Самарском мединституте. От подруги она часто слышала рассказы об удивительной доброте и прозорливости монахини Серафимы, но этим рассказам почему-то не верила.

Наконец, она решила съездить к ней и самой во всем убедиться. В доме у матушки всегда было много народа: кто пел канты, кто молился, а кто ждал случая о чем-то спросить старицу. Вот и в этот день в зале было много людей, но хозяйка, встретив у порога "сомневающуюся" девушку, отвела ее на кухню. Там она достала из чемодана белые перчатки и строго сказала ей: "Будешь ты золотошвейкой и будешь в своей работе находить отраду и утешение..." Много еще говорила ей старица. Когда девушка со слезами на глазах вышла в коридор к своей подруге, то первым делом сказала: "Она великая!" В то время Валентина Сергеевна не собиралась менять работу. Но через пять лет владыка Иоанн благословил ее работать портни-

хой в Самарском епархиальном управлении, а потом ей пришлось освоить профессию золотошвейки. Так сбылось предсказание матушки Серафимы.

Еще в юности Надежда Михайловна Якимкина однажды в чем-то не согласилась со своей наставницей. Та не стала ни спорить, ни убеждать. Только сказала: "Посмотрим, что скажет блаженный Степан!" Вскоре они поехали к юродивому, жившему тогда в Хрящевке. Не успели они войти в его дом, как он уже шел им навстречу и бормотал: "Надо, надо...", указывая на старицу. Было видно, что он на ее стороне...

Вскоре после женитьбы священник Николай Этнюков несколько раз приезжал вместе с матушкой к монахине Серафиме в Тольятти. В один из визитов хозяйка их встретила очень радушно, усадила за стол и подала деревянные ложки. А когда на минутку удалилась на кухню, матушка тихонько шепнула отцу Николаю: "Неплохо бы иметь от матушки Серафимы в благословение эти ложки деревянные и кастрюлю..." Когда после трапезы гости стали собираться уходить, матушка Серафима, к их изумлению, благословила новобрачных этими самыми деревянными ложками и кастрюлей!

Однажды к старице пришла соседка. "Тетя Полина, помолись! Горе у нас - украли машину", - сквозь слезы сказала она. "А ты помолись сама Архистратигу Божию Михаилу и Иоанну Воину, вот и найдется машина", - ответила ей старица. На третий день после этого разговора машина, действительно, нашлась. Пришли соседи благодарить матушку за ее молитвы, а она строго ответила им: "Да что я? Гнилушка... У меня и молитвы-то гнилые. Это Господь вам по вашей вере дал!"

Одну свою знакомую матушка Серафима предупредила, чтобы та не молилась после полуночи, а то "очень бес

пугает". Но женщина усмехнулась в ответ и вскоре забыла о наставлении. Однажды ее мать долго не приходила с работы, и она решила помолиться. Не успела она сказать и двух слов, как все иконы разом попадали со стены, но,к счастью, не разбились. Женщина была в ужасе. Тогда-то и вспомнились ей матушкины слова о том, что после полуночи "бес пугает..." Взглянула на часы: была половина первого ночи!

И вскоре в дверь позвонили - это пришла ее мать.

Когда у старицы умер брат, она неожиданно сказала своей духовной дочери: "Как я рада!" Видя удивление на ее лице, монахиня пояснила: "Доченька, я-то хоть помолюсь за него, пока жива, а его жена-то разве пойдет в церковь?"

В 1991 г. она за две недели до смерти предсказала свою скорую кончину и попросила похоронить ее в Ташле. "Ты меня будешь хоронить!" - сказала она своей духовной дочери. "Откуда вы знаете?" - "Во сне мне сказали, что Наденька меня похоронит", - как обычно уклончиво ответила матушка Серафима. Все так и случилось. Похоронили ее в Ташле, рядом с могилой блаженного Степана. На похоронах у многих людей было чувство, что монахиня не умерла, а только прилегла вздремнуть на минутку... Перед тем, как гроб опустили в могилу, одна женщина даже поправила на ней клобук...

На сороковой день эта женщина долго молилась. "Матушка, явись мне!" - просила она. Новопреставленная Серафима уже являлась во сне некоторым людям, и ей тоже хотелось еще раз увидеть свою наставницу... И вот видит она в тонком сне прекрасный хрустальный дворец. А рядом, у входа, сидят хорошо ей знакомые, ныне здравствующие люди. "Вы почему не заходите?" - спросила она. "Нас не пускают!" - был ответ. Наконец, она вошла в хрусталь-

ную залу и увидела в одной из прекрасных комнат матушку Серафиму. Была она уже не в черном монашеском одеянии, а в белой одежде, как на иконе великомученицы Варвары. Та ласково обняла ее. Но женщина вспомнила о несчастных, топчущихся у входа, и сердце ее защемило от жалости к ним.

- Матушка, а вот там люди... Ты проведи их в этот дворец! - сказала она.

После этих слов она оказалась вместе с матушкой Серафимой уже в другой - мрачной и грязной комнате. В середине ее стояла газовая плита. На огонь был поставлен кипящий котел, в котором зловеще плюхала кожура от картошки. Всюду царил неприятный, смердящий запах.

- Вот пойди к ним и скажи, что их за грехи ожидает! - строго сказала ей старица. Женщине стало страшно от этих слов, она вся съежилась. Но монахиня вновь обняла ее и сказала уже ласково:

- А потому все невзгоды надо радостно переносить и, еще живя на земле, надо готовить себя к вечности.

Это были последние слова матушки Серафимы. Видение окончилось. Женщина проснулась. Было уже утро, по комнате разливалось неземное благоухание. От дивного запаха даже кружилась голова. Вскоре женщина вышла на улицу и поехала на работу. В дороге она неожиданно ощутила тот неприятный запах, который был во сне в жуткой комнате. Но только теперь он шел не от варившейся картофельной кожуры, а от людей. Запах этот стал преследовать ее повсюду. Исходил он и от хороших знакомых, и от случайных прохожих. Тогда она в ужасе побежала в Самарское епархиальное управление на прием к владыке Евсевию (ныне архиепископ Псковский и Великолукский). Подробно рассказала ему обо всем случив-

шемся и спросила совета: "Вдруг этот запах и этот сон - вражье?" - "Это не вражье, это Божье. Господь показал тебе, как мы мерзки перед Ним, когда совершаем грех", - ответил владыка.

Вскоре этот запах пропал.

Из глубины веков дошла до нас красивая легенда о том, как Младенец Иисус строгал из дерева птичек, а они оживали в его руках и упархивали в небо... Но, и на самом деле, все, к чему притрагиваются теплые, добрые руки истинного христианина, одухотворяется и как бы оживает на глазах. В домах многих людей по сей день хранятся резные фанерки с нарисованным на них бесхитростным сюжетом: добрый медведь ест из рук преподобного Серафима. Когда матушка Серафима на радость близким людям раскрашивала эти фанерки, то всегда при этом творила молитву.

Вот почему так приятно и сейчас, спустя много лет, смотреть на эти простенькие изображения.

А еще было: в старом чулане у своей знакомой нашла матушка Серафима почерневшую от времени икону мученицы Пелагеи. Пожалела она отжившую свой век святыню и взяла к себе. Стала на нее что ни день молиться. А однажды взглянула и ахнула: на иконе-то лик прояснел! Постепенно начала поновляться, словно бы воскресать, старинная икона... И вот уже стал виден лик мученицы Пелагеи! Вскоре матушка умерла, но икона продолжала светлеть и поновляться, пока не засияла чистыми, свежими красками. Значит, со смертью не прервалась молитва за грешный мир праведницы из Тольятти. Вечная ей память!

А. Ж.

Монахиня Серафима (Денисова).

Могила монахини Серафимы.

Епископ Гурий (Буртасовский)

Преосвященный владыка Гурий (в миру Сергей Буртасовский) был сыном бедного многодетного диакона Казанской епархии; с детства он привык к лишениям и к упорному труду. В 1871 году он, будучи одним из самых усердных студентов Казанской Духовной Академии, отказался от прихода и был в возрасте 26 лет рукоположен в иеромонахи. В следующем году он окончил академию и получил степень магистра богословия.

Сразу после Академии отец Гурий был направлен преподавателем в Иркутскую Духовную семинарию. Иркутская епархия, в то время самая отдаленная и нищая епархия России, считалась безнадежной для духовной карьеры: половина населения Иркутской губернии - кочевые инородческие племена, буряты, алтайцы и хакассы, оставались буддистами, верили в бесчисленных языческих тенгри и алазоров; треть русского населения - каторжники и ссыльные. Но отец Гурий не помышлял о легкой доле. Этот высокий, сутулый и суровый монах и позднее наводил на современников некоторый трепет, он казался выходцем из времен крещения Руси: в повседневном быту он был аскетичен, а к служебным обязанностям относился с воинственной ревностью.

Должность преподавателя богословия в забытой начальством сибирской семинарии почти не отнимала сил и времени. С 1873 года отец Гурий принял на себя добровольно бесплатную и опасную должность миссионера Иркутской ду-

ховной миссии. С этого времени начались его путешествия по Дальнему Востоку.

В 1860-х годах Иркутская духовная миссия почти бездействовала; обращение в Православие бурят и монголов, преданных тибетскому Далай-Ламе и местным шаманам, было признано невозможным и преждевременным. Отец Гурий с псаломщиком и двумя казаками из новокрещенов, а порой и один, начал странствовать по неизвестным почти землям, вдоль границ Китайской империи, по агинской тайге и манчжурским степям.

Странствия его по Русскому Востоку - от Байкала до Тихого океана, от Амура до Охотского моря - продолжались без малого 20 лет. Не обращая внимания на недовольство светской власти и на противодействие бурятских нойонов, отец Гурий проникал все глубже в местности, не нанесенные на карты Российского Императорского Генерального штаба; несколько раз приходилось ему спешно бежать, так как он нечаянно нарушал в пустынных степях границу Цинской империи; китайские пограничные отряды отрубали головы любым иностранцам прямо на месте.

К 1877 году в Петербург были доложены первые результаты: Иркутская духовная миссия обратила в Православие более 10 000 бурят, основано более 15 новых миссионерских станов. В 1880 году отец Гурий был замечен в Петербурге. Его утвердили в должности начальника Иркутской миссии и рукоположили в сан архимандрита. Путешествия продолжались.

Отец Гурий чуть не погиб во время степной пурги, на стоянку его отряда в тайге нападали волки в голодную осень. В аймаках толпы разъяренных бурят грозили ему побоями; кто-то стрелял в отца Гурия из-за камней.

Кроме миссионерской работы, отец Гурий исполнял еще

должности смотрителя Иркутского Духовного училища, два года был настоятелем Забайкальской Ниловой пустыни. Работа была почти непосильной для одного человека, а архимандрит Гурий при этом по три часа в день стоял на молитве, даже носил, как вспоминают его сослуживцы, вериги под рясой.

В 1880-х годах миссионерская работа Православной Церкви по всей Империи переживала свой золотой век под ревностным покровительством Императора Александра III. На заседаниях Священного Синода отец Гурий, независимо от его воли, был внесен в тайные списки священников, подлежащих выдвижению на высшие церковные звания. В 1883 году было принято решение об основании новой, Камчатской епархии. Камчатская и Благовещенская епархия охватывали громадную территорию - весь крайний восток Империи от Чукотского моря до Японского.

На этом диком и безлюдном пространстве насчитывалось всего 30 приходов, некоторые - в сотнях верст друг от друга. А подавляющее большинство населения составляли небольшие роды чукчей, гиляков, нивхов, юкагиров, чунайцев и прочих племен, которые поклонялись луне, воронам, китовым черепам и болотной нечисти. В 1885 году на владычную кафедру этой епархии был назначен сорокалетний владыка Гурий, один из самых молодых русских архиереев.

В течение 7 лет пребывания на этой кафедре владыка Гурий проехал ее из конца в конец несколько раз; он продолжал настойчиво обращать в Православие народы, язык которых даже не был включен в реестры Академии наук. Вся жизнь епископа Гурия без остатка была отдана служению Церкви, и не оставалось ни сил, ни времени для этнографических и географических исследований. Иначе епископ Камчатский и Благовещенский занял бы почетное место

в списке исследователей Российского Востока и Севера 1880-х годов.

В 1892 году было принято решение Священного Синода о переводе Преосвященного Гурия на Самарскую кафедру. Это была одна из самых престижных кафедр России.

В 1893 году в "Самарских Епархиальных ведомостях" епископ Гурий опубликовал воспоминания о своих путешествиях.

В благоденствующей и богатой Самарской епархии он продолжал действовать так же, как в Забайкалье и на Чукотке: с апреля до ноября каждый год он непрерывно странствовал по губернии, по самым глухим и отдаленным деревням: проверял, наказывал и награждал священников, основывал новые приходы, пытался противостоять расколу и выгнать из губернии местных и заезжих проповедников штунды, евангелизма и баптизма.

Иногда в этих странствиях ему приходилось не легче, чем в Сибири: к примеру, в 1896 году в с. Старое Суркино ему пришлось обуздать толпу чуваш-язычников, которые чуть не выгнали его из деревни.

Самарская епархия всегда славилась образованными, мудрыми епископами, но этот архиерей - неутомимый, безупречный монах-воин, человек без обычных слабостей, непреклонный, по-мужичьи упрямый, был совершенно непривычен, а на самарское духовенство нагонял иногда настоящий священный ужас. Непримиримо защищая православные догматы и главенство Церкви, Гурию пришлось поссориться со светской властью, с губернатором. Он приобрел много врагов среди самарского образованного общества.

К началу века он пользовался всероссийской репутацией церковного реакционера и мракобеса; но много у него было и поклонников, были и духовные дети. Очень любило Гурия богомольное самарское купечество. В 1902 году он был пере-

веден на Симбирскую кафедру. К тому времени он был смертельно болен. Умер он в 1908 году в Симбирске в возрасте 53 лет.

В 1895 году в "Самарских епархиальных ведомостях" некий семинарист-поэт П. С. З. (стихотворец не особенно талантливый) писал о владыке Гурии:

Там, в Сибири далекой и снежной,
Жизнью своей Ты рисковал.
По пустыне холодной, безбрежной
Путешествия Ты совершал.

Те места, где нога не ступала
Просветителей, Ты просветил.
И там, где только тьма лишь зияла,
Свет ученья Христа заронил.

Кирилл Серебрянитский.

Епископ Гурий (Буртасовский).

Архиепископ Андрей (Комаров)

Духовный сын и сподвижник Патриарха Сергия, уроженец Самарской губернии, архиепископ Андрей Комаров был первым взошедшим на архиерейскую кафедру г. Куйбышева после кровавых событий революции. Смутное, безрассудное время... "Все священники и архиереи продались большевикам... Церкви безблагодатны... Православные каноны искажены..." - вот лозунги "ревнителей благочестия" тех лет. Примерно эти же лозунги звучат и по сей день.

"Никто ничего не знает..." - взволнованно писал архиепископ Андрей Комаров одному из своих духовных чад, пытающемуся критиковать "политику" церкви. Он не развеял в этом письме сомнений пытливого мирянина; сдержав себя, он поставил многоточие, за которым незримо следует главный и неопровержимый аргумент - его собственная, сполна отданная Богу и людям жизнь.

Архиепископ Андрей родился 26 июня 1879 г. в семье сельского священника. Отец его всю жизнь свою прослужил в селе Хворостянка Самарской губернии. В этом селе и похоронены родители архиепископа - иерей Андрей и матушка Серафима.

При крещении будущий архиепископ был наречен Анатолием. После окончания сельской школы он учился в Самарском Духовном училище, потом в Самарской Духовной семинарии. Окончив ее в 1901 г., он был возведен в сан священнослужителя. А первым местом службы молодого пастыря стало село Андросовка (Утевка) Самарской

губернии. Матушка его, Елена Степановна, также происходила из семьи сельского священника отца Стефана Кубарева. Влюблен в нее Анатолий был еще с отрочества. Но недолгим оказалось их супружеское счастье. Через два года после венчания матушка Елена отошла в селения праведных, оставив после себя светлую память в душе своего мужа.

Вскоре после ее смерти отец Анатолий поступил в Казанскую Духовную Академию и окончил ее в 1908 г. А в декабре 1924 г. принял иноческий постриг, получив при этом новое имя -Андрей, в честь святого апостола Андрея Первозванного. В том же году Святейшим Патриархом Тихоном он был возведен в сан епископа. Управлял Саратовской, Тверской, Астраханской епархиями, а в апреле 1939 г. был внезапно уволен на покой. И с этого самого времени, можно сказать, "кончается его жизнь и начинается житие".

После увольнения на покой ему долго не удавалось найти место для дальнейшего прохождения своей архипастырской службы. Но однажды, когда он сидел в приемной управляющего делами Московской Патриархии, в руки к нему попала папка с прошениями верующих из различных епархий. Он открыл ее и сразу же наткнулся на письмо группы прихожан Покровской церкви г. Куйбышева. В нем с искренней простотой сообщалось о многих бедах и трудностях в церковной жизни родного ему города. В случайности, как глубоко верующий человек, он не верил. Все, что явным образом выбивалось из логического порядка его жизни, однозначно считал архиепископ Андрей знаками Свыше, пренебречь которыми значило для него ослушаться самого Господа. Да и к тому же письмо это тронуло архиепископа до слез, показавшись ему исключительно

личным, адресованным только одному ему. Через несколько минут архиепископ Андрей уже умолял управляющего делами дать ему назначение в г. Куйбышев. Но было это не так просто.

ПОСЛЕ БУРИ

Теперь это кажется невероятным, но в те годы вся духовная власть была сосредоточена в Москве в руках митрополита Сергия (будущего Патриарха), а на местах управляющих архиереев фактически не было. Зарегистрировать архиерея на штатное архиерейское место с правом управлять епархией было почти невозможно. А в тех городах, где все же архиереи имелись, они были оформлены в качестве настоятелей храмов. В Куйбышеве к тому времени оставалась лишь одна действующая церковь - Покровская, и настоятельское место в ней было уже занято. И занято оно было человеком весьма и весьма "скользким" - отцом Георгием Назаровым. Законной церковной власти этот настоятель практически не подчинялся, зато превосходно ладил с властями светскими. У него везде были свои люди, которых он умел вовремя и щедро "отблагодарить". Прихожане же его побаивались и не то, чтобы душу свою, но и житейские трудности доверять ему не решались. Ко всему прочему г. Куйбышев оставался одним из немногих городов России, в которых к 1939 г. еще не до конца было сломлено и изжито обновленчество. А ведь в руках представителей этого еретического учения ("живяков", как их брезгливо называл народ) и находилась вплоть до 1937 г. Покровская церковь. Православные же христиане возносили хвалу Господу в церкви Петра и Павла. Потом обе церкви были закрыты, а через некоторое время возвращенной оказалась лишь Покровская церковь. Но к ней, по старой памяти, верующие города еще долгое

время питали внутреннее недоверие. И конечно же, небезосновательно. Дело в том, что в городе к тому времени не оставалось ни одного священнослужителя, которого, не краснея, можно было бы назвать этим высоким именем. Не стало известных проповедников протоиереев: отца Александра Бечина и отца Ксенофонта Архангельского, не стало иеромонаха Илария, проникнутого духом истинного христианского смирения и любви, не стало уважаемого протодьякона Василия Горбунова - глубоко религиозного и скромного человека. Не стало и других, менее известных, но вполне достойных своего звания священнослужителей. Все они, честно пронеся свой крест, взошли в те годы на русскую Голгофу, пополнив число небесных молитвенников за Россию. А люди, лишенные духовного руководства, как обезумевшее стадо, метались из стороны в сторону, из одной крайности впадая в другую, готовые верить каждому, и в то же время не доверяя никому. "Истинная церковь ушла в пустыню... В храмах нет благодати... Настали последние времена", - поговаривали они. И появлялись новые "учителя" и "пророки", набирали силу различные секты.

В эту-то разгулявшуюся стихию мира и решил броситься архиепископ Андрей, дабы вывести из нее на истинный путь спасения Христово стадо.

После долгой доверительной беседы с митрополитом Сергием архиепископ Андрей смог выпросить его благословение лишь на то, чтобы совершить в г. Куйбышев, так сказать, неофициальную поездку.

"АРХИЕРЕЙ ПРИЕХАЛ!.."

Известный в свое время епископ Павел Пугачевский, характеризуя архиепископа Андрея Комарова, писал, что ему была свойственна особая "мудрая простота". "Мудрая

простота" - сила несокрушимая, сила духа... Она-то и помогла ему преодолеть то, что в то время преодолеть, казалось, было невозможно.

В Куйбышеве о приезде архиепископа никто не знал. Сойдя с парохода, нежданный гость, во всем положившись на волю Божию, решил сразу же направиться к настоятелю Покровской церкви. Это была лобовая атака.

- Ваше Высокопреосвященство!.. Какими судьбами? - пораженный внезапным появлением в его доме архиепископа воскликнул отец Георгий. Архиепископ же, сделав вид, что удивлен такими словами, строго заметил:

- Как это "какими судьбами"? Ты же меня сам приглашал!

-Приглашал?.. Приглашал, Ваше Высокопреосвященство, приглашал... - сбитый с толку жалобно лепетал уже побежденный отец Георгий.

- Ну так вот я и приехал. Правда, я не получил твоего письма, но мне сообщили, что ты зовешь.

Никакого приглашения, конечно же, не было и в помине, более того - архиепископ Андрей точно знал, что настоятель Покровской церкви, потакающий обновленцам и живущий жизнью неблагочестивой, был категорически против его приезда в г. Куйбышев. Но "мудрая простота" помогла ему одержать первую победу. Уже через несколько часов архиепископ получил штатное место священника Покровской церкви. На большее надеяться пока не приходилось.

А на следующий день прихожане Покровской церкви, собравшиеся ко всенощной, не веря своим глазам, набожно крестились, завидев перед собой архиерейскую кафедру, а за ней настоящего православного архиерея. В святительском облачении, с посохом в левой руке архиепископ

Андрей ласково благословлял входящих. Для всех это было полной неожиданностью. Некоторые из прихожан даже пытались коснуться архиерейского облачения, чтобы окончательно убедиться, что это не дьявольское наваждение. Но недоумение на лицах верующих скоро сменилось радостью. Служба была торжественная. А по городу уже неслась радостная весть: "Архиерей приехал!.."

Приступая к исполнению своих обязанностей, архиепископ Андрей отнюдь не надеялся "почивать на лаврах". Но воочию представшая перед ним действительность оказалась настолько чудовищной, что смутила даже опытного архипастыря. В алтарной части, за жертвенником, он обнаружил целую кучу пустых бутылок, а на самом жертвеннике часто видел он по утрам крошки и жирные пятна, остававшиеся после ночных "бдений" его сослуживцев. Оба дьякона, с которыми должен был служить архиепископ, охальничали и пьянствовали прямо на глазах верующих. Настоятель же не только не пресекал их безобразия, но и сам был человеком далеко не благочестивым. И с этими опустившимися людьми он должен был совершать Святые Таинства, призывать прихожан к честности и любви!.. От всего этого какое-то внутреннее оцепенение и страх неожиданно охватили его. И тогда, под предлогом того, что ему нужно привезти зимние вещи, архиепископ срочно едет в Москву за советом к митрополиту Сергию... "Возвращайся и душу свою не жалей!" - таков был строгий ответ митрополита.

"Пастырь душу свою полагает за овцы". Мы как-то не задумываемся над потрясающей прямотой подобных христианских законов. Мы пытаемся обойти эту прямолинейность, понять ее иносказательно. Но смысл здесь абсолютно конкретен: за христиан отдай свою собственную душу, лиши ее надежды на будущее блаженство... Что может

быть выше такого подвига?! Вот на какую высоту самоотречения призывает Христос Своих пастырей... "Душу свою не жалей!" - это был путь Патриарха Сергия, непонятого и заклейменного при жизни и порой поминаемого с неодобрением и по сей день. Этот путь выбрал и архиепископ Андрей Комаров.

ТИХИЙ ПОДВИГ

После своего возвращения в г. Куйбышев архиепископ Андрей постарался взять на себя как можно больше служебных обязанностей с тем, чтобы остальные члены церковного клира меньше участвовали в богослужениях. Исполняя все то, что входит в обычные обязанности священника, он взял себе в правило служить без помощников практически ежедневно. Служил он и литургии, и всенощные, и панихиды, и молебны; крестил, венчал, исповедовал, причащал, отпевал... А те, кого всеми силами пытался он отстранить от святого престола, вовсе ему не противились, они лишь периодически приходили за своей зарплатой и брезгливо посмеивались, ожидая, когда "сумасшедший архиепископ сломается". Но Господь давал ему силы.

Архиепископа иногда еще беспокоила мысль о том, что служит он так просто, не по-архиерейски. Но в такие моменты ему неизменно вспоминался один страшный сон, приснившийся в первый день по приезду в Куйбышев. Этот сон владыка считал пророческим. Снилось ему, что идет он по узкой улочке и собирает гривенники с земли. "Как же так? - думает он при этом. - Ведь я архиерей, непристойно мне заниматься этим..."

Вдруг видит он перед собой на дороге мешок, полный золотыми монетами. Обрадовался, хотел уж и поднять его, но вдруг заметил поверх золота в мешке окровавленную человеческую голову. В ужасе отпрянул он от этих денег. "Нет, лучше уж подбирать гривенники", - решил он и побрел дальше.

А молящихся в Покровской церкви день ото дня становилось все больше. Причем было заметно, что увеличивалось число именно молящихся, а не приходивших лишь поглазеть да послушать. Все те, кого страшные годы гонений заставили отказаться от посещения храма, постепенно стали проявлять расположение к приехавшему архиепископу. А число желающих принять святое крещение было порой такое, что люди еще рано утром выстраивались в очередь перед церковью. Венчать же архиепископу приходилось по 20-30 пар ежедневно. Рассказывая потом об этом периоде своего служения, архиепископ Андрей, подшучивая над собой, говорил: "Только стекла тогда я не вставлял да звонарем не был. Стекла-то вставлять я не умею, а звонить полез бы. Только вот колоколов не было..."

А однажды к утрени в Покровскую церковь пришел легендарный самарский старец Тимофей Тимофеевич. Это был пожилой мирянин, пользующийся у христиан г. Куйбышева исключительным почитанием и авторитетом. Уже десяток лет, как перестал посещать он православную церковь и все это время удерживал возле себя довольно многочисленную "паству". И вот, при всеобщем молчании, поддерживаемый под руки молодыми парнями, медленно проследовал он к амвону и, преклонив свою седую голову, принял благословение от архиепископа Андрея. По сути, это была процедура передачи духовной власти...

Но зло не надолго оказалось связанным. Уже через не-

сколько месяцев настоятель Покровской церкви отец Георгий был вызван в горком для объяснения. Разговор был нешуточным, такого всплеска религиозного настроения город после захвата власти большевиками еще не знал. Порешили: "подрезать святительские крылышки незваному архиерею". Получил некоторые инструкции и отец настоятель.

На первой неделе Великого поста, в пятницу, перед началом вечернего богослужения владыка Андрей проводил общую исповедь. Он стоял на амвоне Покровской церкви лицом к народу перед царскими вратами. В это время какой-то человек неожиданно появился на амвоне за спиной архиепископа. Когда владыка, почувствовав угрозу, обернулся, неизвестный бросился на него и, схватив архиепископа за плечи, стал неистово его трясти. Лишь через некоторое время, опомнившись, прихожане оттащили нападающего и, если бы владыка не успел вовремя остановить возбужденных прихожан, неизвестному пришлось бы худо.

Второе нападение было совершено на улице Галактионовской, рядом с трамвайной остановкой. Владыка успел заметить лишь то, что нападавший был в серой солдатской шинели и кирзовых сапогах. "Когда он бил меня ногами по лицу, сапоги у него так странно болтались в разные стороны, что можно было подумать - в них нет человеческой ступни... Может быть, там были копытки?" - шутил впоследствии архиепископ. От нанесенных побоев он был вынужден четыре дня провести в постели.

А когда он, едва оправившись, пришел в церковь, там ждал его приказ местных властей об увольнении за штат. На вопрос владыки объяснить причину этого увольнения настоятель Покровской церкви отец Георгий лишь нагло

расхохотался ему в лицо и велел двум верным дьяконам "вывести этого любопытствующего за ограду".

Но "за оградой" архиепископу Андрею суждено было оставаться недолго. В связи с массовыми недовольствами прихожан церковный совет был вынужден ходатайствовать перед городскими властями о возвращении архиепископу права священнодействовать. И вскорости он вновь занял свое штатное священническое место.

Владыка знал - в покое его уже не оставят, а все эти "легкие похлопывания судьбы" есть лишь вразумительные предупреждения. "После ритуального танца эфиопов вокруг тебя ожидай заклания..." - писал он о своем предчувствии одному из духовных друзей. И он был прав. Через некоторое время последовал арест с обвинениями в подрывной антисоветской деятельности. Но Бог берег Своего пастыря. Из Москвы по настоянию митрополита Сергия был выслан специальный следователь, и, только благодаря этому неожиданному вмешательству, архиепископ Андрей смог избежать ссылки.

МУДРАЯ ПРОСТОТА

Шло время. Формально владыка Андрей по-прежнему оставался лишь священником Покровской церкви, но его руководящая рука чувствовалась уже повсюду. Хотя со стороны казалось, что все меняется как бы само собой. Кроме того, что число прихожан в Покровской церкви многократно увеличилось и все церковные службы и таинства стали совершаться неопустительно, стали происходить перемены и вовсе неожиданные. Как-то весной из Куйбышева неожиданно исчез главный враг архиепископа отец Ге-

оргий. Это было похоже на паническое бегство. А чуть позднее были получены указы митрополита Сергия о запрещении в служении еще двум церковнослужителям из "свиты" сбежавшего настоятеля. Нетрудно было предположить, чьими силами было совершено это...

Несмотря на свою столь активную и плодотворную деятельность, архиепископ Андрей умудрялся при этом оставаться "неуловляемым в добродетели". И делал он это вполне сознательно с какой-то даже настойчивостью. В доме своем он никогда и никого не принимал, любил повторять что еще Патриарх Тихон, рукополагая его во епископа дал ему следующий совет: "Ни с кем попусту не болтай и в дом свой никого не допускай". И конечно же, архиерей, избегающий разговоров и встреч, не мог не казаться странным. Но то, что скрывалось за этой внешней безучастностью, знали немногие. Эти немногие близкие к нему люди позже рассказывали, что порою целые ночи напролет простаивал владыка на коленях в переднем углу, молясь за облегчение жизненной участи одного какого-нибудь нерадивого мирянина или за излечение от коклюша вовсе незнакомого ему ребенка. И множество достоверных свидетельств говорит о том, что молитвы эти были богоугодны.

Но были случаи, когда без личного деятельного участия было не обойтись.

В конце 1940 г. в доме одного самарского инженера стали постоянно организовываться бесплатные обеды для семей репрессированных церковно- и священнослужителей. Имя главного благотворителя долго держалось в тайне, пока не назвал его хозяин этого дома, размягченный слезными просьбами женщин. Узнав, что кормильцем их является сам владыка, растроганные женщины сразу же поспешили к нему со словами благодарности. Архиепископ Анд-

рей прервал их излияния на полуслове: "Я... Да вы в уме ли? Мне самому есть нечего... К властям идите со своими нуждами. Мне и дела до вас нет..." Женщины, не веря своим ушам, отпрянули от владыки.

Примерно такой же случай произошел после того, как прихожане Покровской церкви, узнав о запрещении в служении двум неблагочестивым дьяконам, пришли к владыке выразить свою признательность. Они знали наверняка - заслуга в этом принадлежит исключительно архиепископу. Но владыка, сделав вид, что вовсе не понимает, о чем это ему говорят, стал неожиданно сожалеть о запрещении этих церковнослужителей и даже хвалил их...

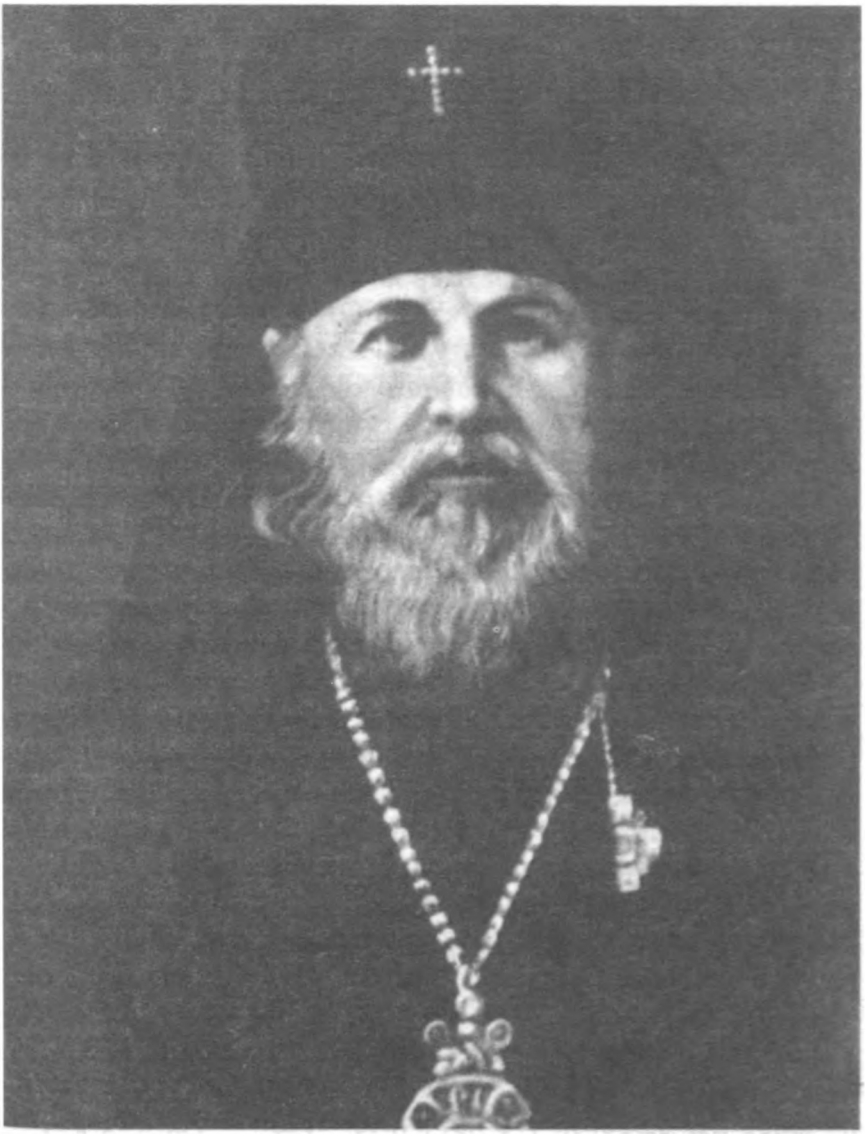
"Мудрая простота" архиепископа Андрея была тем безумием и соблазном, которые с древних времен и поныне не может вместить в себя расхристанное человечество. Да и как объяснить сознательное, граничащее с юродством, самоуничижение архиерея - того, кто, казалось бы, все влияние свое должен строить на любви и почитании народа... Не было "отказа от истины во имя счастья людей", не было и безропотного подчинения властям под давлением чувства самосохранения, а было твердое убеждение - когда корабль терпит крушение, не время клеймить в преступной недобросовестности команду - надо спасать людей.

В декабре 1941 г. архиепископ Андрей неожиданно получил указ о перемещении его на архиерейскую кафедру г. Саратова. По существу, это было равносильно увольнению на покой, так как во всей Саратовской епархии в то время не было ни одного действующего храма. О причине такого внезапного отстранения архиепископа от дел можно лишь догадываться. По-видимому, здесь сработал тот спасительный механизм, которым часто пользовалось в те годы церковное руководство. Суть его заключалась в том,

что наиболее деятельных пастырей и архипастырей старались как можно чаще перебрасывать с места на место, дабы местные комиссары не успевали набрасывать на них удавки уголовных и политических дел. А так как архиепископ Андрей в Куйбышеве уже "засветился", надежды на то, что его оставят в покое, практически не было.

Ни цветов, ни слез, ни молитвенных воздыханий не было на железнодорожной платформе, когда садился архиепископ Андрей Комаров в вагон поезда, отправляющегося в Саратов. Удивительно легко расставалась Самара с ангелом своей церкви... Ни прижизненным почитанием, ни посмертной памятью не отметила Самара того, кто в трудные годы сумел укрепить в ней православный дух, кто по "гривеннику" собрал для нее духовное богатство...

И. М.



Архиепископ Андрей (Комаров).

Священник Александр Щербаков

Александр Николаевич Щербаков родился в 1877 г. в Самаре в семье священнослужителя. Отец его умер рано, оставив на попечении жены - матушки Александры - троих детей. Все они выбрали путь духовного служения Православию: Петр стал сельским священником, но до старости не дожил - умер перед революцией; Евфалия вышла замуж за человека, ставшего батюшкой, и помогала ему нести пастырский крест; Саша поступил в Самарскую Духовную семинарию. Во время учебы он, имея музыкальный слух и прекрасный голос, регентовал семинарским хором. Любовь к церковному пению осталась у него на всю жизнь.

После окончания семинарии Саша служил сельским учителем. В то же село по промыслу Божьему приехала работать, окончив Астраханское епархиальное училище, девушка с таким же именем - Саша. Она была сиротой и воспитывалась у бабушки. Молодые люди понравились друг другу. Александр решил принять священнический сан. Невеста поддержала его в этом решении. Александр и Александра обвенчались, а вскоре его рукоположили во диакона, а затем в иерея. Направили молодого батюшку на приход в село Августовка Больше-Черниговской волости. Церковь там была уже старая, ветхая, для богослужений малопригодная. За короткое время отец Александр с Божией помощью выстроил новый храм, а для его росписи пригласил даже столичных живописцев.

Жилось молодому батюшке со своей матушкой трудно. Жалованья ему не платили, хозяйства они не держали. Деньги за требы да церковные сборы являлись единствен-

ным источником их существования. А тут один за другим пошли дети: Наташа, Саша, Алеша, Вера, Оля, Сережа (никого из братьев в живых не осталось: старший, Александр, был замучен в фашистском концлагере, средний, Алексей, скончался от тяжелой болезни в ссылке, младший, Сергей, погиб на фронте во время Великой Отечественной).

Отец Александр, получивший прекрасное классическое образование, сам учил детей, вел у них уроки по программе средней школы, задавал им домашние задания, кроме того, занимался с ними музыкой - в доме у батюшки стояло пианино. Когда он уезжал по делам в Большую Черниговку, то уроки у старших проверяла матушка. Дети эти моменты очень любили, потому что проверка всегда проходила на ходу: во время стирки белья или приготовления обеда. А отец домашние задания спрашивал строго. С ранних лет отец Александр приучал детей к келейной молитве. Становился вместе с ними перед образами и заставлял то одного, то другого читать утренние и вечерние правила. Соседские священники с уважением говорили ему: "Ты столько много времени уделяешь детям. Как у тебя только хватает терпения?" Позже, когда старшая дочь отца Александра Наташа поступила учиться в Самару, один старый еврей, учитель литературы, с удивлением спросил девушку: "Какие у тебя глубокие познания в литературе! У кого ты училась?" "У отца", - смущенно ответила Наташа. "А кем он был?" Дело было уже в советское время, и девушка, замявшись, сказала: "Сельским учителем".

Приход у отца Александра не был богатым, но он старался держать его на высоте. Умение регентовать и отличное знание гласов позволили ему создать хороший церковный хор.

Как-то из далекого сибирского монастыря к нему при-

ехала погостить инокиня Параскева. А вскоре начались октябрьские события 17-го года. Она осталась в Августовке и взялась за руководство хором. В небольшой просфорной пекла просфоры украинка баба Дока. Сторож дед Тимофей одновременно исполнял обязанности звонаря.

Как это ни странно, октябрьский переворот 1917 г. отец Александр встретил с воодушевлением и с надеждой на лучшее. Он даже ездил на волостной съезд, где выступил с докладом о бедственном положении священства на селе. Однако очень скоро отец Александр понял, что у новой власти под овечьей шкурой скрывается волчья пасть.

В 1918 г., когда прокатилась первая волна гонений на Церковь, из волости ему пришла бумага, в которой как-то буднично, как о чем-то малозначительном сообщалось: "Просим явиться такого-то числа к стольки-то часам в Больше-Черниговское отделение ЧК на расстрел"(!). Отец Александр благословил домашних, попрощался с ними. Дед Тимофей запряг лошадь и повез опального батюшку в Большую Черниговку. Родные уже оплакали его, как вдруг на следующий день дед Тимофей и отец Александр возвращаются назад. Господь явил чудо. Оказалось, что главный чекист влюбился в дочку Больше-Черниговского священника и стал за ней ухаживать. Она-то и попросила своего кавалера не брать грех на душу и отпустить ни в чем не повинных батюшек...

Однажды во время гражданской войны к отцу Александру бесцеремонно ворвались красные и, указывая на пианино, потребовали: "Поп, давай нам музыку! Мы унесем ее в сельсовет". Батюшка мягко возразил: "А кто же там на нем играть будет?" "Да вот, хотя бы и она", - кивнули большевики в сторону Наташи. "Да в сельсовете же все равно инструмент сломают", - не соглашался отец

Александр. "Это не твое дело, поп", - обрезали его любители музыки.

Батюшка написал жалобу в уездный город Николаевск (Пугачев), упирая на то, что пианино - народное достояние, а в сельсовете его обязательно испортят и нанесут тем самым ущерб государству, он же сохранит инструмент в целости и сохранности. Каким-то образом это письмо дошло до Крупской, и в сельсовет Августовки пришла официальная бумага с требованием оставить пианино в доме священнослужителя Щербакова...

В начале двадцатых годов в Русской Православной Церкви начались нестроения. Появились так называемые обновленцы, или живоцерковники. У глубоковерующих людей они вызывали неприятие и даже насмешки.

Отец Александр Щербаков обновленчества не принял, хотя некоторые близкие ему священники, с которыми его связывали дружеские отношения, например, отец Петр Флеринский из Большой Глушицы, ставший впоследствии епископом Павлом, проявили слабость в этом отношении.

Отец Александр твердо отстаивал чистоту Православия и пострадал за это, но не перешел в мифическую "живую церковь". В 1924 г. к нему в храм прислали служить диакона, так как батюшка служил один, с певчими и псаломщиком. Но отец Александр отказался с ним совершать службу. Дело в том, что новый диакон когда-то был сельским лавочником, глубоко верующим в Бога человеком, часто посещал церковь. В конце концов он решил оставить торговлю и стать священнослужителем. Однако у него было одно существенное препятствие: он схоронил жену и женился во второй раз. Тем не менее обновленцы рукоположили его во диакона. Августовский батюшка не признал такую хиротонию действительной и не принял диакона-второженца. Тогда советская власть, в лице сельсовета,

поставила отцу Александру ультиматум: или служи с новым диаконом, или мы закроем церковь. Отец Александр, как ни тяжело ему было оставлять храм, в котором прослужил четверть века, оставил его, но истине не изменил. Вместе с многочисленной семьей в 1926 г. он переехал в Сухую Вязовку и стал служить на новом месте.

В Сухой Вязовке батюшка служил редко, все больше находился в тюрьмах. Забирали его часто. Пытались "перековать" в советского человека: предлагали отречься от священства и стать преподавателем. "Мы дадим вам квартиру, приличное жалованье, позаботимся о ваших детях", - ласково нашептывали ему. Но отец Александр, как и большинство священнослужителей, отказывался от этого. Лишь немногие не выдерживали искушения. В тюрьме вместе с ним сидел один знакомый священник. Он "по-дружески" увещевал отца Александра: "Слушай, ну хватит нам уже морочить людям головы, не те времена. К чему нам теперь священный сан?" Позднее этому священнику, снявшему с себя крест Христов, разрешили ехать в ссылку... в столичные города. А по тюрьме он ходил, в отличие от других, совершенно свободно.

Жили Щербаковы в Сухой Вязовке очень бедно, питались тем, что им приносили сердобольные крестьяне. Отцу Александру приходилось здесь нередко переживать и чисто духовные искушения. В селе жило много сектантов - баптистов и хлыстов. Баптисты приходили к крыльцу дома, в котором жил батюшка с семьей, и устраивали молитвенные песнопения. Отец Александр, проявляя духовную мудрость, ни разу не вышел к ним.

В 1928 г. его арестовали и осудили на два года тюрьмы. После освобождения его направили служить в с. Заплавное Борского района, но отец Александр не угодил советской власти и там. В 1931 г. его выслали в Таджикистан,

в местечко Бек-Буди. Следователь отобрал у отца Александра Евангелие и Псалтирь. Он очень переживал из-за этого, пока сидел перед высылкой в одной камере с уголовниками. Они спросили батюшку, который разговорами о Боге вызвал у них уважение: "Отец, о чем ты все время печалишься?" И когда узнали причину, на следующий день принесли ему пропавшие книги. Каким образом уголовники выкрали их у следователя - неизвестно.

В Бек-Буди Щербаковы с младшими детьми жили в землянке. Старшая дочь Наталья осталась в Самаре, работала учителем в школе и всю зарплату отсылала родителям в ссылку. Однажды она купила на всю получку топленого масла и поехала их проведать. Когда приехала и зашла в землянку, то увидела отца, лежавшего с опухшими ногами. Наташа каждый день ходила на рынок и меняла масло на хлеб. Уезжая обратно в Самару, она взяла с собой младшего Сережу. Матушка Александра с болью в сердце сказала ему: "Сынок, как же ты от отца с матерью уезжаешь?" А тот ответил: "Мама, прости, но я кушать хочу!" Часто на городок нападали басмачи и особенно жестоко издевались над русскими, но отца Александра с матушкой и детьми по воле Божией в этот момент не оказывалось дома.

В 1936 г., с принятием новой Конституции СССР, ссыльным дали некоторую свободу, и Щербаковы переехали сначала в г. Ката-Курган, а затем в Самарканд.

Отец Александр больше всего страдал в ссылке оттого, что не мог совершать Богослужений. Уже будучи в Ташкенте, он написал архиепископу Луке Войно-Ясенскому, и тот благословил его служить дома, выслав для этой цели антиминс. Отец Александр отгородил занавесью в углу комнаты "алтарь" и каждый день совершал службы. Псаломщицей у него была матушка, она же выпекала просфо-

ры. "Кагор" покупали в магазине. В качестве прихожанки выступала дочь Ольга, жившая в то время с ними.

В ссылке отца Александра посещал священник Константин Самуилов, тоже репрессированный, с которым они были давно знакомы и племянница которого Наталья Сергеевна Самуилова, стала впоследствии духовной писательницей.

После войны, в 1946 г., Наталья Александровна, бывшая замужем за известным самарским художником Борисовым, имевшим большую квартиру в центре города, привезла больных родителей к себе. Их не хотели прописывать, и лишь мужу Натальи Александровны удалось все оформить. Архиепископ Алексий, возглавлявший тогда Куйбышевскую епархию, благословил отца Александра служить, но он отказался из-за сильной болезни и сердечных приступов, случавшихся у него. Владыка разрешил 69-летнему батюшке уйти за штат и назначил пенсию. Тогдашний настоятель Покровского собора почему-то посчитал, что отец Александр симулирует и постоянно упрекал его за то, что тот не служит. А страдалец за православную веру, который мог умереть в любой момент, действительно вскоре отошел к Богу.

Впрочем, искушения не оставили его и после смерти. Настоятель Покровского собора отказался отпевать отца Александра как священника (!), потому что он необоснованно, по его мнению, ушел за штат. Пришлось больной матушке ехать на прием к владыке и объяснять ситуацию. Владыка благословил отпевать отца Александра в Покровском соборе по иерейскому чину. Отпевал исповедника Православия протоиерей Иоанн Фомичев.

Сергей Гусельников.

По воспоминаниям дочерей отца Александра Щербакова: Натальи Александровны, Веры Александровны и Ольги Александровны.

Священник Александр Щербаков.

Странница Иоанна (Коновницына)

В июле 1992 г. в Химках, под Москвой, я беседовал с Павлом Александровичем Чемодуровым. По семейному преданию, он - потомок шотландских рыцарей, русский дворянин - из древнего, знатного и трудолюбивого рода. Для Самары Павел Александрович - принц крови: он правнук и внук губернских предводителей самарского дворянства, сын уездного предводителя - предки его землями под Самарой владели 200 лет назад. Родичи Павла Александровича - во Франции, Австралии, США, Перу... При желании он может высчитать без особых трудов свое родство с королем Бельгии. Бабка - Протасьева, от бояр Великого Новгорода; мать - урожденная Кисловская, от князей смоленских из рода Рюрика.

Павел Александрович Чемодуров - один из последних свидетелей чудесной, похожей на предание первых веков христианства, жизни инокини Иоанны и пребывания ее в Самарской губернии.

В 1922 г. в село Толстово-Богородское в нынешнем Кинель-Черкасском районе Самарской губернии переселились из голодной Самары два чудом спасшихся брата - Александр Александрович Чемодуров и Николай Александрович Карамзин (внучатый племянник историка). Оба были в прош- лом богатыми помещиками и предводителями дворянства Новоузенского и Бузулукского уездов. Уездным предводителям было по 30 лет, и они были обременены многочисленными семействами. Произошло то, что, кажется, могло произойти только в России. Предводители дворянства - по образованию агроном и инженер-строитель - приписались к крестьянскому обществу, распахали землю, купили на двоих двух лошадей и корову, запрудили речку, поставили мельницу - и через год основали

крепкое и сытое крестьянское хозяйство, заслужив уважение мужиков окрестных сел.

К окрепшему гостеприимному дому Карамзиных-Чемодуровых стали понемногу собираться родственники из растерзанных, загнанных в подполье аристократических семейств. И зимой 1927 г. к ним в Богородское впервые пришла - с неизменным посохом и котомкой - инокиня Иоанна, странница.

Ее приняли - скрытно, поселив на заднем дворе, - с радостью и гордостью, как живую святыню и как близкую род- ственницу: мать Иоанна приходилась родной теткой жене А. А. Чемодурова. Смиренная мать Иоанна (в миру - графиня Елизавета Васильевна Коновницына) в прошлом принадлежала не просто к высшему свету, а к узкому дворцовому кругу - кругу друзей Императорского Дома. Род ее по отцу - Протасьевы - насчитывал полутысячелетнюю историю, а род мужа - графа Коновницына - был одного корня с Романовыми. Муж ее, молодой граф Коновницын, светский офицер, состоял адъютантом при дяде Царя, Великом Князе Сергее Александровиче. И вместе с Великим Князем в 1905 г. он был в клочья разорван бомбой революционеров-террористов. Супруга Великого Князя, знаменитая Великая Княгиня Елизавета Федоровна, канонизированная Русской Православной Церковью, простила убийц и одела иноческое облачение. Ее близкая подруга, графиня Елизавета Коновницына, которой тогда было лет 26-27, последовала ее примеру и в обители под Москвой постриглась во иночество с именем Иоанна.

В 1918 г. женская обитель была разгромлена, а царственная игуменья расстреляна в Алапаевске. Инокиня Иоанна скрылась и дала обет странствия. С тех пор она, нигде не задерживаясь надолго, бродила по России посреди войны и голода - с посохом и котомкой, в черном одеянии. Мать Иоанна ходила только пешком, никому никогда не позволяя себя подвезти.

Родственники и тайные ее почитатели по всей стране относились к матери Иоанне с особенным, боязливым благоговением. По общим отзывам, у инокини был особенный, чудесный дар - дар странницы.

Павел Александрович Чемодуров, непосредственный свидетель - математик, верующий-рационалист - говорил мне об этом с некоторым недоумением. Мать Иоанна за короткое время, пешим ходом (в чем никто не смел сомневаться) переносилась на огромные расстояния: в течение нескольких месяцев ее встречали у сосланной родни за Якутском, в госпиталях в Москве, в монастыре у скрывающегося кузена-князя в Новгородской губернии, у умирающей с голоду тетушки в Рязани - и всем она успевала помочь. Про себя она говорила: "Бегаю". "Ну, благослови вас Христос, Сашенька, - говорила она в Богородском А. А. Чемодурову, - живите с Богом, а я в Москву сбегаю, с Божьей помощью к посту вернусь".

И в Толстово-Богородском, в богоспасаемом гнезде дворян-пахарей, она не жила, а появлялась и вскоре исчезала. В невероятно трудные времена инокиня Иоанна укрепляла духовно многих потомков выбитых, унижаемых, уничтожаемых дворянских семей - и не только дворянских. У нее, как вспоминает Павел Александрович, были друзья-странноприимцы среди самарских крестьян, в том числе и в окрестных селах, у своих друзей-монахов она часто бывала где-то за Тамбовом.

В 1930 г., в феврале, богородские мужики однажды ночью толпой пришли к Чемодурову и Карамзину предупредить - надо спасаться, идет колхоз, дворян арестуют в ближайшие часы. Обе большие семьи и тетушки Кисловские, жившие с ними, мгновенно бросили ставшее за восемь лет родным хозяйство и побежали в ночь в Кинель-Черкассы, где их укрыли с опасностью для жизни знакомые крестьяне.

В Кинель-Черкассах мать Иоанна ушла от родни, как ни просили ее остаться, пообещав вернуться через несколько дней. Но буквально на следующий день всей большой семье, переодетой в зипуны, пришлось снова бежать, путая следы, - сначала к Оренбургу, на станцию Толкай, потом в Самару, к родне. По окрестным селам мчался спецотряд ЧК.

Убегая, все тосковали о матери Иоанне - она могла вернуться в Черкассы и угодить прямо к чекистам, которые за ней

давно охотились.И тут случилось чудо, которому Павел Александрович сам был очевидцем. Вечером в Самару добралось измученное семейство Чемодуровых-Карамзиных, а утром прямо на квартиру, адрес которой тщательно скрывали, пришла с посошком мать Иоанна. В бездорожье, по февральским заносам она за сутки прошла пешком от Кинель-Черкасской слободы почти 130 километров!

В марте 1930 г. семьи перебрались в Москву, навсегда оставив Самару. Мать Иоанна "убежала" в Москву раньше, еще зимой. На протяжении еще 10 лет ее видели по всей России; она отошла к Богу в середине 1940 г. в Рязани, в квартире своей дальней родственницы Дорошенко - из рода гетмана Украины. Кроме родственников и случайных страннопримцев тогда о жизни матушки мало кто помнил.

Когда мать Иоанна проживала в Самарской губернии, ей было уже более 50 лет, а выглядела она намного старше, совсем старушкой, в полумонашеском глухом платье и черном платке. Жила она очень просто, много молилась и была малоразговорчива, хотя и очень добродушна - все ее любили. У Павла Александровича бабушка не оставила впечатления религиозной проповедницы, монахини - просто тихая, очень скромная и простая пожилая женщина, которая больше всего боялась быть кому-то в тягость. И при этом - ощущение странной мистической силы, исходящей от нее, и почти невероятной свободы: когда появлялась графиня-инокиня, исчезал страх, давивший всех постоянно.

У Павла Александровича до сих пор хранятся фотографии графини Елизаветы Васильевны в молодости - приятной скромноизящной дамы в белом - и ее прелестной дочери. Дочь матери Иоанны, графиня Наташа, Наталия Коновницына, родилась в 1891 г., она училась в Москве, где жила у вельможной родни. Тяжкие времена графиня Наташа, уже взрослая женщина, пережила за границей и еще в 20-е годы посылала из Парижа в Богородское безответные письма, где просила сообщить ей что-нибудь о матери. Отвечать ей уже было нельзя.

Кирилл Серебрянитский.

Люди Божии

(Из старых тетрадей)

За последние годы в нашем редакционном столе накопилась целая связка истрепанных, слегка пожелтевших тетрадей. В них собраны воспоминания разных людей о подвигах и чудесах современных подвижников веры. Чаще всего эти записи передавали нам сами авторы. Другие попадали к нам безымянными, в сотый раз уже переписанными и зачитанными до дыр. Но и те, и другие были дороги нам, мы берегли их в надежде, что в будущем они смогут помочь в составлении более полных жизнеописаний тех лиц, которые там упомянуты. Но держать под спудом такое сокровище трудно. И потому мы предлагаем вам прочитать эти удивительные рассказы - живые свидетельства исполнения веры в том виде, в каком они есть. Они очень просты, безыскусны, наивны. Но часто за внешней наивностью и простотой вдруг открываются нам сокровенные грани духовных предметов.

И пусть не смущает вас то, что имена некоторых старцев-подвижников здесь не указаны. Имена их Господу ведомы, будет воля Его - они нам откроются.

И. М.

Из тетради Анны Ивановны Федотовой.
Самара, февраль 1992 года

ВЕРА-МОЛИТВЕННИЦА

Многие верующие во Христа жители нашего города знали Веру Леонтьевну Гурееву. Она часто бывала в Самарском

Покровском храме, иногда - в Петро-Павловском. В 1957 г. по Божьему промыслу мне довелось познакомиться с ней. В то время мой муж находился в больнице, что возле Покровского храма. Навещая его через день, по пути заходила я и в церковь. Муж мой скончался. Помяни его, Господи! Грешники мы, горе нас лечит... После похорон я стала бывать в Божием храме почаще.

Однажды стою возле свечной лавки, задумалась, в это время в храм внесли гроб, а я, жуть как, боюсь и гробов, и покойников, сама не знаю, откуда это у меня. Собралась я уходить, но тут подходит ко мне Вера-молитвенница, берет меня за руку и ведет прямо к гробу. "Не бойся, святая она", - говорит. Я смотрю, а бабулька-покойница, и впрямь, как невеста Христова, лежит в белом саване, с иконкой и цветочками алыми на груди. "Дотронься до нее и не будешь бояться", - говорит настоятельно Вера. Я послушалась. И после этого случая перестала бояться покойников. Люди праведные во гробе такие красивые, во временной жизни такой красоты не бывает, а грешники - они безобразны (без Образа Божьего), но не страшны.

Как-то после вечерни подходит ко мне Вера и говорит: "Ты домой пока не спеши". Проходит более часа, я волнуюсь, поздно уже, а живу я в Чапаевске, как домой доберусь? Вновь подходит ко мне Вера-молитвенница: "А теперь поезжай, я молиться за тебя буду". Рассердилась я на себя, чего так долго ждала. Едва успела на последнюю электричку. В Чапаевске оказалась далеко за полночь, а до дому еще километров двадцать по безлюдной дороге идти. Ночь безлунная, ветер воет, как пес, иду, а сердце в груди вот-вот разорвется от страха. Но тут словно вспыхнуло что надо мной, и дорога стала освещена. Как будто мощный прожектор зажегся, но ни сзади, ни над головой я ничего не увидела, темнота непроглядная. По чудесным образом освещенной дороге дошла я до самого дома и слова Веры Леонтьевны все вспоминала: "...молиться за тебя буду".

Вера часто носила у себя на спине икону Целителя Пантелеимона (закрепляла ее на веревку и закидывала за плечи). Однажды она настояла на том, чтобы я купила в церкви точно такой же образ. Я была немного расстроена, так как у меня и без этого денег на жизнь не хватало. Но потом от этой иконы я получила чудесное исцеление. Было так: поранив себе молотком указательный палец, я никак не могла остановить кровотечение, да и боль была нестерпимая. Долго металась я по квартире, пока не вздумалось мне приложить свой окровавленный палец к бумажной иконе Целителя Пантелеимона, той самой, что была куплена по настоянию Веры. Сама не знаю, как пришла мне в голову эта мысль. Кровь тут же забрызгала всю икону. А через мгновение случилось невероятное - боли не стало, кровотечение прекратилось. Но что самое удивительное - бумажная икона св. Пантелеимона, обильно пропитанная моей кровью, тут же вся обновилась, и капельки крови на ней не осталось. Все это, вместе со мной, видел мой сын. Эта икона до сих пор хранится в моей квартире.

Много искушений терпела я от мужчин после смерти супруга. Однажды Вера заметила мне, что искушения эти очень опасны, и обещала молиться, чтобы Господь уберег меня от падения. После ее обещания я вернулась домой и стала свидетельницей удивительных перемен. Все те, кто не давал мне проходу, кто бесстыдно ко мне приставал и навязывался в сожители, вдруг стали ко мне равнодушны. Они перестали смотреть на меня с любострастием. Поначалу меня это даже пугало, я была еще молода, но спасать свою душу так было удобнее.

Как-то надумали мы всей семьей переехать в Донецк. Но перед тем, как отправиться в железнодорожные кассы, я решила сходить в Божий храм попросить у Веры Леонтьевны совета по поводу переезда. Пришла в Покровский собор, а мне дедушки Павел и Александр говорят, что Вера-

молитвенница заболела и в церковь не ходит. Расстроилась я, но что делать. На билеты у меня не хватило, и я пошла в Госбанк, чтобы снять нужную сумму со сберегательной книжки. Сворачиваю я с улицы Ленинградской на Куйбышева и вдруг натыкаюсь на Веру Леонтьевну. "Искала меня?!" Я молчу, растерялась, а она: "Поезжай в свой Донецк без семьи. Господь тебя вразумит..." Ослушаться Веру я не решилась и в Донецк поехала без семьи. А там у меня ни с того, ни с сего разболелись ноги, давление поднялось, дышать стало трудно. Через несколько дней, дивясь прозорливости Веры Леонтьевны, я вернулась в Самару.

К сожалению, я не так много знаю о Вере Леонтьевне. Знаю еще, что родилась она в 1901 г. и какое-то время жила в Бузулуке, где общалась с известной блаженной Анной Васильевной. Знаю, что несколько раз она попадала в психбольницу в Томашевом Колке. Знаю, что ее высоко ценил батюшка Николай Фомичев *. Вот, пожалуй, и все, что я знаю. Умерла Вера Леонтьевна 26 мая 1968 г. Кончина ее была удивительной. Вера всегда причащалась в субботу, но однажды подошла к Святой Чаше на день раньше.

- Почему ты причащаешься в пятницу? - спросили ее прихожане.

- В субботу меня с вами не будет.

- А где же ты будешь?

- В Небесном Иерусалиме.

На следующий день Вера сказала:

- Надо успеть до двенадцати.

Она попросила ее искупать и одеть в чистое платье. Ровно в двенадцать Вера сама легла на кровать, взяла свечу и, широко улыбнувшись, мирно почила. При виде такой блаженной кончины все почитатели Веры сильно плакали от умиления.

* Протоиерей Николай Фомичев, клирик самарского Покровского кафедрального собора, умер 25 октября 1993 г. Упокой, Господи, его душу!

Из воспоминаний протоиерея Иоанна Державина

После рукоположения во диакона я приехал к себе на родину, в Тверскую область. Вскоре я должен был ехать в Самару по вызову самарского владыки. Он хотел познакомиться со мной и направить на служение в Сызрань. До этого я только однажды был в Самаре, во время службы в армии. Города толком не видел. В самарские храмы не заходил. И вот снится мне удивительный сон. Будто я лечу в небе, а подо мной большой, красивый город - Самара. Сверху я вижу дома размером с кубики. Внизу две церкви: Покровская и Петро-Павловская. Вдруг слышу голос: "В этой церкви (с зелеными куполами) ты будешь служить". В то время зеленые купола были у Покровского собора. Я проснулся.

Вскоре я вместе с матушкой отправился в Самару. С поезда мы сошли уже ближе к вечеру. Ночевать нам было негде, и мы сразу пошли пешком в Покровский собор. Ворота храма были уже закрыты. Но зато возле них нас ожидала странная пожилая женщина в длинном белом платье. Я посмотрел на храм и удивился. Это был тот самый храм с зелеными куполами, про который мне было во сне возвещено, что я в нем стану служить. Женщина в белом платье подошла ко мне и сказала: "Вы у нас будете служить. А сейчас я вас отведу на ночлег". Она повела нас в епархию, которая располагалась неподалеку (ул. Некрасовская, 95). Женщина позвонила в дверь. Нам открыла сторожиха. Наша провожатая объяснила ей, что я - диакон, буду здесь служить и мне негде ночевать. Сторож, Анна Леонтьевна, - пустила нас на ночлег. А женщина сразу ушла. Я спросил о ней у Анны Леонтьевны.

- Это блаженная. Вера-молитвенница. Ее у нас в Самаре многие почитают, - ответила она.

Утром за мной пришел самарский владыка Митрофан.

- Ну, прибыли. Хорошо. Завтра со мной будете служить, - сказал он.

Утром следующего дня я пришел в собор, облачился. Стал участвовать в богослужении. А после службы меня подозвал епископ Митрофан и объявил:

- Я Вас в Сызрань не пошлю! Будете тут со мной служить. В Покровском соборе!

Вот когда мне припомнился тот сон! Припомнились и слова молитвенницы Веры...

Однажды я приехал в Самару из с. Высокое, где в то время служил, и остановился опять в епархии. На обед сторожиха пригласила блаженную Веру. Та села со мной рядом и стала говорить:

- Я такая в детстве была: положат передо мной пирог с телятиной - в меня душа телячья лезет. Есть не могу...

Я удивился. Ведь это она про меня говорит! Я в детстве мясо есть не любил. А курицу и вовсе не ел никогда. Даже и сейчас ее вкуса не знаю.

Вот какая была прозорливая молитвенница Вера!

Вера Гуреева (сидит справа) в семье Кухаревых. Самара, 1941 г.

Из тетради Анны Семеновны Крюковой.
Самара, ноябрь 1994 года

УБОГАЯ КАТЕНЬКА

Жила в селе Пятино Инзенского района Ульяновской области семья Борисовых. Отец Илья, мать Ульяна и две дочери: Катенька и Мария. Все были единого духа Христова, души чистейшие. Но особо выделялась из них убогая Катенька. От рождения Катенька была неходячей. Их семья была раскулачена. Голодали. Отец смастерил маленькую тележку и возил в ней убогую Катеньку в село Оськино на церковную паперть. Для девочки паперть была домом и школой. Когда Катеньке было 12 лет,к ней уже шли за советом. По внешнему облику возраст ее определить было трудно, а по духу она была старица.

Особенно славилась святая вода, взятая у Катеньки. Каждый день в доме Борисовых стояли пустые бутылки и банки. Наливая в какую-нибудь из банок святую воду, взятую в церкви, мама спрашивала Катеньку: "А этот зачем берет?" "У него зубы болят. Помоги ему, Господи!" - отвечала убогая Катенька. И так с каждой бутылкой.

Несколько раз я ночевала в доме Борисовых. Хозяева были очень приветливы, всегда вдосталь кормили и давали с собой на дорогу. Все члены семьи строго постились и соблюдали полунощницу.

Был случай, меня попросили посадить Катеньку на ведро. Я очень боялась, что не смогу поднять Катеньку или вдруг уроню ее. Но я взяла ее под руки и подняла, как пушинку. Мне показалось, что она была невесомая, словно бесплотная. Я трепетала, когда была рядом и видела, как большой таракан старательно очищал Катенькин глаз. Я хотела смахнуть таракана, но Катенька улыбнулась мне

и возразила: "Не тронь его, он мне служит".

Умерла Катенька Борисова 26 апреля 1983 года.

СТАРЕЦ ИВАН ПАВЛОВИЧ

Родился Иван Павлович в селе Белое Озеро Ульяновской области. В свое время родители подыскали ему невесту и назначили день сватовства. Иван же совсем не хотел жениться, а хотел служить только Богу. Всю ночь накануне сватовства юноша слезно молился, а наутро у него на ноге возник гнойный свищ. Долго ждали, пока заживет эта рана, но напрасно. Свадьба расстроилась. А свищ так и остался. Ходил Иван Павлович еле-еле. Вязал на семью шерстяные носки. Смиренный был человек. Занимаясь вязанием, удобно было ему творить молитву Иисусову, и Иван непрестанно молился. Петелька за петелькой - так и восходил он к Горнему Иерусалиму. Люди стали замечать за ним мудрость духовную и прозорливость. Ходили к нему за советами.

Однажды его привезли в село Верхне-Свияжское к дьякону Стефану (отца Стефана в 30-е годы большевики расстреляли). В этом селе жила моя бабушка. В то время злые люди обвинили ее в поджоге соседнего дома. Освирепевший народ хотел ее даже в огонь тут же бросить. Власти назначили суд, прислали повестку по форме. От горя бабушка не спала, вши в ее голове развелись. Услышав о приезде Ивана Павловича, бабушка, взяв с собой дочь, мою маму, пошла просить у старца защиты и помощи. Мама моя хорошо запомнила этот день. Они зашли в дьяконский дом, в углу было много-много икон, горела лампада. Старец сидел посреди комнаты на низенькой табуретке и что-то вязал. Бабушка тут же упала пред ним на колени и сквозь слезы поведала о своей беде. Иван Павлович попросил ее встать и сказал:

- Обвинители сами придут и прощенья попросят.

- Так повестку на суд уже принесли, - возразила несчастная бабушка.

- Ночью не спишь, так встань и положи три поклона Пречистой. Она все сможет, - ответил ей старец.

В день суда бабушка все ждала милости Божией. Встала рано, печь затопила. Вдруг мимо окон прошли те самые люди, что ее обвинили. Постучались, вошли молча в дом и встали пред бабушкой на колени:

- Прости нас, Васса Прокофьевна. Теперь нам известно, как дом загорелся. Соседские ребятишки костер разожгли во дворе из навоза, варили "варенье".

Так кончилась эта история.

СЛЕПОЙ ГОЕРГИЙ

Родился Георгий в селе Вителевка Ульяновской области. Был женат. От жены своей, женщины жадной и злой, много ему терпеть пришлось. А когда Георгий внезапно ослеп, вовсе жизни не стало. Но однажды злую жену разбил паралич. Она все прощенья просила у мужа и молила помочь. По молитвам Георгия Господь исцелил ее. Но и после сего вразумления она лучше не стала. Окончилось тем, что жена Георгия бросила. Ухаживать за ним стала племянница.

Георгий молитвенник был. Слепой, а больше нашего видел и до самой кончины судьбу твою прозревал. Многим он помогал.

У Ивана Михайловича из села Верхне-Свияжское Ульяновской области сильно разболелся живот. Его увезли в больницу на операцию. Но в последний момент, уже на операционном столе, он запретил себя резать. Из больницы он сразу направился в село Вителевку к старцу Георгию. Что делал больному наш старец никому не известно, но домой Иван Михайлович вернулся здоровым.

"Корова у меня сохнет, дедушка", - жаловалась старцу одна сельчанка. На что старец ей отвечал: "Тебя муж ругает - ты сохнешь, корова сохнет - ты ее ругаешь".

Местным властям не нравилось, что к старцу ходит так много людей. Его стали преследовать, а потом осудили, для начала дали условно 6 месяцев.

"Ну бабы, ночевать вас не оставлю. Запретили мне", - говорил как-то старец двум женщинам, пришедшим к нему за 70 километров. "Не дойдем мы обратно, сил нет", - отвечали ему женщины. Взял старец буханку хлеба, отломил два ломтя и, крепко посолив их, молча передал женщинам. С неохотой ели женщины предложенный хлеб - уж больно солен был. Но потом неожиданно ощутили в себе прилив сил. Обратный путь был для них легок, все 70 километров прошли в один день.

Ночью старец Георгий не спал. Сидел на краю печи, ноги свесив, и еле слышно бубнил имена: "Матфей, Анатолий, Прокопий, Илия..." Имен до рассвета хватало.

Из тетрадей Головкина

МОНАХИНЯ СУСАННА

Кто в городе не знал мать Сусанну?

Это было в 80-90-х годах прошлого века. Мать Сусанна, монахиня Самарского Иверского женского монастыря, была сборщицей денег на украшение своей обители. Будучи весьма преклонного возраста, она тем не менее была весьма жива, подвижна и энергична.

Низкорослая, коренастая, с посохом в руке, она появлялась то на вокзале, то на пароходных пристанях, в магазинах, в гостиницах, на постоялых дворах, на базаре. Всех она знала, и все ее знали. Никто при встрече с ней не ускользал,

не положив ей что-нибудь в кружку. Ни зной, ни трескучий мороз не останавливали ее.

Зачастую пароход не отойдет от пристани, пока администрация его не убедится, что она сошла на пристань. Бывали случаи, ее увозили до следующей пристани, особенно в августе, когда купечество ехало на ярмарку в Нижний Новгород. Это ей было не в ущерб. Бывали случаи, подвыпившие люди шутили над ней и даже переходили границы, но это ее мало огорчало, и она кому шуткой же , кому притчей отвечала на это, а конец был один: "А ты положи в кружку" - и клали.

Положившему в кружку она обыкновенно говорила: "Ну, спасет Бог" или "Дай тебе Бог мощами быть".

П. В. Алабин пишет о ней так: "...одной из его старейших монахинь матери С-ны (чтоб не нарушить скромности монашеской, мы не позволили себе назвать эту труженицу полным ее именем), которая весь остаток дней своих посвятила трудному делу собрания лепт на украшение монастыря, ей родного".

Самарский мартиролог

Предстательством и молитвами прославленных новомучеников Российских да укрепит Господь веру нашу и паствы церковной, Честною Его Кровию искупленной, и да будет чадам Церкви кровь новомучеников сих семенем веры, произрастающим в жизнь Вечную. Аминь.

(Из "Деяния Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви", 1992 г.).

Список репрессированных священнослужителей, церковнослужителей и мирян, осужденных в 30-е годы и реабилитированных в 1955-1961 и 1989 - 1990 гг.

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
1 Алексеевский Алексей Петрович	священник, с. Заборовка Сызранского р-на	1873	18 февраля 1938
2 Анненков Константин Васильевич	дьякон П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1886	15 января 1938
3 Антипов Иван Иванович	священник, с. Подвалье	1876	11 декабря 1937
4 Арзютова Анна Ивановна	г. Куйбышев, участие в контрреволюц. церковной орг-ции	1886	15 января 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
5 Артемьев Фома Константинович	священник, с. Сосновка Сталинского р-на	1883	1 января 1931
6 Балакова Зинаида Харитоновна	монахиня	1888	12 сентября 1937
7 Бородулина Александра Ивановна	зам.председателя церковного совета П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1870	15 января 1938
8 Буйлин Александр Иванович	псаломщик, с. Суринск Новодевичьего р-на	1898	10 октября 1937
9 Букин Иван Гаврилович	ответприемщик загот-зерна, участие в церковно-монархич. к.-р. орг-ции	1890	18 февраля 1938
10 Булыгин Максим Егорович	священник Сергиевской церкви, г. Самара	1878	не установлена
11 Буньков Андрей Ефимович	председатель церковного совета, с. Суринск Новодевичьего р-на	1890	19 октября 1937
12 Бутов Никифор Васильевич	сторож П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1900	26 сентября 1937
13 Васильев Петр Иванович	священник, с. Бобровка Кинельского р-на	1870	12 января 1938

Ф. И. О.	сан-должность	дата рождения	дата расстрела
14 Вахатов Сергей Флегонтович	священник, с. Рамино Сызранского р-на	1860	19 февраля 1938
15 Винокуров Петр Антипович	священник, с. Новодевичье	1879	4 октября 1937
16 Винюков Яков Михайлович	священник, г. Чапаевск	1875	24 января 1938
17 Войтов Гавриил Тихонович	священник П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1869	16 января 1938
18 Ворожейкин Михаил Игнатьевич	священник, с. Большой Толкай Подбельского р-на	1883	17 февраля 1938
19 Гидлепов Александр Иванович	священник, с. Сергиевск	1873	27 ноября 1937
20 Голиченков Сергей Сергеевич	священник, с. Троицкое Сызранского р-на	1888	25 сентября 1937
21 Горбунов Василий Степанович	дьякон П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1873	16 января 1938
22 Горбунов Иван Степанович	священник, с. Кинель-Черкассы	1877	16 января 1938
23 Гордеев Степан Андреевич	священник, с. Жемковка Сызранского р-на	1883	18 февраля 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
24 Горячкина (Харитонова) Матрена Григорьевна	послушница Бузулукского женского монастыря	1872	20 марта 1938
25 Григорьев Федор Федорович	церковнослужитель, с. Ставрополь	1878	21 декабря 1937
26 Грицкевич Корнилий Флорович	священник, г. Сызрань	1870	18 февраля 1938
27 Дворцов Александр Петрович	священник, г. Самара	1883	15 февраля 1938
28 Демин Николай Михайлович	председатель церковного совета, с. Ставрополь	1872	21 декабря 1937
29 Денисов Александр Иванович	священник	1904	18 февраля 1938
30 Десницкий Александр Иванович	священник, с. Демидовка	1867	18 февраля 1938
31 Диомидов Сергей Алексеевич	священник П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1861	15 января 1938
32 Дмитриев Иван Дмитриевич	священник, с. М. Ибряйкино Похвистневского р-на	1875	19 января 1938
33 Долинков Василий Васильевич	церковный староста, с. Хрящевка Ставропольского р-на	1884	13 февраля 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
34 Евсевиев Геннадий Николаевич	протоиерей П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1880	15 января 1938
35 Евстропов Николай Михайлович	священник, с. Сырейка Кинельского р-на	1887	26 января 1938
36 Егоров Даниил Васильевич	председатель церковного совета, с. Усакла Клявлинского р-на	1877	17 февраля 1938
37 Желтухин Павел Федорович	истопник центр. б-цы, г. Куйбышев, участие в к.-р. церк. орг-ции	1888	8 февраля 1938
38 Жидких Иван Ильич	председатель церк. совета, с. Богдановка Пестравского р-на	1870	22 января 1938
39 Жмакин Алексей Александрович	священник, г. Самара	1868	26 сентября 1938
40 Земляницкий Алексей Иванович	священник, с. Сырейка Кинельского р-на	1879	26 января 1938
41 Зотов Василий Федорович	псаломщик, г. Сызрань	1889	не установлена
42 Зюкуев Иван Дмитриевич	священник, с. Старая Рачейка Сызранского р-на	1889	18 февраля 1938
43 Ивлиев Яков Иванович	сторож церкви, с. Старая Рачейка	1878	18 февраля 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
44 Илларионов Александр Яковлевич	священник, с. Сырейка Кинельского р-на	1854	26 января 1938
45 Ильин Григорий Борисович	дьякон, г. Сызрань	1887	не установлена
46 Ишмаев Спиридон Тимофеевич	священник, с. Кобельма Елховского р-на	1888	20 августа 1937
47 Кармольский Павел Степанович	священник, с. Черноречье Молотовского р-на	1867	25 декабря 1937
48 Кесарев Вениамин Герасимович	псаломщик П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1876	15 января 1938
49 Киселева-Распопова Мария Захаровна	монахиня	1880	15 января 1938
50 Кисилев Андрей Дмитриевич	священник, с. Старый Тукшум Новодевичьего р-на	1877	20 января 1938
51 Ключарев Аркадий Спиридонович	священник П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1877	15 января 1938
52 Конюхов Петр Севастьянович	данных нет	1887	19 декабря 1936
53 Коротина Анисья Яковлевна	монахиня	1889	18 февраля 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
54 Кортенев Всеволод Вячеславович	священник, с. Суринск Новодевичьего р-на	1899	10 октября 1937
55 Косинский Михаил Михайлович	преподаватель шк. NN 18, 73, г. Куйбышев, участ.в к.-р. церк. орг-ции	1874	15 января 1938
56 Котов Иван Семенович	врач пол-ки N 11, г. Куйбышев, участие в к.-р. церк. орг-ции	1893	15 января 1938
57 Кравков Георгий Евгеньевич	псаломщик, п. Кашпир	1886	26 декабря 1930
58 Крестовоздвиженский Петр Алексеевич	священник, г. Сызрань-	1872	не установлена
59 Крестовский Сергей Николаевич	псаломщик, г. Сызрань	1884	18 февраля 1938
60 Кудряшов Никита Тимофеевич	псаломщик, д. Подгорный Дол	1888	30 мая 1930
61 Кузовенко Яков Иванович	священник П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1881	16 января 1938
62 Кузьмин Андрей Андреевич	дьякон, г. Сызрань	1888	не установлена
63 Левашкина Татьяна Сергеевна	гардеробщица планового инст-та, г. Куйбышев, участие в к.-р. церк. орг-ции	1900	15 января 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
64 Ловцов Иван Семенович	священник Никольской церк., с. Старое Семейкино Байтуганского р-на	1873	12 февраля 1938
65 Малофеева Анна Андреевна	монахиня	1887	20 марта 1938
66 Мартынов Николай Андреевич	псаломщик, с. Большой Толкай	1875	17 февраля 1938
67 Миронова Анна Михайловна	уборщица П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1895	15 января 1938
68 Михайлов Александр Григорьевич	священник, с. Русский Байтуган	1894	16 февраля 1931
69 Михайлов Александр Семенович	священник, с. Старое Панино Похвистневского р-на	1871	не установлена
70 Мишурин Дмитрий Матвеевич	председатель церковн. совета, с. Ягодное Ставропольского р-на	1872	21 декабря 1937
71 Млыновский Александр Францевич	преподаватель латыни в школе медсестер, участие в к.-р. церк. орг-ции	1891	15 января 1938
72 Модестов Петр Иванович	священник, с. Сухие Аврали Новобуянского р-на	1875	20 марта 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
73 Мозгунов Федор Маркович	священник, с. Кинель-Черкассы	1882	18 марта 1938
74 Моляков Николай Иванович	священник, с. Богдановка Петровского р-на	1882	27 сентября 1937
75 Наумов Евпол Петрович	контролер, г. Куйбышев, участие в к.-р. церк. орг-ции	1872	15 января 1938
76 Невский Иван Ильич	священник, с. Елшанка Николаевского уезда	1873	20 ноября 1930
77 Нежутин Федор Анисимович	священник, с. Успенка Сергиевского р-на	1893	20 сентября 1937
78 Некрасов Александр Петрович	священник, с. Ставрополь	1891	21 декабря 1937
79 Никольский Вениамин Александрович	священник П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1886	15 января 1938
80 Никольский Владимир Александрович	священник, с. Ставрополь	1881	21 декабря 1937
81 Никольский Петр Федорович	священник, с. Старая Рачейка Сызранского р-на	1892	18 февраля 1938
82 Новожилов Иван Николаевич	священник, с. Ивашевка Сызранского р-на	1868	18 февраля 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
83 Ноздрин Степан Леонтьевич	протоиерей, с. Красные Ключи Подбельского р-на	1888	17 февраля 1938
84 Обыденнов Тихон Леонтьевич	церковный староста, с. Суринск Новодевичьего р-на	1876	10 октября 1937
85 Пантюхин Петр Васильевич	священник, г. Сызрань	1896	18 января 1938
86 Пархоменкова Пелагея Степановна	не работала, г. Куйбышев, участие в к.-р. церк. орг-ции	1892	15 января 1938
87 Пархоменкова Федора Карловна	портниха на дому, г. Куйбышев, участие в к.-р. церк. орг-ции	1876	15 января 1938
88 Писарев Павел Вениаминович	священник Вознесенской церкви, с. Костычи	1871	12 сентября 1937
89 Покровский Петр Степанович	сторож П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1884	15 января 1938
90 Полянцев Константин Вячеславович	дьякон, с. Ставрополь	1990	21 декабря 1937
91 Попов Александр Иванович	счетовод швейн. ф-ки "Кр.звезда", г. Куйбышев, уч. в к.-р. церк. орг-ции	1899	15 января 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
92 Попова-Огромнова Александра Михайловна	работница швейн. ф-ки "Кр.звезда", г. Куйбышев, уч. в к.-р. церк. орг-ции	1900	15 января 1938
93 Порохова Лидия Николаевна	счетовод Ленинского райжилупр., г. Куйбышев, а.-с. деят-ть в церк. орг-ции	1905	14 января 1938
94 Потемкин Семен Михайлович	церковный староста, с. Заборовка Сызранского р-на	1874	19 февраля 1938
95 Преображенский Павел Петрович	священник, с. Екатериновка Безенчукского р-на	1883	26 января 1938
96 Рождественский Афанасий Алексеевич	священник П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1887	16 января 1938
97 Рождественский Иван Владимирович	священник, г. Куйбышев	1887	1 января 1937
98 Рузов Федор Никифорович	священник, с. Большая Глушица	1890	29 сентября 1937
99 Румянцев Сергей Михайлович	священник, г. Сызрань	1884	не установлена
100 Савичев Иван Дмитриевич	дьякон Вознесенской церкви, с. Костычи	1896	12 сентября 1937

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
101 Савостин Николай Ефимович	агент по снабжению с/х им. Наркомсовхоза, участие в а.-с. церк. орг-ции	1885	15 января 1938
102 Салатко-Петрищева Вера Станиславовна	работница швейной ф-ки N 2, г. Куйбышев, участие в к.-р. церк. орг-ции	1880	15 января 1938
103 Салдаева Феодосия Емельяновна	монахиня	1876	не установлена
104 Светличный Сергей Семенович	конюх гортранспорта, участие в к.-р. церк. орг-ции	1888	15 января 1938
105 Сергиевский Николай Петрович	священник, с. Кашпир Сызранского р-на	1870	18 февраля 1938
106 Сильнов Александр Яковлевич	зав. церковным хозяйством П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1864	15 января 1938
107 Ситникова Прасковья Федоровна	казначей П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1870	15 января 1938
108 Скрябин Василий Федорович	дьякон П-Павловской церкви, г. Куйбышев	1880	15 января 1938
109 Смирнов Алексей Васильевич	священник Троицкой церкви, г. Сызрань	1870	12 сентября 1937
110 Смирнов Василий Васильевич	священник, г. Сызрань	1872	не установлена

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
111 Смольков Петр Иванович	священник, с. Хрящевка Ставропольского р-на	1890	13 февраля 1938
112 Соколовский Феодосий Семенович	епископ Ульяновский	1889	15 января 1938
113 Соловов Василий Иванович	председатель церковного совета, с. Старая Рачейка	1869	18 февраля 1938
114 Степанов Александр Федорович	священник, с. Съезжее Богатовского р-на	1891	20 января 1938
115 Степанов Федор Степанович	священник, с. Моча Кинельского р-на	1869	18 декабря 1937
116 Строев Дмитрий Иванович	церковный староста, с. Демидовка Сызранского р-на	1868	20 февраля 1938
117 Сухачева Татьяна Макаровна	швея швейн. к-та им. Крупской, г. Куйбышев, уч. в к.-р. церк. орг-ции	1882	15 января 1938
118 Тарыгин Александр Николаевич	священник, с. Мало-Малышевка Кинельского р-на	1889	18 января 1938
119 Тевс Яков Яковлевич	священник, с. Красновка Кошкинского р-на	1874	25 января 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
120 Тепловодский Степан Федорович	священник, п. Знаменка Богатовского р-на	1875	20 января 1938
121 Тенетов Николай Федорович	псаломщик, п. Кашпир Сызранского р-на	1883	18 февраля 1938
122 Терпигорьев Дмитрий Алексеевич	священник, с. Ягодное Ставропольского р-на	1872	21 декабря 1937
123 Тихонова Надежда Васильевна	картотечница арт. "Красный жестянщик", г. Куйбышев, уч. в к.-р. орг-ции	1888	15 января 1938
124 Топорин Иван Алексеевич	священник, с. Бобровка Кинельского р-на	1858	18 января 1938
125 Травин Николай Николаевич	священник, с. Трубетчино Сызранского р-на	1879	20 февраля 1938
126 Троицкий Иван Николаевич	священник, с. Воеводское Майновского р-на	1873	15 января 1938
127 Усольцев Павел Михайлович	псаломщик, г. Сызрань	1883	18 февраля 1938
128 Филатов Иван Кузьмич	псаломщик, с. Белозерки Ставропольского р-на	1897	27 ноября 1937
129 Фролов Василий Евдокимович	церковный староста, с. Подвалье Новодевичьего р-на	1862	20 января 1938

Ф. И. О.	сан - должность	дата рождения	дата расстрела
130 Хрипушина Мария Федоровна	мотористка швейн. к-та им. Крупской, г. Куйбышев, уч. в к.-р. орг-ции	1901	15 января 1938
131 Чеканова Надежда Сергеевна	церковный староста, с. Томылово Чапаевского р-на	1891	24 января 1938
132 Чекрякова Анна Ильинична	участие в к.-р. церк. орг-ции	1877	15 января 1938
133 Шеин Василий Яковлевич	священник, с. Мало-Малышевка Кинельского р-на	1877	18 января 1938
134 Ширяев Николай Александрович	участие в к.-р. церк. орг-ции	1892	15 января 1938
135 Шульгин Михаил Александрович	архиепископ Ириней	1893	8 февраля 1938
136 Щетинкин Григорий Федорович	печник центр. б-цы, г. Куйбышев, уч. в к.-р. церк. орг-ции	1884	15 января 1938
137 Эллис Елена Александровна	зав. киоском Жигулевского пивкомбината, участие в к.-р. церк. орг-ции	1885	15 января 1938

ПОДВИЖНИКИ САМАРСКОЙ ЗЕМЛИ

Редактор И. Макаров.

Верстка Р. Полисюк.

Набор В. Крошечкина.

Корректура М. Серова.

Лицензия ЛР № 060287 от 11.10.91 г.

Подписано в печать 25.12.95. Формат 60x84/16. Объем 14,88 усл. п. л. Тираж 4000 экз. Заказ № 3056

ТОО Редакционно-издательское малое предприятие «Кредо»
443093, г. Самара, ул. М. Тореза, 1А

Отпечатано с оригинал-макета
на полиграфическом предприятии «Современник»
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

САМАРСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ

Духовный СОБЕСЕДНИК

Жизнь во Христе

Исповедание веры

Возвращение образа

Пою Богу моему

Подписка принимается в любом отделении связи Самарской области.

Индекс 72675

443110, Самара, ул. Радонежская, 2, тел: 36-84-41.